

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

1

2019

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**   **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by
- Заместитель
главного
редактора**   **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; заместитель декана по научной работе, заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
- Ответственный
секретарь**   **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru
- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
- Андрющенко В. П.* Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
- Бабосов Е. М.* Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Безнюк Д. К.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Водопьянов П. А.* Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
- Вольферт П.* Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
- Гигин В. Ф.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Данилов А. Н.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Журавлев А. Л.* Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Зеленков А. И.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Иванич П.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Карамушка Л. Н.* Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
- Кирвель Ч. С.* Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Козловский В. В.* Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Королева И.* Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
- Косецки А.* Пултуская академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
- Купченко В. Е.* Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
- Лазаревич А. А.* Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Лаптёнок А. С.* Институт социально-гуманитарного образования, Минск, Беларусь.
- Мазилев В. А.* Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
- Новиков В. Т.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Порус В. Н.* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
- Ротман Д. Г.* Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Румянцева Т. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Слепович Е. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Стелинговска Б.* Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
- Стёпин В. С.* Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Терещенко О. В.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Титаренко Л. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.* Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Фурманов И. А.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шатравский С. И.* Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Якубовска В.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Янчук В. А.* Академия последипломного образования, Минск, Беларусь.
- Яскевич Я. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief RUBANAU A. V., doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editor-in-chief LIAHCHYLIN A. A., PhD (philosophy), docent; deputy dean for scientific activity, head of the department of philosophy of culture of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

Executive secretary DABRARODNI D. G., PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.* University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kosecki A. Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułtusk, Poland.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Laptenok A. S. Institute for Social and Humanities Education, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Novikov V. T. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Stepin V. S. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Fourmanov I. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Yanchuk V. A. Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

УДК 340.12

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ И СУВЕРЕННАЯ РОССИЯ: СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НАРАСТАЕТ?

С. Р. АБЛЕЕВ¹⁾, А. Л. ЗОЛКИН¹⁾, П. П. МАРЧЕНЯ¹⁾

¹⁾Московский университет Министерства внутренних дел России им. В. Я. Кикотя,
ул. Академика Волгина, 12, 117997, г. Москва, Россия

В современных условиях резкого обострения идеологического и геополитического противостояния цивилизаций возрастает необходимость в теоретическом фундировании концептуальных оснований многополярного мира и защите цивилизационной идентичности России. От способности России дать ответы на глобальные вызовы евро-атлантической цивилизации зависит и надежда на сохранение суверенности других (незападных) цивилизаций. Прозападный либерализм не в состоянии явиться конструктивной ценностной основой стратегического развития российской цивилизации. России необходимо укреплять евразийский полюс мирового влияния и защищать свой цивилизационный суверенитет вопреки санкциям и угрозам Запада.

Ключевые слова: цивилизация; Запад; евро-атлантическая цивилизация; Россия; евразийская цивилизация; цивилизационный суверенитет; геополитика.

Образец цитирования:

Аблеев СР, Золкин АЛ, Марченя ПП. Геополитические угрозы и суверенная Россия: столкновение цивилизаций нарастает? *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:4–9.

For citation:

Ableev SR, Zolkin AL, Marchenya PP. Geopolitical threats and sovereign Russia: is the clash of civilizations growing? *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:4–9. Russian.

Авторы:

Сергей Рифатович Аблеев – доктор философских наук, доцент; начальник кафедры философии.
Андрей Львович Золкин – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии.
Павел Петрович Марченя – кандидат исторических наук, доцент; заместитель начальника кафедры философии.

Authors:

Sergey R. Ableev, doctor of science (philosophy), docent; head of the department of philosophy.
asr028@yandex.ru
Andrey L. Zolkin, doctor of science (philosophy), docent; professor at the department of philosophy.
Pavel P. Marchenya, PhD (history), docent; deputy head at the department of philosophy.

GEOPOLITICAL THREATS AND SOVEREIGN RUSSIA: IS THE CLASH OF CIVILIZATIONS GROWING?

S. R. ABLEEV^a, A. L. ZOLKIN^a, P. P. MARCHENYA^a

^aMoscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikot,
12 Academica Volgina Street, Moscow 117997, Russia

Corresponding author: Ableev S. R. (asr028@yandex.ru)

The authors of the article believe that in the modern world where ideological and political confrontation of civilizations is aggravating it is necessary to provide conceptual grounds of multipolar world and civilization identity defense of Russia. The ability of Russia to meet global challenges of Euro-Atlantic civilization gives the chance to other (non-western) civilizations to preserve their sovereignty. Pro-western liberalism can't become a constructive value foundation for strategic development of Russian civilization. Russia has to strengthen its Eurasian pole of world influence and defend its civilization sovereignty despite any sanctions and threats of the West.

Key words: civilization; the West; Euro-Atlantic civilization; Russia; Eurasian civilization; civilizational sovereignty; geopolitics.

В современных условиях резкого обострения идеологического и геополитического противостояния локальных цивилизаций и их политических блоков возрастает необходимость теоретически фундаментализировать концептуальные основания многополярного мира. Многими мыслителями Востока и Запада будущее стремительно трансформирующегося человечества традиционно ставилось в зависимость от России, ее способности предложить глобальный ответ на вызовы современности, который не только даст возможность сохранить суверенитет, но и подарит надежду другим локальным цивилизациям нашего времени.

Очевидно, что решение этих вопросов упирается в проблему геополитического баланса ведущих мировых держав. После крушения СССР и советского политического блока сложился монополярный мир во главе с США, их союзниками и сателлитами. Фактически это означает доминирование западной цивилизации над всеми другими цивилизациями, странами и народами. Однако события конца XX – начала XXI в. показали, что такое мироустройство оказывается неблагоприятным для всего остального человечества. Устранение реального геополитического противояс открывает западным элитам возможность проводить бесконтрольные, а потому опасные авантюры (например, развязывание локальных войн, искусственное столкновение различных политических, национальных и религиозных групп, смещение законно избранных политических лидеров, «цветные революции», потакание национализму и неонацизму, попустительство терроризму, навязывание всему миру ценностей потребительского общества, разложение традиционных моральных устоев, а также нарастающая манипуляция массовым сознанием через коррумпированных политиков и «карманные» СМИ).

Сложившийся монополярный мир оказался очень неустойчивым, крайне агрессивным и ра-

дикально негуманным. Западная (евро-атлантическая) цивилизация не склонна брать в расчет интересы других цивилизаций, которые для нее являются не более чем источниками ресурсов, рынками сбыта, объектами политического управления и экономического подавления.

Мировая социально-политическая конструкция не может и не должна опираться на одно-единственное основание. В настоящее время мы наблюдаем активное формирование альтернативного основания. Условно его можно определить как *евразийский полюс силы*. Уже сейчас он начинает создавать политический, экономический и аксиологический противовес *западному (американо-европейскому или атлантическому) центру силы*.

Основу евразийского полюса в значительной мере составляет духовная культура, независимая экономика и суверенная политика цивилизаций России и Китая. На данный момент ни Россия, ни Китай в одиночку не могут стать новым геополитическим центром, способным уравновесить атлантический полюс (современной России остро не хватает демографического и экономического потенциалов, а Китаю – географического пространства, природных ресурсов и военной мощи). Каждая из названных стран имеет свои преимущества и самобытную духовную культуру, сложение которых может дать в не столь отдаленном будущем мощнейший кумулятивный эффект. Однако ни одна страна в мире, кроме России, не имеет такого уникального ресурса, как способность к масштабным трансформациям, великим реформам и социальным преобразованиям. Россия – непревзойденная *мировая венчурная площадка*, на которой осуществляются социально-культурный поиск и политическое становление новых, более совершенных форм общественного устройства. Не стоит забывать о том, что первое социалистическое общество равенства и братства 100 лет назад начали строить не в Европе и не в Китае,

а именно в России. К сожалению, оно не во всем оказалось успешным. Однако это уже другая проблема, которая, в свою очередь, должна быть осмыслена во всей философской, экономической, правовой и иной полноте. Следует помнить и о том, что китайские политики вполне успешно перенимали опыт советских коммунистов, который, будучи дополнен рыночными реформами, лег в основу китайского экономического скачка.

Именно поэтому фундаментальное мировоззренческое значение сегодня приобретает идея *цивилизационного суверенитета* России. Страна ни духовно, ни политически, ни экономически не должна раствориться в мутных потоках атлантического мира, утерев все свои идейные преимущества и исторические перспективы [1; 2]. Более того, мы склонны полагать, что формирование альтернативного *евразийского полюса силы* без участия России оказывается весьма затруднительным и даже маловероятным: значение России заключается не только в ее природных ресурсах и реформаторском духе, но и в способности быть незримым *духовным мостом* между различными странами, народами и религиями. Эта способность приобретает важнейшее значение в условиях противоречивой глобальной интеграции, нарастающего межкультурного диалога и взаимовыгодного экономического партнерства различных стран евразийского пространства.

Рассматривая проблемы цивилизационного суверенитета, российскому академическому сообществу и политической элите следует посмотреть без розовых очков на так называемую политику сдерживания России, которую уже много лет проводят страны американско-европейского мира. Вне всяких сомнений, данная политика должна быть квалифицирована как недружественный и, более того, враждебный по отношению к России курс США и их союзников.

В чем заключается смысл этой политики? Если называть вещи своими именами, то ряд стран пытаются создавать для Российской Федерации наибольшее количество всевозможных трудностей и проблем – политических, экономических, военных, информационных, имиджевых и т. д. Расценивать такой формат международных отношений как дружественный, партнерский или деловой можно лишь при изрядной степени геополитической неадекватности. Следовательно, когда некоторые представители либеральных кругов России делают вид, что ничего особенного не происходит и это нормальное положение вещей, они поступают как минимум безответственно по отношению к интересам своего народа и государства.

В связи с этим хочется обратить внимание на одно крайне важное обстоятельство: Россия всегда, в любом из культурно-исторических видов, в любой политической форме не устраивала, раздражала

и возмущала западный мир. Данный факт – горькая истина, еще мало осмысленная академическим сообществом. Феодалская Русь, имперская монархическая Россия, Советская Россия (СССР) сталкивались, а демократическая Россия продолжает сталкиваться с актами недружественного или даже агрессивного поведения западных государств. Складывается впечатление, что *российская цивилизация* действительно является не только геополитическим, но и экзистенциальным оппонентом *западного мира*. Неслучайно в российской религиозной философии и евразийском философском гнозисе противостояние этих цивилизаций приобретает метаисторический (если не метафизический) характер [3].

Нам представляется, что немалая часть российской политической и культурной элиты как на рубеже XX–XXI вв., так и в более ранние периоды истории не слишком глубоко понимала экзистенциальную сущность западной цивилизации. Элита страны безмерно идеализировала и самозабвенно симпатизировала Западу, теряя при этом ощущение объективной действительности. В связи с чем в разные этапы истории России элиты страны оказывались не в состоянии оценить реальный уровень угроз и подлинное отношение американского и европейского истеблишмента к российскому государству. Яркими примерами являются император Николай II и президент СССР М. С. Горбачев. Даже И. В. Сталин недооценил коварство германского фюрера и накануне войны верил А. Гитлеру больше, чем доводам разума и донесениям советской военной разведки.

Очередная горячая или холодная война, новая политика сдерживания или вовсе не новые экономические санкции воспринимались политическими элитами России как нечто неожиданное, сравнимое с падением космического астероида. Полагаем, что пришло время расстаться с иллюзиями и начать принимать в расчет реальные аксиологические доминанты и глубинную суть геополитики западной цивилизации, а также ее далеко не конструктивное восприятие цивилизационного суверенитета России, российских духовных ценностей и исторических перспектив.

Однако проблема, разумеется, намного сложнее и опирается не только в прозападные иллюзии российской политики и культуры. Никакое общество не может развиваться без четко определенных целей и ценностей. С философской точки зрения в совокупности они составляют то, что в широком смысле принято именовать *идеологией*. Обычно ее понимают исключительно в политическом контексте, но это совершенно неправильно. Существуют культурная идеология, идеология социального развития, экономическая идеология, идеология развития науки и техники и т. д. Отказ от идеологии вообще – это отказ от четко определенного курса стратегического развития страны. Образно говоря,

это сожжение штурманской карты в бушующем океане. Нечто подобное и произошло в конце XX в. в «новой» России. Вместо обновления устаревшей идеологии (т. е. разумной коррекции курса развития) ее ликвидировали совсем.

Иными словами, политическая элита отказалась от осмысления курса и формулирования понятных всем ориентиров дальнейшего развития страны. Путь развития, предложенный реформаторами 1990-х гг., предполагал слепое подражание и поклонение Западу. Формулировалось это весьма привлекательно: *демократизация, либерализация и формирование рыночной экономики*. Однако фактически политическая и экономическая стратегии стали укладываться в незатейливую формулу: *делать как у них*. Складывалось впечатление, что спустя неполных пару столетий состоялась очередная реинкарнация российских западников XIX в., мировоззренческий импульс к оформлению идей которых породил известный интеллектуал П. Я. Чаадаев.

Что получила страна в результате внедрения такой стратегии развития? Духовную, социально-политическую и экономическую деградацию. Эти абстрактные категории означают, что страна столкнулась с катастрофической убылью населения, вызванной вымиранием и эмиграцией, с постоянными экономическими кризисами и стагнацией, с ослаблением политического суверенитета, а также с регулярным ритуальным унижением на геополитической арене. Проводить этот ритуал начали уже не только влиятельные представители западного политического бомонда, но и никому не известные спортивные клерки (наглядный пример – травля российской олимпийской сборной накануне зимней Олимпиады в Корее).

В результате проведения либеральных реформ в стране появилось новое, дезориентированное поколение. Оказалось, что молодежь перестала ощущать великие цели. Более того, она уже не видит перспективы жизни и развития в собственной стране. Вот в чем заключаются реальные причины постоянного оттока талантливых молодых специалистов за границу и низкой рождаемости, несмотря на социально-экономическую поддержку семьи и материнства, оказываемую государством. Социологи в СМИ продолжают лакировать действительность. Однако те, кто каждый день входят в студенческую аудиторию, прекрасно понимают настроения и устремления молодых людей. Студентам не понятно, почему в самой большой по площади и вероятно богатой по ресурсам стране две трети народа живет в бедности.

Спустя столетие после событий 1917 г. правящим элитам и народным массам пора осознать разрушительную пассионарную мощь революционных взрывов. России нужны не новые революции, а уверенное поступательное развитие [4]. Настало время переосмыслить идеологические ориентиры и стра-

тегические цели российской цивилизации: про-западный либерализм не смог ранее, не может сегодня и вряд ли сможет в обозримом будущем стать конструктивной ценностной основой ответов самобытной российской цивилизации на глобальные вызовы современности [5]. Полагаем, что стратегия развития России не должна копировать идеологические системы западных государств хотя бы потому, что они в конечном счете оказались неэффективны.

Культурный код западной цивилизации содержит в себе *системные ошибки*, которые не раз в истории порождали локальные и глобальные кризисы. Следует не забывать о том, что две мировые войны начались в геополитическом пространстве именно западной цивилизации. Не стоит закрывать глаза и на то, что подавляющее большинство современных военных конфликтов инспирированы США и странами НАТО. Можно вспомнить и экономическую стагнацию Америки и Европы, а также крушение традиционной морали в так называемых развитых странах. Педофилия, гомосексуализм, сексуальная распущенность и наркомания начинают восприниматься как нормы «свободного общества».

Россия не может ориентироваться на подобные девиантные «европейские ценности» (список которых не ограничивается указанными выше явлениями). Мировоззрение современной западной цивилизации пронизано безграничным гедонизмом, потребительством, техницизмом и культом денег. Оно низвергло почти все духовные основания как религиозной, так и светской жизни. Глумление над чужими духовными ценностями европейская пресса считает торжеством свободы слова (карикатуры на пророка Мухаммеда, на христианских святых и т. п.). На исповеди простодушного обывателя все чаще встречается пастор-гомосексуалист, которому надо каяться в грехах.

В основу идеологии развития России должны быть положены великие идеи, осмысленные и обоснованные лучшими мыслителями-гуманистами и прогрессивными реформаторами общества. Это идеи духовного совершенствования человека, становления социального и демократического государства, равенства и братства всех народов, независимо от национальных и религиозных особенностей, от размера кошелька. Новая идеология не может игнорировать принципы гармоничного сосуществования государств и экологическую этику взаимодействия общества и природы. Об этих проблемах писали многие талантливые мыслители Востока и Запада, но голос русской философской мысли всегда звучал уверенно, конструктивно и дальновидно [6].

Таким образом, уже не старая Европейская Россия, а новая *Евразийская Россия* призвана открыть магистральные пути развития человека и общества, утвердить новые модели общественного устройства как в пределах государства, так и на международной арене. Для этого нельзя думать только о собственных

интересах, как это делают страны западного мира, необходимо принимать в расчет и последовательно отстаивать интересы всего человечества.

Суровая и неудобная для некоторых атлантических элит экзистенциальная истина состоит в том, что человечество сможет выжить только в гармонии. Социальные и экологические противоречия невозможно устранить силами локальных государств. Все разновидности идеологической концепции так называемого золотого миллиарда (рая на Земле для избранных) следует расценивать как крайне опасные иллюзии западных эгоцентристов. Страны и народы, политика и экономика, мораль и демография, общество и геосфера, массовое сознание и психическая ноосфера планеты слишком тесно связаны между собой.

Проблема взаимодействия двух центров силы – евразийского альянса «Россия–Китай» и Запада во главе с США – на самом деле упирается не в конкретного лидера Америки, а в устойчивый менталитет политической элиты Нового Света, которая преследует исключительно собственные меркантильные интересы и не желает считаться с культурными ценностями, политическими приоритетами и экономическими нуждами других народов. Под давлением «твердой» или «мягкой» силы многие страны уже приняли навязанные им правила и де-факто почти утратили суверенитет. Однако это еще не «конец истории», как наивно полагал американец Ф. Фукуяма. Оказалось, что играть по установ-

ленным извне правилам игры в этом мире готовы далеко не все.

Вполне закономерно, что попытка России заявить о собственных правах и интересах через речь В. В. Путина в 2007 г. в Мюнхене подвела черту под внешне благосклонным отношением Запада к российскому миру. Этот и другие шаги Российской Федерации к отстаиванию своих цивилизационных интересов и геополитической концепции многополярного мира вызвали острую реакцию США и ЕС на грани политического бешенства. Начинается очередная фаза резкого обострения экзистенциального конфликта *евро-атлантической* (экспансивной и склонной к доминированию) и *евразийской* (самодостаточной и не признающей внешнее давление) цивилизаций. Все последующие экономические санкции, информационные войны, политический шантаж, дипломатические столкновения и даже дискредитация российских спортсменов явились лишь следствиями этого глубинного, метаисторического конфликта.

В конечном счете российская цивилизация имеет лишь две реальные альтернативы: сдать все и покорно преклониться перед западным миром, отказавшись от собственного культурного кода и права распоряжаться своими ресурсами, либо найти силы для сохранения верности национальной традиции [7], укрепления нового евразийского полюса мирового влияния и независимого развития вопреки всем санкциям, сдерживанию и угрозам [8].

Библиографические ссылки

1. Аблеев СР, Золкин АЛ, Кузьминская СИ, Марченя ПП. *Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии*. Москва: ИПЛ; 2017. 192 с.
2. Бабашкин ВВ. Свобода в хоре, или из двух зол... *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2017;4:628–635. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-628-635.
3. Аблеев СР, Марченя ПП, Васечко АА, Галанина НВ, Глинчикова ЕВ и др. *Фундаментальные ценности России и Запада: аксиологическое измерение столкновения цивилизаций в XXI веке* [Интернет]. Москва: Соционет; 2017 [процитировано 5 февраля 2018]. Доступно по: <http://users4496447.socionet.ru/files/5.Z.pdf>.
4. Аблеев СР, Марченя ПП, Васечко АА, Галанина НВ, Глинчикова ЕВ и др. *Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности* [Интернет]. Москва: ИПЛ; 2017 [процитировано 5 февраля 2018]. Доступно по: <http://users4496447.socionet.ru/files/4.100.pdf>.
5. Марченя ПП. *Российская многопартийность: колыбель гражданского общества или могила имперской государственности? Полис. Политические исследования*. 2017;1:41–52. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.05.
6. Аблеев СР, Марченя ПП. *Духовно-нравственное значение русской религиозно-философской традиции в формировании правосознания сотрудника органов внутренних дел России. Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017;4(40):304–305.
7. Париков ОВ, Треушников ИА, Ротанова МБ. *Утверждение черт постмодерна в современном российском государстве. Успехи современной науки и образования*. 2017;2(1):21–24.
8. Аблеев СР, Бельский ВЮ, Васечко АА, Золкин АЛ, Лепехин ВА и др. *Цивилизационный суверенитет России: глобальные угрозы и стратегические перспективы* [Интернет]. Москва: Соционет; 2017 [процитировано 5 февраля 2018]. Доступно по: <http://users4496447.socionet.ru/files/CV.pdf>.

References

1. Ableev SR, Zolkin AL, Kuz'minskaya SI, Marchenya PP. *Tsivilizatsionnyi suverenitet Rossii: problemy i diskussii* [Civilizational sovereignty of Russia: problems and discussions]. Moscow: IPL; 2017. 192 p. Russian.
2. Babashkin VV. «Freedom in the Choir», or from two evils... *RUDN Journal of Sociology*. 2017;4:628–635. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-628-635. Russian.

3. Ableev SR, Marchenya PP, Vasechko AA, Galanina NV, Glinchikova EV, et al. *Fundamental'nye tsennosti Rossii i Zapada: aksiologicheskoe izmerenie stolknoveniya tsivilizatsii v XXI veke* [Fundamental values of Russia and the West: the axiological dimension of the clash of civilizations in the 21st century] [Internet]. Moscow: Socionet; 2017 [cited 2018 February 5]. Available from: <http://users4496447.socionet.ru/files/5.Z.pdf>. Russian.

4. Ableev SR, Marchenya PP, Vasechko AA, Galanina NV, Glinchikova EV, et al. *Stoletie Russkoi revolyutsii v kontekste problem sotsial'noi stabil'nosti i bezopasnosti* [Centenary of the Russian revolution in the context of the problems of social stability and security] [Internet]. Moscow: IPL; 2017 [cited 2018 February 5]. Available from: <http://users4496447.socionet.ru/files/4.100.pdf>. Russian.

5. Marchenya PP. [Russian Multiparty System: The Cradle of Civil Society or the Tomb of Imperial Statehood?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2017;1:41–52. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.05. Russian.

6. Ableev SR, Marchenya PP. [Spiritual and moral significance of the Russian religious and philosophical tradition in the formation of the legal conscience of an employee of law enforcement bodies of Russia]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*. 2017;4(40):304–305. Russian.

7. Parilov OV, Treushnikov IA, Rotanova MB. [Adoption of features of postmodern in the modern Russian state]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 2017;2(1):21–24. Russian.

8. Ableev SR, Bel'skii VYu, Vasechko AA, Zolkin AL, Lepekhin VA, et al. *Tsivilizatsionnyi suverenitet Rossii: global'nye ugrozy i strategicheskie perspektivy* [Civilizational sovereignty of Russia: global threats and strategic perspectives] [Internet]. Moscow: Socionet; 2017 [cited 2018 February 5]. Available from: <http://users4496447.socionet.ru/files/CV.pdf>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.10.2018.
Received by editorial board 20.10.2018.

УДК 101.1:316.722

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ЭТНОС»: ОТ ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДО ВООБРАЖАЕМОЙ КОНСТРУКЦИИ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Осуществляется концептуально-теоретический анализ понятия «этнос». Проводится историко-философский экскурс возникновения терминологии. Выявляются отличия таких понятий, как «этнос», «род», «племя», «этничность», «народ», «нация». Анализируются особенности этногенеза. Обращается внимание на различные подходы к пониманию природы этничности: примордиализм, конструктивизм, инструментализм. Отмечается, что сегодня в рамках понимания сущности этноса осуществляется переход от антропогенетических маркеров к знаково-символическим характеристикам этноса.

Ключевые слова: этнос; этническая общность; этничность; народ; нация; конструктивизм; примордиализм; идентичность.

CONCEPTUAL AND THEORETICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF ETHNOS: FROM OBJECTIVE REALITY TO THE IMAGINARY CONSTRUCTION

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The main purpose of this article is to conceptual and theoretical analysis of the concept of ethnos. In this article provides a historical and philosophical insight into the emergence of terminology. The author reveals the differences of such concepts as «ethnicity», «race», «tribe», «ethnogenesis», «people», «nation». The article also analyzes the significance of the process of ethnogenesis. The author draws attention to different approaches to understanding the nature of ethnicity: primordialism, constructivism, instrumentalism. The article notes that today in the understanding of the essence of the ethnic group the transition from anthropogenetic markers to symbolic characteristics is carried out.

Key words: ethnos; ethnic community; ethnicity; people; nation; constructivism; primordialism; identity.

Сегодня проблема этничности стала одной из основополагающих линий интеллектуальных поисков как в сфере академического пространства, так и на уровне повседневных осмыслений. Теоретическое и практическое значение разработки проблем этнокультурного диалога, этнической идентичности, этнофанатизма, этнической дискриминации или

этноконфликтов не вызывает сомнений. Хотя, безусловно, вопросы этногенеза и этнического самоопределения были всегда значимы в социально-гуманитарной среде и за ее пределами, однако сегодня мы наблюдаем сильное оживление интеллектуального интереса к проблемному полю этничности. Форсированные процессы аккультурации, интен-

---

Образец цитирования:

Курбачёва ОВ. Концептуально-теоретический анализ понятия «этнос»: от объективной реальности до воображаемой конструкции. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:10–17.

For citation:

Kurbacheva OV. Conceptual and theoretical analysis of the concept of ethnos: from objective reality to the imaginary construction. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:10–17. Russian.

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. kurbach.ova@gmail.com

сификации миграционных процессов, лавинообразных изменений в социальной сфере и геополитических конфигурациях, эскалации этнокультурной напряженности и повышенного уровня этнической конфликтности в обществе (от скрытой этнофобии до национал-экстремистских движений) приводят к осмыслению проблемы этнокультурной идентичности и этнокультурного диалога в особом ракурсе. Важно отметить, что сложность и рельефность вопроса определения сущности этничности, этнокультурного самосознания особенно проявились в период становления единого открытого глобализационного пространства, когда тема этничности должна была, на первый взгляд, наоборот раствориться в общей тенденции к космополитизму. Тем не менее сегодня мы наблюдаем реальный процесс возрождения понятий, связанных с этносом, и всплеск интереса к теме этничности. По мнению словенского философа С. Жижека, в этом проявляется особый диалектический парадокс. В контексте глобализации, когда тема этничности должна редуцироваться, этносы наоборот отстаивают свою «прочную привязанность» и настаивают на своей этнической идентичности: «в том, что касается противоречия между этнической особенностью и всеобщностью, “прочная привязанность” описывает одновременно субъекта, цепляющегося за свою особую этническую идентичность, от которой он не готов отказаться ни при каких обстоятельствах, и прямым обращением к абстрактной всеобщности как к тому, что остается неизменной стабильной структурой во всеобщем изменении всего особенного содержания» [1, с. 154]. Что представляет собой этническая идентичность сегодня: объективную или иллюзорную форму самоотнесенности? В чем опасность и значимость этноцентризма? Каковы грани проявления этнофобии и этнофанатизма? Можно ли избежать этностереотипизации? Какова сущность нового типа расизма («культурный расизм»)? В чем заключаются особенности протекания и разрешения этнокультурного конфликта сегодня? Все эти вопросы обретают новое звучание и концептуальное осмысление в контексте глобального транскультурного пространства. Ответы на них оказывают колоссальное влияние на понимание проблемы диалога культур, формирования национальной идентичности, выбора исторического пути развития локальных культур.

Важно отметить, что сама тема этничности представляет собой достаточно сложное и объемное проблемное поле. Полипарадигмальность в понимании сущности этничности (примордиализм, конструктивизм, инструментализм), наличие множества ракурсов в интерпретации понятия «этнос» (психологический, социологический, этнографический, социально-политический, антропологический, этнографический, исторический и другие срезы),

методологические аспекты исследования и другие факторы максимально расширяют и усложняют формирование единого концептуального осмысления современной проблемы этничности. Поэтому в настоящей работе концептуально-теоретический анализ феномена этничности будет осуществляться на научно-исследовательской базе культурной антропологии, что позволяет комплексно и максимально объективно подойти к рассматриваемой теме, выявив сущности этничности и особенности формирования этнокультурной идентичности в контексте различных подходов.

Понятия «этнос», «этничность», «этническая идентичность», несмотря на наличие внушительного количества литературы по данной тематике, по-прежнему остаются крайне сложными и концептуально многообразными. Различные научные школы и течения предлагают не просто отличающиеся трактовки понимания сущности этноса, а представляют собой альтернативные позиции интерпретации понятий. Что выступает доминантной в определении сущности этнической принадлежности: биологические, исторические, социальные или культурные факторы? Что представляют собой этносы: объективную реальность или «умственную конструкцию» (В. А. Тишков)? Этнос изменчив или константен? Играют ли значимую роль в развитии этноса и формировании идентичности такие характерные особенности, как территориальный фактор и язык? Последний вопрос особенно актуален в контексте глобального открытого пространства и форсированного миграционного процесса.

Сложность определения сущности этноса связана также с тем, что существует не только диахронный срез понимания этничности (развитие представлений об этносе в определенные исторические периоды), но и синхронный срез, в рамках которого одновременно развиваются различные подходы. Так, если в рамках классического (онтологического) подхода отличительными особенностями понимания этноса были гомогенность и статичность его характеристик (С. М. Широкогоров, Ю. В. Бромлей, Н. Н. Чебоксаров, Э. Шилз), то в соответствии с конструктивистским подходом (Дж. Комарофф, Ф. Барт, Э. Хобсбаум, В. А. Тишков) этничность понимается как «форма социальной организации культурных различий» вне линейной привязанности к территориальным и антропогенетическим маркерам, в соответствии с которыми этнос обладает субъективными, а не объективными характеристиками [2]. Признаки этнической принадлежности (историческая память, самоназвание, культура) в соответствии с представлениями уже инструменталистского подхода (Р. Брубейкер, Д. Лейтина, Э. Гелнер) являются результатом особых усилий, например, нациостроительства [3]. Современный теоретический дискурс на тему этничности крайне противоречив: существует

колоссальный разброс представлений о ключевой дефиниции. Сложность и многогранность рассматриваемой проблемы предполагает комплексный подход, в котором не представляется возможным абсолютизировать лишь какую-то одну концептуальную установку при исследовании темы. Это позволяет легитимизировать полипарадигмальный подход, в который при рассмотрении обозначенных вопросов интегрированы разные методологические основания и концептуальные схемы.

Сам термин «этнос» появился намного раньше теории этноса, которая по существу оформилась лишь во второй половине XIX в. В соответствии с демографическим энциклопедическим словарем этнос (от греч. *ethnos* – общество, группа, племя, народ) – исторически сложившаяся устойчивая общность людей – племя, народность, нация, – основными признаками которой выступают язык, территория, материальная и духовная культура и самосознание [4, с. 543]. Данное определение даже для непрофессионального исследователя представляется достаточно общим и размытым. Во-первых, не проводится различие между такими понятиями, как «народ», «этнос», «общество», «нация», их ряд делается синонимичным. В свое время Ю. В. Бромлей дал детальное описание этимологии слова «этнос» и провел анализ древнегреческих, а затем средневековых источников, выделяя тенденцию к употреблению данного термина в следующих значениях: «стая, группа», «племя, народ», «негреческое племя», «языческий» [5, с. 22]. Так, уже на уровне этимологии обнаруживается большая палитра смысловых коннотаций. Под данное энциклопедическое определение может подходить любая социальная общность. Российский этнолог Е. М. Колпаков комментирует данное определение: «...качество классического определения этноса таково, что даже советский партийный аппарат подходит под него без особых натяжек. Исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей налицо. Особенности языка – разве аппаратно-канцелярский жаргон не является “новоязом”? Особенности культуры... особые ритуалы... Самосознание своей общности и единства интересов, а также известное противопоставление “мы – они” здесь посильнее, чем у многих народов» [6, с. 15]. Конечно, данное общее определение понятия «этнос» соответствует утверждению в советской этнографии значению, которое было дано сперва С. М. Широкогоровым, а потом конкретизировано Ю. М. Бромлеем. До появления термина «этнос» в русскоязычной литературе повсеместно использовалось понятие «народ». В толковом словаре В. Даля дается следующее определение: «народ – люд, народившийся в известном пространстве; люди вообще жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управлением; чернь, простолюдие; множе-

ство людей, толпа» [7]. В 1923 г. С. М. Широкогоров дает более точное определение, лишенное социально-классовой дифференциации и многозначности, которая прослеживалась у В. Даля, что затрудняло использование термина в качестве научного. Определение, которое вводит С. М. Широкогоров, становится классическим: «вводя новый термин “этнос”, я даю ему определение: этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличаемых ею от таковых других групп» [8, с. 42]. В работе Ю. В. Бромлея «Очерки по теории этноса», остающейся и сегодня одной из крупнейших работ по теории этноса, было дано дальнейшее развитие представлений об этносе и этногенезе. Несмотря на серьезную критику его представлений в 1990-х гг., исходящую от конструктивистов, в этот период сохраняется предложенное понимание этноса в узком и широком смыслах (в соответствии с дуалистической теорией Ю. В. Бромлея выделяются этникос и этносоциальный организм), а также описание этнодифференцирующих признаков и особенности этнических общностей: «Ни один из компонентов культуры не является непременным этнодифференцирующим признаком. В одних случаях главная роль в этом отношении принадлежит языку, в других – религии, в третьих – характерным чертам поведения и т. д.» [5, с. 31]. Ю. В. Бромлей акцентировал внимание на том, что для этнического размежевания несравнимо большее значение, чем физический облик, имеют групповые особенности, культура и общность психики членов этноса, сам по себе этнос представляет собой динамические, исторически сложившиеся системы [5, с. 30]. Вместе с тем для советских этнографов, которые являются представителями школы примордиализма, этнос представлял собой объективную реальность. Данное разногласие и стало камнем преткновения на пути создания единой антропологической парадигмы в конце XX – начале XXI в. и послужило основанием непрекращающегося по сей день спора между сторонниками конструктивизма и приверженцами примордиализма.

Вторым по популярности подходом к пониманию сущности этноса в рамках советского периода был подход, предложенный Л. Н. Гумилёвым. Непризнаваемый в научном академическом пространстве Л. Н. Гумилёв тем не менее был достаточно известен в околонушной среде. Его теория, в соответствии с которой этнос – это биологическая единица, «феномен биосферы», не имеет под собой научного обоснования. Теория, гласящая, что происходит трансформация различных форм геокосмической энергии в биохимическую энергию живого вещества, которая, в свою очередь, посредством пассионарного толчка (энергетического импульса)

переходит в физиологическую и психическую энергию людей и формирует «этническую пассионарность», предполагала наличие слишком большого количества допущений и бездоказательных фактов. Несмотря на то что этносы, по Гумилёву, отличаются стереотипами поведения и постепенно приобретают социальную оболочку, автор настойчиво определял их как биофизическое образование: «этносы являются биофизическими реальностями, всегда облаченными в ту или иную социальную оболочку» [9, с. 227]. Сегодня, отвлекаясь анализируя положения пассионарной теории, можно сделать предположение о том, что этнос во взглядах Л. И. Гумилёва, скорее, носил посреднический характер, связывая между собой биосферу и общество. Тем не менее пассионарная теория этноса по понятным причинам осталась невостребованной и непринятой в профессиональном пространстве. Стоит заметить, что категориальный аппарат, разработанный Л. И. Гумилёвым, стал популярным и до сих пор глубоко интериоризирован в академическую и околоакадемическую среду: широко используются такие его понятия, как «суперэтнос», «комплиментарность», «пассионарии» и др.

В целом, если проследить генетическую линию исследований данной проблематики, то начинать следует, безусловно, с Геродота, Страбона, Ксенофонта, Тацита, Плиния старшего или Гиппократ. Последний, например, утверждал, что народный характер обуславливается природно-климатическими условиями [10, с. 14]. Так, еще в античности исследователи начали фиксировать отличительные специфические черты народов. Например, на географической карте Геродота изображен весь известный грекам мир и дается несколько наивное описание различных народов. При этом считается, что Геродот предложил первое этнографическое сочинение в Европе [8, с. 39]. Тацит, в свою очередь, дал детальное описание немцев (*Germania*), которое до сих пор классифицируется как подлинный научный труд. В средневековых хрониках, записках путешественников эпохи Великих географических открытий можно найти интереснейшие описания различных народов Старого Света (Бируни, Ибн Фадлан, Плано Карпини, Марко Поло и др.)

Однако конец XVIII – середина XIX в. – время, когда интерес к проблеме формирования и проявления «духа народа» (*Volksgeist*) становится особенно артикулированным: его исследуют Г. В. Ф. Гегель, В. Вундт, В. Гумбольдт, Г. Г. Шпет, Э. Тайлор. В 1839 г. появляется первое Парижское общество этнологии, а в 1842 г. – отдел этнографии в Русском географическом обществе. Так, в конце XVIII в. немецкий теолог и историк культуры И. Г. Гердер впервые вводит понятие «народ» (*Volk*), обозначающее сообщество людей, языковые и историко-культурные особенности которых формируют их сознание [11, с. 31]. В это

же время Г. В. Ф. Гегель вводит понятие «дух народа» (*Volkergeist*) – самосознание народа, возникающее на одном из этапов самосознания абсолютного духа [12, с. 126]

Возникший интерес связан со своеобразной интеллектуальной и социокультурной констелляцией: отголоски романтизма; опосредованное проявление колониальной политики европейских стран, предполагающей знание о литотизированных этносах; формирование антропосоциологической школы и популярность и распространение эволюционистских идей, оказавших, в свою очередь, влияние на становление идей расизма; первый демографический взрыв в Европе в середине XIX в. и начало массовых переселенческих движений; формирование национальных государств. Эти и многие другие факторы стали основанием для актуализации научно-исследовательского интереса к проблеме этнической идентичности и повлияли на формирование целой парадигмы понимания этноса, этнического самосознания, а затем и феномена нации в культурной антропологии и за ее пределами.

Выделение изучения происхождения и культуры отдельных народов в самостоятельную дисциплину начинается лишь с середины XIX в., хотя сами наименования «этнография» и «этнология» входят в научный оборот еще в XVIII в. [5, с. 178]. По мнению известного итальянского философа и основоположника этнической психологии Дж. Вико, только «новая» наука через исторический анализ языка, мифа, ритуала различных народов поможет постичь истинную человеческую природу [10, с. 12]. В 1859 г. редакторы М. Лацарус и Х. Штейнталь в предварительном извещении о выходе нового журнала заявляют о появлении новой отрасли знания – культурной или этнической психологии: «То, что делает народ именно этим народом лежит существенно не в известных объективных отношениях, как происхождение, язык и т. д., а исключительно в субъективном усмотрении членов народа, которые все вместе смотрят на себя как на один народ» [13, с. 75]. Уже в данных представлениях ученых XIX в. обнаруживаются зачатки возникновения демаркационной линии во взглядах на понимание сущности этноса между западными и советскими этнографами.

Необходимо отметить, что категориальный аппарат советской школы этнографии отличался от глоссария западной интеллектуальной мысли, в которой чаще всего использовались термины *Volk, people*, а затем и *natio*, но не использовались понятия «народность», «этнос». В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона термин «этнос» не выделялся и не раскрывался отдельно, а для фиксации этнической общности чаще всего использовался термин «нация» [14, с. 27]. Это объясняет тот факт, что в западной научной литерату-

ре XIX в. превалировали работы по теории нации, а не народа или этноса. В научной русскоязычной литературе понятие «этнос» (введенное С. М. Широкогоровым) начали применять в самом начале XX в. В западноевропейской мысли термин «этнос» начинают использовать лишь в конце 1930-х – начале 1940-х гг. и чаще всего в синонимичном термину «нация» значении. Постепенно в научный тезаурус вводятся термины, производные от понятия «этнос»: «этничность», «этнический», «этническая общность». В данном случае важно отметить, что внедрение единой терминологии в этнографию и антропологию сыграло важнейшую роль в формировании общей исследовательской стратегии. Однако употребление общих понятий еще не означало наличие единого содержательного контекста.

Разрозненные исследовательские парадигмы и теоретические полемики в интеллектуальной среде обусловлены и тем, что само понятие «этнос» существует в тесной связи с понятиями «народ» и «нация». Более того, термины иногда взаимозаменяемы и их используют как синонимичные. Это не только не позволяет прийти к некому парадигмальному, концептуальному консенсусу, но, что самое важное, негативно сказывается на решении конкретных практических задач, например, на предметном анализе и разрешении существующих этнокультурных проблем (этнофанатизм, культурный расизм, сепаратизм, этнический конфликт и т. д.), и нивелирует возможность моделировать и прогнозировать перспективы этнокультурного диалога. В этом ключе именно философия способна эксплицировать основные позиции, а затем аккумулировать альтернативные представления, предложив основание, на котором можно обозначить границы ключевых дефиниций.

Как уже было обозначено, распространение и использование общей терминологической базы в западноевропейской и советской антропологических школах приходилось на середину XX в. Однако это не решило вопрос содержательной путаницы категориального аппарата.

Начиная с середины XX в. и до сих пор, достаточно часто отождествляются понятия «этничность», «этнос» и «народ». Действительно, понятие «этничность», пришедшее в русскоязычную литературу из западной социальной антропологии, используется как синоним понятия «этнос». Однако главное отличие определяется временным контекстом: «этничность» используется в значении «этноса, который находится именно на современном этапе глобальной модернизации». Однако многие из ведущих современных российских этнологов, культурологов, антропологов (например, С. В. Лурье, С. В. Чешко, В. А. Тишков) с большой долей критичности заявляют, что и сегодня в русскоязычной литературе нет общепринятых и приемлемых толкований термина «этнос» и всех его производных: «то явление, ко-

торое обозначается термином “этничность”, едва ли можно, по крайней мере на определенном этапе развития науки, выразить посредством какой-то точной дефиниции. Пытаясь придумать такую дефиницию, мы, скорее всего, допустим ошибку. Абсолютизируя одни стороны этничности и отбросив другие... и крайний субъективизм, и крайняя онтологизация этничности и этноса в равной мере уведут от исследования существа проблемы» [14, с. 40]. Что является основанием для столь пессимистичных взглядов на возможность построения терминологических границ? Какое определение мы можем считать наиболее приемлемым в современной академической среде? Какова амплитуда семантических расхождений терминов «этнос», «этничность», «народ», «нация», определение которой необходимо для того, чтобы избежать в дальнейшем смысловой путаницы и не стать заложником языковых игр?

Стоит отметить, что на протяжении достаточно долгого времени в учебной и научной литературе используется историко-стадиальная типологизация теории этногенеза. В соответствии с этими представлениями этнос понимается как исторический вид общностей людей и выделяется 3 этапа (стадии) его эволюции: племя в первобытно-общинной формации, народность в раннеклассовых формациях и нация в классово-развитых формациях. Этнос определяется через четыре обязательных признака, которые относятся к теории нации, но автоматически распространяются и на этнос: общность территории, общность языка, общность экономических связей и общность психического склада [14, с. 11]. В соответствии с существующим этнографическим материалом, теоретическими разработками и практическими наблюдениями становится очевидным, что это весьма общая и поверхностная характеристика этноса, которая требует детальной проработки.

Конечно, сегодня в науке сохраняются обозначенные выше исторические типы этносов (племя, народность, нация) как общепринятые стадии этногенеза. Однако если обратиться к более предметному и профессиональному анализу, то можно увидеть, что этногенез, безусловно, предполагает более широкий перечень структурных элементов. Можно говорить о таких стадиях, как семья, род, фратрия, племя, племенной союз, народность, нация. Обычно элементы этногенеза «семья» и «род» опускаются, однако большинство антропологов акцентируют внимание на их принципиальной значимости. Например, патриархальная или расширенная семья представляют собой не просто первичную социальную группу, а базу, на которой развиваются все остальные формы этносов [16, с. 20]. Объединяясь, семьи трансформируются в род (для рода характерны общность мифологических представлений, обычаев, быта, общий диалект и кровнород-

ственные отношения, при этом приняты нормы экзогамии). Род являлся основой возникновения племени. Чем принципиально отличается род от племени, если последнее часто определяют через кровные узы, так же как и род? В этом случае важно учитывать принципы экзогамии, в соответствии с которыми брак можно было заключать лишь с представителями других родов. Таким образом, расширенный родовой союз, интегрированный родственными (ближними и дальними) связями, схожесть культуры, языка, территории и быта становятся основанием для возникновения племени. Однако существовало и промежуточное звено между родом и племенем – это фратрия (от др.-греч. φρατρία – братство). Фратрии представляли собой объединение нескольких родов внутри племени. Более близкие из них по культуре, территории, кровным отношениям объединялись в промежуточную группу, в которой также были распространены правила экзогамии. Вступать в брак можно было лишь с представителями другой фратрии одного племени. Следующим важным и часто забываемым элементом является племенной союз. Этногенез представляет собой сложный и длительный процесс. Переход от одной стадии к другой не осуществляется мгновенно, он занимает достаточно длительное время и предполагает наличие различных факторов. Племя не всегда обязательно трансформируется в народность, прежде племена объединяются между собой (племенные союзы или соплеменность). Для того, чтобы одно племя интегрировалось в другие, необходимо соблюдение определенных условий и наличие некоторых причин. Так, условиями племенного союза являются культурная, языковая, бытовая, территориальная общность, а в качестве причин обычно выступают внешние обстоятельства, например, необходимость ответить на природно-климатические вызовы или объединиться в целях защиты от врагов (кочевников). Если племена объединяются только по внешним причинам и, кроме общей задачи, их ничего не связывает, то такой племенной союз не трансформируется в народность, так как в нем отсутствует фундамент, на котором в дальнейшем будет происходить интеграция и легитимизация единой системы власти. То есть для перехода фратрии (племенного союза) в следующую стадию социальной организации важен как внешний импульс (например, защита от общего врага), так и наличие ряда внутренних условий для долгосрочной консолидации. Среди таких условий обычно выделяют: обладание общей территорией или открытость границ между племенными территориями, общий язык, способствующий легкости взаимопонимания, схожие элементы культуры (религия, миф об общем происхождении и т. д.), общие признаваемые органы управления [9, с. 27].

Однако важно учесть, что этническая история народа не всегда представляет собой прогрессив-

ный и линейный процесс. Не каждый племенной союз трансформируется в народность и далее в нацию. Столкновение с более сильным историческим субъектом может перечеркнуть всю предшествующую эволюцию этнической общности. Если проследить дальнейшую линию этногенеза, то можно отметить, что народность, в отличие от племенного союза, приобретает новую социальную структуру: людей в народности связывает не столько наличие родственных отношений, сколько общий политический институт. Постепенно образуются социальные классы, нивелирующие родственные связи, происходит оформление государственности. Общее государственное управление, территория, хозяйственно-экономические отношения, общая культура, язык – все это выступает в роли мощнейшего механизма трансформации народности в нацию. Однако данная версия линейной эволюции народности в нацию встречается редко, так как территориальные границы народности подвижны (в этом случае нация выступает как прямое продолжение этнокультурной общности). Наиболее распространенный вариант возникновения нации – это ассимиляция или соединение нескольких народностей, вызванное внешними причинами и наличием близких культурно-языковых черт (например, французская, русская нации). В таком случае нация представляет собой единую политическую общность, интегрирующую различные народности. В результате вырабатываются единые культура и литературный язык, формируется общее символическое коммуникативное пространство, вырабатывается общенациональная Я-концепция, формирующая национальное самосознание. В результате нация представляет собой воображаемое единство, в котором институционально объединены различные народности схожие по культурно-языковому развитию.

Таким образом, осуществив концептуально-теоретический анализ понятий, можно зафиксировать некоторые терминологические границы.

Во-первых, необходимо обозначить соотношения терминов «народ» и «этнос». Термин «народ», как уже было отмечено, возник и использовался раньше термина «этнос», однако в академической среде он был лишен научного статуса в силу своей многозначности и размытости (народ может быть понят и в политическом значении, в этом случае он синонимичен понятию «нация», и в этнокультурном, тогда его можно заменить понятием «этнос»). В связи с этим говорить о тождественности понятий «этнос» и «народ» весьма некорректно, либо необходимо использовать соответствующие оговорки. Однако в научной литературе по-прежнему можно встретить отождествление производных этих понятий. Так, народное приравнивается к этническому, важно понимать, что под определением «народный» понимается, скорее всего, «традиционный»,

а не «этнический» (это понятие шире, чем локальный акцент на определенных традициях).

Другим обстоятельством, затрудняющим смысловую определенность, является принятая еще в советский период марксистская историко-стадиальная теория этногенеза, в соответствии с которой народ – это лишь определенный исторический этап развития этноса, т. е. народ одновременно является и людьми в целом, и обществом в определенном государстве («мы, белорусский народ...»), и стадией этногенеза. Понятие «народный» также несет различные смысловые нагрузки и заменяется синонимичным рядом: традиционный (исконно присущий), всеобщий (выбор народа), этнический (характерный именно для этой социальной общности). Амплитуда семантических значений настолько широка, что естественное последствие такого использования понятийного ряда – возникновение содержательной путаницы.

Во-вторых, важно обозначить соотношение терминов «нация» и «этнос». Для анализа этой терминологической пары стоит остановиться подробнее на понятии «нация». Термин *natio* латинского происхождения употреблялся в Древнем Риме чаще всего для обозначения племенных общностей [14, с. 28]. В раннем Средневековье названный термин утрачивает свои этнические корни и отражает культурный, «цивилизованный» уровень народов, отличающихся от варваров. Ю. Д. Гранин приводит следующий исторический пример: «многочисленные племена и народности, входившие в империю Каролингов (нормандцы, бургундцы, бретонцы, франки, баварцы, саксы и др.) еще долго после ее распада именовали себя “нациями”, по сути не будучи таковыми» [17, с. 10]. В позднем Средневековье термин «нация» уже несет корпоративно-организационный смысл: в средневековых университетах нации – это своего рода студенческие корпорации, землячество. Например, в Пражском университете было четыре нации: чешская, саксонская, баварская и польская, при этом немецкие студенты состояли во всех нациях, кроме чешской. На нации подразделялись религиозные ордены и купеческие союзы. Нации в основном являлись критерием административного разделения, а не носили политический или этнический контекст [18, с. 204]. Важно учитывать, что это была эпоха феодальной раздробленности и интеграция по этническому критерию или языковой культурной общности не являлась первоочередной задачей. Становится более понятной семантическая эволюция термина «нация», которая была исторически связана со становлением индустриального (в данном случае капиталистического) общества и формированием в Европе крупных централизованных административных центров (государств), объединяющих на своей территории

многочисленные различные этнические группы в единую хозяйственно-экономическую и политическую систему. В связи с этим в западноевропейских языках под термином «нация» понимается «совокупность граждан одного государства» [14, с. 29]. Такая эвристика трактовка нации поясняет основной принцип разграничения терминов «нация» и «этнос». Нация может интегрировать различные этнические группы и определяет не этническую, а гражданскую принадлежность. За редким исключением политоним не только определяет гражданскую идентичность, но и совпадает с этнонимом (например, «японцы»). Как видно, термины «этнос» (от греч. *ethnos* – народ) и «нация» (от лат. *natio* – племя, народ, рождаться) имеют разные исторические и этимологические судьбы.

Осуществленный концептуально-теоретический анализ понятия «этнос» позволяет не только зафиксировать его общие терминологические границы, но и сделать неоспоримый вывод о том, что этнос представляет собой непосредственно социальный, а не биологический организм. Биологические признаки наследуются генетически и подвержены трансформации лишь в случае мутационного изменения генов. Социокультурные признаки, в свою очередь, не наследуются, а приобретаются через процесс социализации и инкультурации в определенном культурно-языковом пространстве. Важно отличать этническую и расовую принадлежности к определенной группе. Антропогенетические признаки (цвет кожи, разрез глаз, пигментация волосяного покрова и т. д.) не являются определяющими показателями этнической идентичности, а отражают расовую принадлежность. В данном случае чаще всего происходит терминологическая и идентификационная путаница. Сегодня в условиях глобального миграционного процесса, ассимиляции и процессов транскulturации, важнейшими этнокультурными признаками, определяющими этническую принадлежность, а значит, и символические границы этноса, выступают культура, язык, мировоззренческие установки, общие мифы, признание человека другими представителями этноса как «своего». В силу открытости культурных границ не представляется возможным говорить о существующих современных закрытых гомогенных и сугубо функциональных границах этнической общности. Сегодня следует вести речь о множественной и релятивистской этнокультурной идентичности, в соответствии с которой происходит смещение от этноприродных форм идентичности (антропогенетических показателей) к знаково-символическому измерению. Однако стоит отметить, что спор между примордалистами и конструктивистами до сих пор не прекращается, поэтому вопрос о природе этнокультурной идентичности по-прежнему актуален.

Библиографические ссылки

1. Жижек С. *Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии*. Щукина С, переводчик. Москва: Дело; 2014.
2. Тишков ВА. Этнос или этничность. В: Тишков ВА. *Этнология и политика* [Интернет]. Москва: Наука; 2001 [протитировано 20 октября 2018]. Доступно по: valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html?forprint=1/.
3. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Николаева В, переводчик. Москва: Новое издательство; 2001.
4. Этнос. В: Валентей ДИ, редактор. *Демографический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1985.
5. Бромлей ЮВ. *Этнос и этнография*. Москва: Наука; 1973.
6. Колпаков ЕМ. Этнос и этничность. *Этнографическое обозрение*. 1995;5:13–23.
7. Даль В. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Эксмо; 2016
8. Широкогоров СМ. *Этнографическое исследование*. Владивосток: издательство Дальневосточного федерального университета; 2014.
9. Гумилев ЛН. *Этногенез и биосфера Земли*. Москва: Прогресс; 1993.
10. Хотинцев ВЮ. *Этническое самосознание*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000.
11. Гердер ИГ. *Идеи к философии истории человечества*. Михайлова АВ, переводчик. 2-е издание. Москва: Прогресс; 2013.
12. Гегель ГВФ. *Философия истории*. В: Гегель ГВФ. *Собрание сочинений. Том 8*. Москва: Мысль; 1990.
13. Шажинбат А. *Этнос как философско-антропологическая проблема*. Москва: Эдитиус; 2015.
14. Козлов ВИ. *Этнос. Нация. Национализм*. Москва: Старый сад; 1999.
15. Чешко СВ. Человек и этничность. *Этнографическое обозрение*. 1994;6:40.
16. Налчаджян А. *Этногенез и ассимиляция*. Москва: Когито; 2004.
17. Гринин ЮД. *Этносы, национальное государство и формирование российской нации: опыт философско-методологического исследования*. Москва: Институт философии Российской академии наук; 2007.
18. Козинг А. *Нация в истории и современности*. Феерштейн С, Каитахчян Н, переводчики. Москва: Прогресс; 1978.

References

1. Žižek S. *The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology*. London: Verso; 1999.
Russian edition: Žižek S. *Shchekotliviyi sub'ekt: otsutstvuyushchii tsentr politicheskoi ontologii*. Shchukina S, translator. Moscow: Delo; 2014.
2. Tishkov VA. [Ethnos or ethnicity]. In: Tishkov VA. *Etnologiya i politika* [Ethnology and Policy] [Internet]. Moscow: Nauka; 2011 [cited 2018 November 20]. Available from: valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html?forprint=1/. Russian.
3. Anderson B. *Imagined communities reflections on the origin and spread of nationalism*. London, New York: Verso; 1983.
Russian edition: Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma*. Nikolaeva V, translator. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2001.
4. Ethnos. In: Valentei DI, editor. *Demograficheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Demographic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1985. Russian.
5. Bromley BV. *Etnos i etnografiya* [Ethnos and ethnography]. Moscow: Nauka; 1973. Russian.
6. Kolpakov EM. [Ethnicity and ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1995;5:13–23. Russian.
7. Dal' V. *Tolkoviy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Eksmo; 2016. Russian.
8. Shirokogorov SM. *Etnograficheskoe issledovanie* [Ethnographic research]. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern Federal University; 2001. Russian.
9. Gumilev LN. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Moscow: Progress; 1993. Russian.
10. Khotinets VY. *Etnicheskoe samosoznanie* [Ethnic identity]. Saint Petersburg: Aleteya; 2000. Russian.
11. Herder JG. *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*. Riga: [publisher unknown]; 1784.
Russian edition: Herder IG. *Idey k filosofii istorii chelovechestva*. Mikhailova AV, translator. 2nd edition. Moscow: Progress; 2013. Russian.
12. Hegel GVF. [Philosophy of history]. In: Hegel GVF. *Sobranie sochinenii. Tom 8*. [Collected works. Volume 8]. Moscow: Mysl'; 1990. Russian.
13. Shaginbat A. *Etnos kak filosofsko-antropologicheskaya problema* [Ethnicity as philosophical-anthropological problem]. Moscow: Editus; 2015. Russian.
14. Kozlov VI. *Etnos. Natsiya. Natsionalizm* [Ethnicity. Nation. Nationalism]. Moscow: Staryi sad; 1999. Russian.
15. Cheshko SV. [Man and ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1994;6:40. Russian.
16. Nalchajian A. *Etnogenez i assilyatsiya* [Ethnogenesis and assimilation]. Moscow: Kogito; 2004. Russian.
17. Grinin JD. *Etnosy, natsional'noe gosudarstvo i formirovanie rossiiskoi natsii: opyt filosofsko-metodologicheskogo issledovaniya* [Ethnic Groups, national state and the formation of the Russian nation: the experience of philosophical and methodological research]. Moscow: Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences; 2007. Russian.
18. Kozing A. *Natsiya v istorii i sovremennosti* [Nation in history and modernity]. Feershtein S, Kaitakhchyan N, translators. Moscow: Progress; 1978. Russian.

Статья поступила в редакцию 20.10.2018.
Received by editorial board 20.10.2018.

УДК 140.8+340.130.3

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

В. П. СУХОПАРОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Актуализируется проблема обязательности реализации источников права с мировоззренческой, юридической и политологической сторон. Во время протекания конвергенционных и трансформационных процессов современных правовых семей (романо-германской и англосаксонской) исследуемая проблема приобретает особую значимость. Выявлены причины обязательности реализации источников права в мировоззренческом, юридическом и политологическом аспектах, а также представлена модель послегосударственного общества, в котором осуществлен отказ от обязательности реализации источников права. Критика положений классического либерального учения (Т. Гоббс, Г. Гроций, Дж. Локк и др.) позволила сформулировать иное содержание закона природы, действующего в трех состояниях общественного развития (догосударственное, государственное, послегосударственное), и констатировать неизбежность естественного состояния при осуществившемся переходе общества в государственное состояние. Проанализирована возможность восприятия судебного прецедента романо-германской правовой семьей. Результаты исследования вносят вклад в комплексное понимание необходимости реализации источников права в логике либеральной традиции.

Ключевые слова: источник права; обязательность источника права; естественное состояние; государство; послегосударственное состояние; естественный закон; ограничение свободы; судебный прецедент; легальная политическая власть; классический либерализм.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF COMPULSORY SOURCES OF LAW RECOGNITION

V. P. SUKHAPARAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The problem of recognition of compulsory of law recognition of law at world-outlook, legal and politological sight is substantiated in the article. Being researched problem has important significance in the context of today's converging and transforming processes of Roman German law system. Causes of sources of law recognition at world-outlook, legal and politological sight are revealed as well as a pattern of a post-state society is theoretically constructed. Criticism of classical liberalism provisions (T. Hobbes, J. Locke, G. Grotius et al.) has enabled the author to formulate another natural law substance having force in three social development conditions (natural, state, post-state). The author states constancy of a natural condition of a society in spite of the fact of transition to the state. Potential of judicial precedent as a source of law in Roman German law system is commented. The results of research contributes to complex understanding of the need to follow sources of law.

Key words: source of law; source of law recognition; natural society; state; post-state society; natural law; liberty limitation; judicial precedent; legal political power; classical liberalism.

Образец цитирования:

Сухопаров В.П. Философско-методологический анализ проблемы обязательности реализации источников права. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:18–25.

For citation:

Sukhparau VP. Philosophical and methodological analysis of the problem of compulsory sources of law recognition. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:18–25. Russian.

Автор:

Виктор Павлович Сухопаров – магистрант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент В. В. Анохина.

Author:

Viktar P. Sukhparau, master's degree student at the department of theory and history of state and law, faculty of law.
sukhparov_v@mail.ru

Введение

В большинстве стран мира на практике право рассматривается через его источники, исходящие от легальной политической власти (законодательной, исполнительной, судебной, муниципальной или международной). Правила, выраженные в актах субъектов государственной и международной власти, признаются общеобязательными, их нарушение влечет за собой применение со стороны государства (или государств) силы. Однако законы и другие акты государственных и международных органов не объясняют необходимости реализации этих законов и актов. Несмотря на то что в источниках права могут излагаться цели и задачи их принятия, причина обязательности не раскрывается.

В юридической литературе проблеме обязательности источников права¹ уделяется недостаточное внимание. Ученые-юристы подробно рассматривают понятие, виды, особенности действия источников права. В некоторых случаях исследователи, характеризуя признание источников права, ограничиваются отсылкой к историческому развитию правовых систем [1, с. 200–217; 2, с. 336–344; 3, с. 213; 4, с. 11]. В монографии белорусского исследователя К. Л. Томашевского приводятся отдельные положения немецкого юриста Г. Еллинека и румынского правоведа А. Нашица, не позволяющие сформировать достаточное теоретическое представление об обязательности источников права. Само понятие «источник права» основательно исследовано белорусским ученым [5, с. 51–52, 59].

Проблема общеобязательности источников права включает в себя *мировоззренческий, юридический и политологический* аспекты.

Мировоззренческий аспект общеобязательности источников права сводится к необходимости реализации существующих источников права. Отправная аналитическая установка мировоззренческой проблемы – отказ от общеобязательности источников права в рамках теоретического моделирования послегосударственного общества.

Юридический аспект основывается на сущности источников права в большинстве современных стран и выражается в признании судебного прецедента источником права в англосаксонской правовой семье и непризнании в романо-германской семье. *Сущность источника права заключается в тексте, исходящем от легальной политической власти, и обязательной последующей реализации прописанных в нем требований.* Это присуще не только нормативному правовому акту и договору

с нормативным содержанием, но и, с нашей точки зрения, судебному прецеденту. Судебный прецедент – тот же текст, издаваемый судами определенной категории, он устанавливает обязательные правила реализации конкретного, первого в своем роде юридического дела и подобных последующих разбирательств. Однако в одних странах судебный прецедент как источник права общеобязателен, а в других вовсе не признается таковым.

Политологический аспект общеобязательности источников права заключается в вопросе обязательности исполнения законов, исходящих от субъектов легальной политической власти, и необязательности исполнения актов под авторством политических партий или общественных объединений на территории государства. Данный вопрос традиционно объясняется легальностью и правовой легитимностью функционирования ветвей государственной власти. Сложившаяся аргументация приводит к образованию *замкнутого круга причины и следствия общеобязательности источников права на национальном и международном уровнях*: источники права, издаваемые субъектами легальной политической власти, признаются обязательными для реализации на территории государства лишь в силу того, что были приняты в соответствии с законодательством и исходят от органов или должностных лиц, легитимность которых имеет правовую форму.

Общеобязательность источников права легальной политической власти обосновывается и в логике договорной трактовки сущности конституции. Согласно договорной трактовке сущности конституции акты органов государственной власти являются общеобязательными, поскольку издаются в соответствии с конституцией, выражающей всеобщее согласие народа на соблюдение основного закона и на подчинение власти, властным органам и должностным лицам. Аргументация общеобязательности исполнения законов, изданных легальной политической властью в соответствии с договорной трактовкой сущности конституции, не лишена недостатков. Во-первых, не все конституции принимаются всенародным голосованием (они могут приниматься учредительным собранием, парламентом либо октроироваться монархом или правительством, что подводит к возникновению замкнутого круга причины и следствия общеобязательности исполнения требований документа). Во-вторых, выражение в конституции суверенной воли народа не объясняет обязательность проведения всенародного согласия.

¹Под обязательностью (общеобязательностью) источников права в настоящей статье понимается необходимость реализации источников права в четырех существующих формах (соблюдение, использование, исполнение, правоприменение), обусловленных приданием юридической силы источникам права в правовой системе. Иными словами, проблемы обязательности (общеобязательности) источников права – проблема признания источников права обязательными регуляторами общественных отношений.

Таким образом, общеобязательность источников права, изданных субъектами легальной политической власти, в формально-юридической логике заключается в догме «право есть источник права», а в договорной трактовке сущности конституции – в увлеченности идеологемой народного суверенитета. Для формально-юридического подхода обязательность источников права, изданных легальной политической властью, выходит за рамки предмета правовых исследований, является метатеоретиче-

ской проблемой и поэтому может быть разрешена на уровне философского осмысления обязательности исполнения источников права.

Цель настоящего исследования – выявить, по каким причинам источник права является обязательным к исполнению в мировоззренческом, юридическом и политологическом аспектах. Для реализации цели исследования необходимо философски обосновать обязательность источников права с точки зрения классической либеральной традиции.

Материалы и методы

Методология исследования носит комплексный характер и представлена следующими методами: диалектический метод, индукция, дедукция, компаративный метод, системный подход. Эмпири-

ческую базу исследования составили философские трактаты Т. Гоббса, Г. Гроция, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, а также источники академического знания по государственно-правовой проблематике.

Результаты и обсуждение

Мировоззренческий аспект проблемы общеобязательности источников права заключается в вопросе о необходимости реализации источников права вообще. Общества, в котором отсутствуют источники права, сегодня не существует. Однако источники права, в современном понимании, отсутствовали в догосударственном (естественном) состоянии общественного развития. Моделирование общества, основывающегося на отказе от общеобязательности источников права (модель послегосударственного общества), возможно посредством «парадигмальной прививки» признаков того общества, в котором не было источников права.

Наряду с общим признаком – отсутствие общеобязательности источников права – догосударственному и послегосударственному состояниям общественного развития присущи и отличительные черты: *послегосударственное общество, в отличие от догосударственного, – общество, познавшее писаное право, общество, в котором сохранились источники права в материальном смысле и их следы на сознательном и эмпирическом уровнях.* Однако эти отличия не приводят к противопоставлению естественного и послегосударственного состояний и не являются детерминантами нового образа послегосударственного общества по следующим причинам.

1. В государственном состоянии наличествуют покушения на личные блага, а также различного рода правонарушения. Если государствам известны нарушения источников права, связанные с покушением на жизнь, здоровье, имущество и иные блага частных, в том числе и публичных лиц, то количество подобных покушений в моделируемом послегосударственном состоянии не уменьшится: криминология выделяет широкий ряд детерминант преступности (он не ограничивается наличием закона, вызывающего желание нарушить себя). Наличие в послегосударственном состоянии поку-

шений на личные неимущественные и имущественные блага (и их потенциальное увеличение) сближает данное общество с догосударственным, в котором присутствовали индивиды, нарушающие общественный порядок.

2. Акты поведения в догосударственном состоянии общества, соответствующие морали, аналогичны актам поведения в послегосударственном состоянии, которые соответствуют уже необязательным правовым нормам, возникшим в связи с материальным наличием источников права и человеческой привычкой (материальные и эмпирические следы источников права). Незнание писаного права догосударственному обществу не означает, что на этой стадии общественного развития не существовало поведения аналогичного правомерному поведению лиц в государстве. Подобное поведение лиц, желающих следовать источникам права при необязательности их исполнения, будет наблюдаться и в послегосударственном обществе. Право, выраженное в актах субъектов государственной и международной власти, направлено, в частности, на защиту личных неимущественных и имущественных благ (морально-нравственный аспект). Поведение лиц, реализующее соответствующие этой защите правовые нормы в послегосударственном состоянии, уподобляется морально-нравственному поведению лиц догосударственного общества, действовавших по правилам разума. В догосударственном обществе существовали люди, стремившиеся к защите своих благ через мир с другими членами общества, это может иметь место при соблюдении людьми требований уже необязательных источников права в послегосударственном состоянии. Исходя из этого, материальные и эмпирические следы источников права в послегосударственном состоянии являются одной из причин морально-нравственного поведе-

ния лиц (чего не было в догосударственном состоянии общества).

Отказ от обязательности источников права в послегосударственном состоянии влечет за собой снятие с рожденного человека оков закона и бремени его исполнения, наделяя индивида мнимой свободой. Английский философ Дж. Локк считал, что индивиды в обществе, предшествующем государству, обладали полной свободой. По мнению Дж. Локка, естественное состояние есть «состояние полной свободы» людей в их действиях и распоряжении личностью и имуществом «в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы», они не обязаны спрашивать дозволения другого лица и не зависят от его воли [6, с. 217]. В определении естественного состояния, данным английским философом, с одной стороны, усматривается существование свободы в полном объеме, с другой – ограниченность свободы законом природы. Однако в определении Дж. Локка естественного состояния были отражены идеальные стороны этого явления, а не имевшее место фактическое положение дел. Английский философ неоднократно отмечает нарушения законов природы, которые выражались в покушениях (в том числе реализованных) преступников на жизнь и другие блага (здоровье, свободу, собственность) индивидов, и рассматривает данные нарушения как причины, конституировавшие возникновение государства в частности.

Поскольку нарушения естественного закона существовали в догосударственном обществе, такой признак, как полная свобода действий индивидов, ограниченная законом природы, не дает верного представления об этом обществе и не может быть воспринят в моделируемом послегосударственном обществе. В силу нарушений закона природы индивиды лишались свободы действий (лишение жизни) или же свобода их действий искажалась (покушение на иные личные неимущественные или имущественные блага). Индивид, желавший сделать что-то из той вещи, которая ему принадлежала, после порчи ее другим лицом уже не мог этого сделать. Совершаемые нарушения подтверждают, что поведение преступников выходило за рамки естественного закона, а свобода потерпевших ограничивалась действиями нарушителей. Следовательно, для предшествующего государству общества характерна небезопасность и ограниченность бытия индивидов, а не полнота свободы.

При этом в догосударственном обществе не были свободны ни лица, чье поведение соответствовало морали, ни лица, нарушающие общественный порядок. С одной стороны, лица, которые действовали, не причиняя вреда другим (выражая тем самым свободу своих действий), могли быть лишены определенных благ нарушителями, свобода действий

которых проявлялась, в частности, в покушениях на эти блага. С другой стороны, свобода действий нарушителей впоследствии пресекалась потерпевшим или его ближним по праву возмездия, что не позволяло и нарушителям всегда совершать то, чего они желают [6, с. 223–226].

Исходя из наличия закона природы и его нарушений в догосударственном обществе, отсутствие обязательности источников права в послегосударственном обществе не означает отсутствие регулятора поведения вообще. В догосударственном состоянии регулятор поведения имеет природную (естественную) форму выражения. Природность формы как признак регулятора поведения не означает регулирования поведенческих актов объектами живой или неживой природы. Естественность поведенческого регулятора указывает на связь человека с объективным устройством природы и с ней самой.

Вне легальной политической власти и источников права, от нее исходящих, индивид не избавляется от естественного бремени подчинения. Возникает вопрос: свобода индивида в условиях отказа от общеобязательности источников права ограничивается законом природы как альтернативным в сравнении с источником права регулятором поведения или человеческим своеволием?

По Локку, *содержание закона природы* сведено к правилу, гласящему, что «ни один человек не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого» [6, с. 219]. Подобное определение естественного закона встречается и у другого английского философа Т. Гоббса: естественный закон есть предписание, согласно которому человеку запрещается то, что пагубно для жизни другого [7, с. 98].

Об ограничении свободы человека законом природы в смысле, понимаемом Дж. Локком и Т. Гоббсом, обоснованно можно говорить лишь тогда, когда никто не совершает деяний, противоречащих закону природы, и когда естественный закон по собственной воле не соблюдает никто. Иными словами, закон природы ограничивает поведение индивидов в случае, *если идея о ненанесении ущерба другим лицам является сущностной установкой сознания индивида* (подобно программной установке искусственного интеллекта). При этом за рамки данной идеи человек не может мысленно выйти и действует, не причиняя другим лицам вреда.

Наличие в догосударственном обществе нарушений закона природы (т. е. запрета на покушения на личные блага) свидетельствует о том, что закон природы в этом смысле не ограничивал поведение индивидов. Не все индивиды наносили ущерб другим лицам. Нарушения совершались человеком в результате собственного ментального выбора. Как следствие, преступные деяния могли быть

совершены любым индивидом, если он того пожелал. Непричинение вреда и противоположные покушения на жизнь, здоровье, собственность других являлись актами выражения воли, проявлением свободы действий. Исключение составляли случаи, когда покушения на личные блага других не совершались индивидами из-за боязни возмездия по праву сильного, регулятором чего мог выступать инстинкт самосохранения либо коллективный архетип.

Понимание английскими философами (Т. Гоббсом и Дж. Локком) естественного закона как запрета на покушения на личные блага в догосударственном состоянии возводит субъективную идею о поведении человека в объективный закон природы. Для характеристики послегосударственного состояния общества необходимо уточнить содержание естественного закона.

Дискуссии о существовании закона природы в догосударственном обществе обусловлены также спорностью *исходного базиса*. Согласно голландскому философу Г. Гроцию, естественный закон, как предписание здравого разума, определяет действие морально позорным, если оно не соответствует самой разумной природе, а следовательно, такое действие запрещено Богом, создателем природы. Г. Гроций пишет: «Хотя божественное всемогущество и безмерно, тем не менее можно назвать и нечто такое, на что оно не распространяется, поскольку то, что об этом говорится, только произносится, но лишено смысла, выражающего реальный предмет, ибо само себе противоречит. Действительно, подобно тому, как Бог не может сделать, чтобы дважды два не равнялось четырем, точно так он не может зло по внутреннему смыслу обратить в добро» [8, с. 71–72].

Российский исследователь И. Ю. Козлихин акцентирует внимание на том, что нормы естественного закона, по мнению Г. Гроция, исходят от воли Бога, и именно этот факт придает закону природы абсолютную незыблемость [9, с. 111]. В то же время отнесение закона природы к воле Бога, по Гроцию, неразрывно связано с отнесением его к разуму индивида. Подобное положение в обратной формулировке встречается и у Дж. Локка: «преступая закон природы, нарушитель тем самым заявляет о том, что он живет *не по правилу разума*² и общего равенства, которые являются мерилем, установленным Богом для действий людей ради их взаимной безопасности, а *по другому правилу*» [6, с. 220]. Возникает вопрос: «Что является “другим правилом” и разве оно существует вне разума?»

Сознание (разум) даже правопослушного человека допускает мысли о покушениях на блага других людей. Реализация этих покушений детерминирована сознанием и обеспечивается человеческими

способностями. Выбор поведенческих актов осуществляется разумом индивида. Несмотря на то что покушения на личные неимущественные и имущественные блага являются воплощением зла и других социокультурных антиценностей, данные мысли не возникают вне сознания.

Правило «не причинять вреда другим, чтобы не получить вред в ответ» имеет глубинные социокультурные корни и рационализирует морально одобряемое поведение индивидов. Однако опыт общественных отношений показывает, что после причинения вреда ответный вред может не последовать, а совершение действий человеком не требует рационализации их сознанием. Выстраивание идейных поведенческих конструкций без рационализации для человека естественно. К тому же рационализация одного и того же поведенческого акта может быть различной, в зависимости от субъекта, намеревающегося его осуществить. Из логики критикуемых положений Г. Гроция и Дж. Локка, согласно которым действия, соответствующие морали, детерминированы правилом разума (естественный закон), а морально позорные действия не исходят из разума, следует, что *разумом, которым наделила человека природа, охватывается разумное и неразумное*.

Для дополнительной аргументации этой позиции приведем аллегорическое соотнесение российским правоведом П. Н. Панченко правомерного и неправомерного поведения с правовым поведением. Ученый провел аналогию с видеоглазком в лифте. Правомерный либо неправомерный поведенческий акт является правовым, поскольку «полностью контролируется правом» через наделение объекта соответствующими юридическими признаками при помощи наблюдения за поведением людей, подобно видеоглазку в лифте. Правильно мы себя ведем или неправильно, рисуем на стене какие-либо изображения или читаем вынутый из почтового ящика рекламный листок, «он все равно за нами наблюдает... чтобы не произошло чего-то ненужного, вредного или опасного». В современных условиях ничего вне права быть не может [10, с. 6].

Дискуссионность существования естественного закона как идеи запрета на покушения на личные блага обусловлена и *проблемой воли субъекта*, который, по мнению Г. Гроция и Дж. Локка, определил именно такую сущность закона природы. Философы полагали, что люди созданы Богом и существуют по его воле, а значит, они не могут быть уничтожены себе подобными и каждый вправе наказать того, кто посягает на блага, сохранив себя и защитив других от подобных нарушений. Воля Бога заключается именно в существовании людей [6, с. 219–220; 8, с. 71].

²Здесь и далее курсив наш. – В. С.

Если исходить из того, что люди созданы Богом, то возникает вопрос: «Почему Его воля заключается именно в сохранении людей?» Спорность этого утверждения обусловлена другими действиями Творца. Он наделил человека способностью мыслить, желанием покушаться на блага других людей и предпринимать вызванные этими мыслями действия. При сотворении человека Богом не были исключены неблагоприятные последствия совместного человеческого существования.

Воля Творца на бытие людей, поскольку существуют допустимые благоприятные и неблагоприятные последствия, является одной из составляющих Его воли на объективный ход вещей в социальной среде. Этим объясняется согласованность цикличности и линейности исторического процесса, вариативности парадигм существования индивидов и разнообразия поведенческих актов с волей Творца, поскольку Бог после создания людей не вмешивается в социальную среду, что явствует из отсутствия разумной и эмпирической опоры для подтверждения обратного. По объективному ходу вещей любая идеологема о поведении человека имеет потенциал стать парадигмой бытия, что будет зависеть от множества факторов различного рода. Однако идеологема о поведении человека не может претендовать на статус единственной согласующейся с волей Творца. Все другие согласуются с ней в равной мере, за исключением тех, которые выходят за пределы сознания либо возможностей человечества.

Содержательная, исходно-базисная и субъектно-волевая проблемы существования закона природы не означают, что свобода человека в догосударственном обществе не была ограничена естественным законом и не будет им ограничена в моделируемом послегосударственном обществе. Выявленные проблемы актуализируют вопрос об ином осмыслении закона природы, дистанцированном от воли Бога и избавленном от субъективного понимания поведения человека и разумного базиса.

Концептуальные положения критикуемых и других авторов (Т. Гоббс, Г. Гроций, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо [6, с. 218–222, 281–284; 7, с. 97–105; 8, с. 71–74; 11, с. 38–42]) о поведении индивидов и последствиях их действий в догосударственном обществе позволяют сформулировать иное содержание закона природы: *естественный закон – это зависимость свободы индивида от собственных поведенческих актов и поведенческих актов других людей*. Естественность закона указывает на его связь с сущностью человека и объективным устройством окружающей природы. Сформулированный естественный закон действует не только в рамках сосуществования человека с другими индивидами в догосударственном состоянии, но и при бытии человека в государстве, а также вне общества. Например, индивид, попавший на необитаемый остров и пожелавший

сжечь находящиеся на нем объекты живой природы дотла, поскольку обладает свободой действий, впоследствии не сможет выжить на этом острове, как бы того не желал. В государстве закон зависимости свободы индивида от собственных поведенческих актов и поведения других людей выражается при нераскрытии преступлений и коррелирующем избежании виновным юридической ответственности, сохранности личных неимущественных и имущественных благ индивидов в условиях отсутствия преступного покушения на них, разрешении социальных конфликтов сторонними субъектами и т. д.

Моделируемое послегосударственное общество воспринимает естественный закон зависимости свободы индивида от собственных поведенческих актов и поведенческих актов других людей в силу действия этого закона в догосударственном обществе. В теоретической модели послегосударственного общества действие закона природы расширяется, поскольку повышается зависимость, влекущая за собой неблагоприятные последствия для индивидов и их благ. Материальные и эмпирические следы источников права в послегосударственном состоянии обеспечивают наличие морально одобряемого социального поведения и дополняют причины такого поведения в догосударственном состоянии.

Действие закона природы в государстве, наряду с небезопасностью бытия индивидов (вызываемой правонарушениями и преступлениями), не исчезнувшей с догосударственным состоянием, указывает на то, что общество продолжает существовать в естественном состоянии. Факт познания права в моделируемом послегосударственном обществе не означает безопасность сосуществования индивидов и не выводит человечество из естественного состояния. В идеалистическом смысле выход из естественного состояния будет осуществлен лишь тогда, когда ни один человек не будет нарушать источники права.

Юридический аспект проблемы общеобязательности источников права связан с судебным прецедентом. Признание судебного прецедента источником права в англосаксонской правовой семье связано с исторической преемственностью судебного прецедента правовыми системами. Зарождение судебного прецедента было обусловлено усилением королевской власти и централизацией судебной системы в Англии в период классического Средневековья [12, с. 37]. Однако основанные в конце XVIII в. Соединенные Штаты Америки, опираясь на английскую традицию, признали на конституционном уровне судебный прецедент источником права. Обстоятельства, конституировавшие судебный прецедент в Англии, в США не имели силы. Данные исторические примеры указывают на то, что правовой системе присуща зависимость признания определенного источника права от легальной политической власти.

В классической либеральной традиции признание, так же как и непризнание, судебного прецедента источником права может быть объяснено согласованием этих правовых явлений с разделением властей и системой сдержек и противовесов. Признание и непризнание судебного прецедента правовыми системами не вступает в противоречие с либеральной доктриной. Дж. Локк вовсе относил судебную власть к исполнительной ветви [6, с. 297]. Это дает судам полномочие издавать общеобязательные источники права (судебный прецедент) по аналогии с изданием источников права органами исполнительной власти.

Исходя из направленности государственной власти на установление общественного порядка и безопасности личных неимущественных и имущественных благ, источник права каждого из субъектов государственной власти имеет собственный потенциал быть общеобязательным на территории государства, но не может содержательно нарушать границы системы сдержек и противовесов. Однако самостоятельное принятие судом прецедента в правовой системе романо-германской правовой семьи с главенствующей ролью закона (едва ли можно представить эту ситуацию) вызовет конфликт между ветвями государственной власти. Это связано с неопровержимым предположением в романо-германской логике о том, что полномочие судов на издание прецедентов должно быть сперва прописано законодателем. Такая парадигмальная установка указывает на зависимость судебного прецедента в романо-германской правовой семье от закона.

Признание либо отказ от судебного прецедента не может быть обоснован принципиальностью собственного признания либо отказа (установки «признание ради признания», «отказ ради отказа»). Система при внедрении чуждого элемента способна трансформироваться сама и трансформировать эффект элемента в коренной системе как в лучшую,

так и в худшую сторону, что свидетельствует о рисках внедрения. Согласно либеральной традиции, процессы признания судебного прецедента либо отказа от него должны быть обоснованы прогрессивностью защиты прав личности и общественного порядка. Сегодня обе системы (англосаксонская и романо-германская) подтверждают свою положительную эффективность защиты прав и свобод человека, общественной и национальной безопасности.

Политологический аспект проблемы общеобязательности источников права обусловлен тем, что обязательность на территории государства источников права, исходящих от легальной политической власти, и необязательность актов политических партий или общественных объединений в либеральной традиции может быть объяснена легитимной фиксированностью властвующего субъекта. Сама по себе воля политической партии, выраженная, в частности, в тексте, не может быть обязательной. Для этого необходима легитимность, которая в правовых государствах определяется в соответствии с источниками права. Насколько справедливы и идеальны правила определения легитимности – другой вопрос.

Власть политических партий, иных субъектов гражданского общества и обязательность их текстов находит свое трансформированное выражение в текстах законов и иных источников права. Примерами этому могут служить нахождение партийных и беспартийных представителей на государственных должностях в парламенте и органах исполнительной власти, на должностях монархов. Важно, чтобы субъект легитимной политической власти был четко определен источником права. Самовольное властвование политических партий, иных социальных групп возвращает общество в догосударственное состояние, где имел место произвол властвования.

Заключение

Согласно либеральной традиции, обязательность источников права вызвана следующими причинами.

Мировоззренческие причины, вызванные отказом от обязательности источников права, расширением закона природы, повышением уровня небезопасности неимущественных и имущественных благ, большей ограниченностью свободы (в сравнении с государством). Несмотря на неизбежность естественного состояния при переходе общества к государственной форме организации, отказ от обязательности источников права в послегосударственном состоянии не выведет человечество из естественного состояния. Идея выхода из естественного состояния, заключающегося в правомерном поведении всех членов общества, на наш взгляд, утопична.

Юридические причины, которые заключаются в иерархичности видов и ветвей легальной поли-

тической власти при их формально-юридическом равенстве. Признание новых источников права и трансформация их системы, согласно либеральной традиции, должны быть обоснованы защитой прав личности, сохранением общественного порядка и обеспечением национальной безопасности.

Политологические причины, заключающиеся в необходимой легитимной фиксированности субъектов легальной политической власти, от которых исходят источники права. Власть политических партий, иных субъектов гражданского общества и обязательность их текстов находит свое трансформированное выражение в текстах законов и иных источников права. Самовольное властвование политических партий, и иных социальных групп приведет к произволу властвования, аналогичному существующему в догосударственном обществе.

Библиографические ссылки

1. Сырых ВМ. *Теория государства и права*. 6-е издание. Москва: Юстицинформ; 2005.
2. Вишневецкий АФ, Горбатов НА, Кучинский ВА. *Общая теория государства и права*. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь; 2014.
3. Василевич ГА. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина. Минск: Тесей; 2008.
4. Сільчанка МУ. Праблемы азначэння паняцця, вызначэння відаў, юрыдычнай сілы і сістэмы крыніц сучаснага беларускага права. *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. Правазнаўства*. 2008;4:11–17.
5. Томашевский КЛ. *Система источников трудового права Беларуси (история, теория и практика)*. Минск: Амалфея; 2013. Совместное издание с Международным университетом «МИТСО».
6. Локк Дж. *Два трактата о правлении*. Субботин АЛ, переводчик. Москва: Проспект; 2009.
7. Гоббс Т. *Философские основания учения о гражданине (Elementa philosophica de cive)*. Погосский В, переводчик. Москва: Типография торгового дома «Мысль»; 1914.
8. Гроций Г. *О праве войны и мира*. Саккетти АЛ, переводчик. Москва: Ладомир; 1994.
9. Козлихин ИЮ. *История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта*. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс»; 2001.
10. Панченко ПН. Правовое поведение в условиях правового государства и распространенные ошибки и нарушения, допускаемые при применении в отношении закона. *Право и государство: теория и практика*. 2012;7(91):6–13.
11. Руссо Ж-Ж. *Об общественном договоре, или принципы политического права*. Хаяутин АД, Алексеев-Попов ВС, переводчики. Москва: Канон-Пресс; 1998.
12. Давид Р, Жоффре-Спинози К. *Основные правовые системы современности*. Туманов ВА, переводчик. Москва: Международные отношения; 2009.

References

1. Syrykh VM. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. 6nd edition. Moscow: Yustitsinform; 2005. Russian.
2. Vishnevskiy AF, Gorbatok NA, Kuchinskiy VA. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law]. Minsk: The Academy of the Interior Ministry of the Republic of Belarus; 2014. Russian.
3. Vasilevich GA. *Istochniki belorusskogo prava: printsipy, normativnye akty, obychai, pretседенты, doktrina* [The sources of Belarusian Law: principles, enactments, custom, precedents, doctrine]. Minsk: Tesey; 2008. Russian.
4. Sil'chanka MU. [The problems of the concept, determining of kinds, legal force and the system of the current Belarusian law]. *Vesnik Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*. 2008;4:11–17. Belarusian.
5. Tomashevskiy KL. *Sistema istochnikov trudovogo prava Belarusi (istoriya, teoriya i praktika)* [The system of sources of labor law of Belarus (history, theory and practice)]. Minsk: Amalfeya; 2013. Co-publishing with International University «MITSO». Russian.
6. Locke J. *Two Treatises of Government*. London: Awnsham Churchill; 1689.
Russian edition: Locke J. *Dva traktata o pravlenii*. Subbotin AL, translator. Moscow: Prospect; 2009.
7. Hobbes T. *Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine (Elementa philosophica de cive)* [Philosophical bases of studying about citizen (Elementa philosophica de cive)]. Pogoskii V, translator. Moscow: Printing House of the Trading House «Mysl'»; 1914. Russian.
8. Grotius G. *De jure belli ac pacis libritress*. Amsterdam: Gvilislutn blativ; 1631.
Russian edition: Grotius G. *O prave voiny i mira*. Sakketti AL, translator. Moscow: Ladamir; 1994.
9. Kozlihin IY. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii. Novoe vremya: ot Makiavelli do Kanta* [History of political and legal doctrines. New time: from Makiavelli to Kant]. Saint Petersburg: Legal centre «Press»; 2001. Russian.
10. Panchenko PN. Legal behavior interms of the rule of law and common errors and lapses in the application of the law. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2012;7(91):6–13. Russian.
11. Rousseau J-J. *Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava* [About social contract, or the Principles of political law]. Khayutin AD, Alekseev-Popov VS, translators. Moscow: Canon-Press; 1998. Russian.
12. David R, Joffre-Spinozi K. *Les grands system de droit contemporains*. Paris: Dalloz; 1992.
Russian edition: David R, Joffre-Spinozi K. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti*. Tumanov VA, translator. Moscow: International relations; 2009.

Статья поступила в редколлегию 23.05.2018.
Received by editorial board 23.05.2018.

УДК 1(091)(075.8)

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ XVI–XVIII ВВ.

Д. А. СМОЛЯКОВ^{1), 2)}

¹⁾Институт философии Национальной академии наук Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

²⁾Линнаньский педагогический университет, ул. Цуньцзин, 29, Чжаньцзян, провинция Гуандун, Китай

Рассматривается схоластическая основа генезиса и развития отечественного образования в XVI–XVIII вв. с точки зрения процессов интернационализации, в рамках интеллектуального и культурного обмена с Западной Европой. Анализируется параллельный процесс постепенного внедрения экспериментальной методологии в отечественное университетское образование, завершившийся в рамках работы Эдукационной комиссии и реализации идей Просвещения в ходе реформы системы образования Речи Посполитой.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования; схоластика; эклектичная философия; Просвещение; межконфессиональная полемика; Вильнюсская иезуитская академия.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках работы Белорусско-китайского исследовательского центра философии и культуры, созданного Институтом философии Национальной академии наук Беларуси и Линнаньским педагогическим университетом (г. Чжаньцзян, Китай).

Образец цитирования:

Смолякоў Д.А. Філасофскія аспекты інтэрнацыяналізацыі адукацыі на беларускіх землях XVI–XVIII стст. *Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філасофія. Псіхалогія.* 2019;1:26–33.

For citation:

Smaliakou DA. The philosophical aspects of education internationalization on Belarusian territories in XVI–XVIII centuries. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:26–33. Belarusian.

Автор:

Дмитрий Анатольевич Смоляков – кандидат философских наук; старший научный сотрудник¹⁾, научный сотрудник²⁾.

Author:

Dzmitry A. Smaliakou, PhD (philosophy); senior researcher^a, researcher^b.
d.smaliakou@live.com

ФІЛАСОФСКІЯ АСПЕКТЫ ІНТЭРНАЦЫЯНАЛІЗАЦЫІ АДУКАЦЫІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ XVI–XVIII стст.

Д. А. СМАЛЯКОЎ^{1*, 2*}

^{1*} *Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь*
^{2*} *Ліннаньскі педагагічны ўніверсітэт, вул. Цуіньцзін, 29, Чыкан, г. Чжэньцзян, правінцыя Гуандун, Кітай*

Разглядаецца схаластычная аснова генезісу і развіцця айчыннай адукацыі на беларускіх землях у XVI–XVIII стст. з пункта гледжання працэсаў інтэрнацыяналізацыі ў межах інтэлектуальнага і культурнага абмену з Заходняй Еўропай. Аналізуецца паралельны працэс паступовага ўкаранення эксперыментальнай метадалогіі ў айчынную ўніверсітэцкую адукацыю, які завяршаецца ў рамках працы Адукацыйнай камісіі і рэалізацыі асветніцкіх ідэй у галіне рэформы сістэмы адукацыі Рэчы Паспалітай.

Ключавыя словы: інтэрнацыяналізацыя адукацыі; схаластыка; эклектычная філасофія; Асветніцтва; міжканфесіянальная палеміка; Віленская езуіцкая акадэмія.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках работы Беларуска-кітайскага даследчыцкага цэнтра філасофіі і культуры, створанага Інстытутам філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі і Ліннаньскім педагагічным ўніверсітэтам (г. Чжэньцзян, Кітай).

THE PHILOSOPHICAL ASPECTS OF EDUCATION INTERNATIONALIZATION ON BELARUSIAN TERRITORIES IN XVI–XVIII CENTURIES

D. A. SMALIAKOU^{a, b}

^a *Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street, building 2, Minsk 220072, Belarus*
^b *Lingnan Normal University, 29 Cunjin Road, Chikan District, Zhanjiang, Guangdong Province, China*

The article observes the scholastic basement of genesis and development of education on Belarussian territories XVI–XVIII centuries in accordance with processes of internationalization in area of intellectual and cultural exchange with Western Europe. There is also investigated the parallel process of experimental methodology implementation into local university education which was completed in framework of Education Commission activities and Enlightenment ideas realization in area of Polish-Lithuanian Commonwealth education system reform.

Key words: internationalization of education; scholasticism; philosophia recentiorum; Enlightenment; inter-confessional polemics; Jesuit Academy of Wilnia.

Acknowledgements. The article prepared in framework of joint activity of Sino-Belarussian Research Center of Philosophy and Culture created by Institute of Philosophy of National Academy of Sciences of Belarus and Lingnan Normal University (Zhanjiang, China).

Уводзіны

Станаўленне айчыннай вышэйшай адукацыі на пераломе XVI–XVII стст. адбывалася ва ўмовах міжканфесіянальных дэбатаў, якія з’яўляліся не толькі асноўнай формай працякання інтэлектуальнага жыцця ў грамадстве, але і люстрам сацыяльных, палітычных і нават адукацыйных працэсаў у Вялікім Княстве Літоўскім (ВКЛ) і Рэчы Паспалітай таго часу. Феномен міжканфесіянальных дэбатаў у ВКЛ будаваўся на ўзорах схаластычнага дыспуту, які шырока практыкаваўся ў тагачасных еўрапейскіх універсітэтах, таму натуральна, што яго з’яўленне супала па часе з вяртаннем на радзіму некалькіх хваль выпускнікоў, агульная колькасць якіх у XIV–XVI стст. дасягала 700 чалавек. Гэта былі выпускнікі ўніверсітэтаў не толькі Кракава, але таксама Прагі, Берліна, Лейпцыга, Вітэнберга, Кёнігсберга, Падуі,

Рыма, Балонні, Базэля, Парыжа і нават Лондана і Эдынберга [1, с. 358]. У шырокім сэнсе айчынная палемічная традыцыя стала прамым нашчадкам еўрапейскіх міжканфесіянальных дыспутаў, такіх як Парыжскі дыспут 1240 г., Барселонскі дыспут 1263 г., дыспуты ў Бургасе і Авіле 1375 г., Гейдэльбергскі дыспут 1518 г., Лейпцыгскі дыспут 1519 г.

Адначасова акадэмічны топас функцыянавання і генезісу дыскусійнай культуры Еўропы – не што іншае, як прызнанне схаластыкі ў якасці пажаданага і ўсеабдымнага фармату рэалізацыі сярэднявечнай адукацыі. Пераход ад дыялогавай культуры платонаўскіх твораў да паўнаўраўнаважанага дыспуту ў схаластычным разуменні – гэта не толькі пераход стылю і далейшае развіццё лагічных працэдур, але і шырокі спектр акадэмічных і культурных змя-

ненняў, якія забяспечылі сур’ёзны прагрэс у гуманітарных навукх Позняга сярэднявечча. У сувязі з гэтым феномен другой схаластыкі ў беларускім кантэксце можа лічыцца першай сістэмнай спробай пабудовы нацыянальнай сістэмы вышэйшай адукацыі на аснове інтэрнацыяналізацыі. Такі досвед хоць і падаецца перыферычным, але, па сутнасці, з’яўляецца агульнаеўрапейскім феноменам у межах актыўнасці ордэна езуітаў. Тое, што для Заходняй Еўропы было рэфармаванай, позняя схаластыкай, для беларусаў стала першасным яе вопытам.

У гэтым кантэксце можа падацца заканамерным, што заходняя схаластыка, прыйшоўшы ў XVI ст. на мясцовую глебу, выгадаваную ў рамках візантыйскай традыцыі, выклікала рэлігійна-метадалагічны

раскол, які быў аформлены ў выглядзе палемічнай літаратуры. Аднак не сакрэт, што дыялектыка, ці, калі шырэй, арыстоцэлеўская логіка, мела моцны ўплыў як на станаўленне заходнееўрапейскай філасофіі, так і на развіццё яе візантыйскай сястры. У гэтым ключы не зусім карэктна супрацьпастаўляць схаластыку і візантыйскую філасофію, калі такое супрацьпастаўленне разглядаецца па-за межамі вялікага расколу і барацьбы за ўладу паміж Папам Рымскім і Патрыярхам Канстанцінопальскім. Разам з тым сапраўдны разрыў фарміраваўся на глебе эксперыментальнай метадалогіі ўнутры самой схаластыкі, які паступова прывёў да змянення акадэмічнага ландшафту айчыннай адукацыі. Уласна, пазначаным праблемам і прысвечаны гэты артыкул.

Схаластыка як феномен інстытуцыяналізаванай навукі

У межах сярэднявечнай еўрапейскай філасофіі даволі цяжка акрэсліць яе рэгіянальныя адметнасці, паколькі гэта была рэлігійная філасофія, падначаленая хрысціянскай тэалогіі як на Усходзе, так і на Захадзе. У гэтым кантэксце базавай навацыяй схаластыкі, безумоўна, з’яўлялася ўкараненне культуры дыспуту, прытым што візантыйскі акцэнт, а менавіта дыялектыка, заставаўся яе базай, якую далікатна называлі *ars artium, scientia rationalis, disciplina dicialinarum, scientia scientiarum* [2].

Схаластыка ўводзіла і шэраг тэхнічных навацый, якія мелі шырокія культурныя наступствы. У прыватнасці, цяжар доказу ўскладаўся на таго, хто падаваў тэзу, а крыніцы, на якія спасылаўся палеміст, мусілі быць рэлевантнымі і падлягалі ранжыраванню [3, р. 30]. На практыцы ў схаластыцы прыярытэт належаў дакументам, а не звычай, асабліва ж базай любога доказу рабіліся акты кананічнага ці свецкага права, у той час як чуткі не прымаліся да ўвагі. У сучасным сэнсе схаластыка, як неад’емная частка навучальнага зместу сямі вольных мастацтваў, называлася б заняткамі па лагічных тэхніках.

У Заходняй Еўропе інстытуцыяналізацыя схаластыкі адбывалася ўжо ў XIII ст.: схаластыка стала асновай адукацыйнай праграмы Парыжскага ўніверсітэта. У гэты час дыспут, як эсэнцыяльны элемент адукацыйнай праграмы, выходзіць за межы акадэмічнага асяроддзя, робячыся базавай каштоўнасцю еўрапейскай культуры. Тут «перагляд асноўных тыпаў дыспутаў дазволіў універсітэтам забяспечыць пранікненне схаластычных практык у іншыя сферы культуры, якія не заўсёды заўважаюцца гісторыкамі ўніверсітэцкай адукацыі: поліфанія Нотр-Дама, кантрапункт у мастацтве, мотэты і музычныя палемічныя паэмы (*jeux-partis*) як найбольш культываваныя прафесійнымі выканаўцамі з г. Арас»¹ [4, р. 6–7].

Укараненне схаластыкі ў еўрапейскія сістэмы адукацыі адбывалася пераважна сіламі Дамініканскага ордэна, які за аснову сваёй дзейнасці абраў культывацыю тэалагічных прац з мэтай падрыхтоўкі прафесійных прапаведнікаў [5]. У гэтым ключы ўніверсітэцкая адукацыя рабілася важным складнікам каталіцкай арганізацыі, прытым што ў межах Візантыі гэта было даўняй практыкай [6]. Адметна, аднак, што дамініканцы ў якасці мэты адукацыйнага працэсу абралі не тэалагічныя веды самі па сабе, а палемічныя кампетэнцыі выпускніка. Па сутнасці, дэбаты выступалі і мэтай, і інструментам адукацыі, што ў практычным сэнсе выкарыстоўвалася ў палеміцы каталіцкіх прапаведнікаў з праваслаўем, іўдаізмам і ісламам.

Панаванне схаластыкі супадае па часе са станаўленнем універсітэцкай культуры, а дыспут робіцца галоўным механізмам адукацыі і мэтавай кампетэнцыяй, якую яна пачала даваць у межах усіх частых навук. Пры гэтым дыспут меў базавае падабенства з судовым працэсам: у ролі суддзі выступаў выкладчык, які і прымаў рашэнне адносна перамогі таго ці іншага апанента. Прафесійная адукацыя набыла асаблівае значэнне ў межах Рэфармацыі, калі міжканфесіянальная палеміка стала асноўным фарматам інтэлектуальнай актыўнасці тагачаснай Еўропы. У межах Беларусі гэты працэс быў асабліва яркім, бо тут заўважнае месца займалі і візантыйскія сюжэты.

Каталіцкая царква ў рамках контррэфармацыі прыкладала вялікія намаганні для максімальна хуткага прагрэсу ў прасторы філасофска-рэлігійных ведаў. На гэтай глебе адбываецца росквіт мовазнаўства, развіваюцца логіка, рыторыка, юрыспрудэнцыя, новае гучанне набывае гісторыя. Па сутнасці, схаластыка ў гэту эпоху заключаецца ў працэдурныя рамкі, што ператварае яе ў навукападобную

¹Тут і далей пераклад наш. – Д. С.

дысцыпліну. Гэты працэс зарадзіўся ў межах іспанскага залатога веку на фоне вялікіх геаграфічных адкрыццяў і распаўсюдзіўся на ўсю адукацыйную сетку ордэна езуітаў, у тым ліку на тэрыторыі Беларусі.

У гэтым ключы звычайна вылучаюцца два акадэмічныя стылі, пашыраныя на беларускіх землях у XVI–XVII стст.: заходні, пабудаваны на схаластычных прынцыпах, і ўсходні, рэалізаваны з апорай на візантыйскую філасофію. Хоць у аснове як першага, так і другога стылю ляжала дыялектыка, адрозненне паміж імі заключалася ў тым, што схаластыка ўвяла саборніцкі прынцып стварэння новых ведаў, а візантыйскі ўзор будаваўся на аснове кампрамісу.

У межах айчыннай палемічнай думкі кадыфікацыя розніцы паміж схаластыкай і візантыйскай філасофіяй стала адной з базавых тэм міжрэлігійнай палемікі. Улічваючы, што дыялектыка з’яўлялася асновай абодвух кірункаў, менавіта дыспут пачаў выступаць у якасці кропкі разрыву традыцый. У гэтым кантэксце дыспут, з’яўляючыся схаластычнай навацыяй, разумеўся каталіцкімі і ўніяцкімі палемістамі як сур’ёзны прагрэс у філасофіі і навучы, што забяспечваў росквіт канфесіянальных ведаў і ўзвышаў ролю царквы. Адначасова спроба праваслаўных заставацца ў рэчышчы візантыйскай традыцыі ўспрымалася як рэтраградства. З гэтай нагоды ўніяцкі палеміст Л. Крэўза заўважаў: «Калі святло пацямнела, якая ж будзе цемра? На што спадзявацца свецкім, да якіх святло праз духоўных прыходзіць, калі тыя духоўныя ў цемры? Што гэта, калі не пакаранне Божае?» [7, с. 216]. У гэтым плане адыход ад візантыйскай філасофіі ў бок схаластыкі ўспрымаўся ўніяцкімі як далучэнне да перадавой навукі, пабудаванай на найлепшых узорах Старажытнай Грэцыі, дзе разрабаванне крыжакамі Канстанцінопаля інтэрпрэтавалася як вызваленне дыялектыкі са старога куфра візантыйскай філасофіі.

Пярэчачы Л. Крэўзу, праваслаўны палеміст З. Капыстэньскі звяртаў увагу на тое, што менавіта каталіцкі касцёл адрокся ад еднасці з Канстанцінопалем, а значыць, менавіта ён пакараны на далейшае драбленне ў рамках Рэфармацыі: «Вялікая кара Божая на краіны заходнія пасля адарвання касцёла лацінскага ад царквы ўсходняй наступіла, бо, адышоўшы ад крыніцы веры, адышлі і ад правай мудрасці, адкінулі правыя догмы, а ўзяліся за гэтага свету прыкладныя навукі, ад чаго ў ерасі розныя ўпалі, і самі паміж сабою да вялікай нязгоды прыйшлі, і адзін з іншым у пісьмах адзін аднаму супрацьстаяць» [8, с. 898].

Захад інтэрпрэтаваўся як цэласны філасофскі стыль, дзе Рэфармацыя таксама разглядалася ў межах схаластычнай метадалогіі, а дыспут успрымаўся цэнтральнай прычынай распаду каталіцкай

царквы. Абвінавачваючы «лаціннікаў» у тым, што яны, уступаючы ў дыспуты з пратэстантамі, памнажаюць нязгоду ўнутры хрысціянскай царквы, З. Капыстэньскі падкрэсліваў, што «ўся іх мудрасць – на пыху і хвалу пустую і абы для таго, што рабіць, і для прыбытку» [8, с. 899]. У тым жа ключы праваслаўны палеміст Арцёмій крытыкаваў пратэстанта С. Буднага: «...пратэстанцкая навука ад чрэва, праваслаўная – ад душы» [9, с. 1294].

Аблуднасць лацінскай адукацыі, на думку праваслаўных палемістаў, заключалася ў тым, што не ўся грэчаская мудрасць перайшла на Захад, а толькі яе элементы. Пад гэтай частковасцю, відавочна, мелася на ўвазе ўсё тая ж дыялектыка. Разам з тым непасрэдна тэалогія Візантыі па вядомых прычынах стала незапатрабаванай на Захадзе, што дазваляла мясцоваму праваслаўю заяўляць пра захаванне аўтэнтычнай веды, накіраванай на духоўнае ўдасканаленне. У сувязі з гэтым схаластыка абвінавачвалася ў бездапаможнасці адносна спасціжэння веры [7, с. 904].

Падобныя негатыўныя ацэнкі ўзніклі не толькі праз логіку контраргументацыі, але і дзякуючы зменам у мэтавай аўдыторыі адукацыйных інстытутаў. Калі ў ранейшыя часы адукацыйная сістэма была накіравана выключна на падрыхтоўку клерыкальных кадраў, то з часам сітуацыя пачала змяняцца ў напрамку да свецкай адукацыі. Найбольш выразным прыкладам гэтага працэсу можа лічыцца феномен Кёнігсбергскага ўніверсітэта, які ўзнік у выніку секулярызацыі Тэўтонскага ордэна і быў скіраваны на рэалізацыю амбіцый герцага Альбрэхта па пабудове свецкай дзяржавы. У гэтым ключы робяцца зразумелымі закіды палеміста Арцёмія ў адрас заходняй навукі: «Блуд ёсць усё лішкавае, ці ў словах, ці ў рэчах. <...> ...Душэўны ж блуд – усякая ерась і нячэсце» [9, с. 1204].

Прыкладны характар схаластыкі дазваляў праваслаўным апанентам параўноўваць заходніх філосафаў з фарысеямі. Дыспут вылучаўся ў якасці найбольш небяспечнага элемента заходняй традыцыі, скіраванага на секулярызацыю царкоўнай адукацыі. На той момант царква з’яўлялася як цэнтрам падрыхтоўкі спецыялістаў з вышэйшай адукацыяй, так і найбуйнейшым працадаўцам для іх. У гэтым плане менавіта характар адукацыі робіцца цэнтральным пунктам метадалогічнага і этычнага адрознення паміж візантыйскай філасофіяй і схаластыкай: «Адышла з Грэцыі філасофская мудрасць аб гэтым свеце, але засталася ў ёй правая мудрасць евангельская і прастата святая апостальская і айцоўская. Выхваляюцца рымляне свабодою панавання свайго паводле свету, і грэкі выхваляюцца свабодою душы і сумлення свайго, бо правую веру і догматы захоўваюць без усякай узнагароды. Лаціннікі сілагізмы і аргументы вывучаюць, каб спрачацца і адзін аднаго прыпіраць, а грэкі і русы

трымаюць правую веру і даводзяць праўды яе з Письма Святога, прытым навучаюцца богаўгодна жыць, адзін аднаго пераўзыходзячы і цесным

шляхам ды вузкай брамай праходзячы, тых святых першых хрысціян і пустэльнікаў наследуючы» [8, с. 904].

Інстытуцыяналізацыя схаластыкі на беларускіх землях

Уздым палемічнай актыўнасці на пераломе XVI–XVII стст. звязваўся не толькі з падпісаннем Берасцейскай уніі, але і з неакрэсленасцю развіцця айчыннай сістэмы адукацыі. У 1570 г. па запрашэнні віленскіх улад езуіты адчынілі першы калегіум, які ў 1578 г. каралём С. Баторыем быў ператвораны ў акадэмію. Яна хутка развілася і ад пачатку ў ёй выкладалі навукоўцы агульнаеўрапейскага маштабу: логік М. Сміглецкі (1564–1618), рыторык С. Ляўксмін (1597–1670), паэт М. Сарбеўскі (1595–1640), гісторык А. Віюк-Каяловіч (1609–1677) [10].

На гэтым фоне адбывалася станаўленне сярэдняй і вышэйшай праваслаўнай адукацыі, звязанай са з’яўленнем брацкіх школ, утвораных па ўзоры езуіцкіх калегіумаў. Такія ўстановы спачатку ўзніклі ў Вільні (1584) і Львове (1585), а затым хутка распаўсюдзіліся на тэрыторыі Беларусі (дзейнічалі ў Магілёве (1590), Брэсце (1591), Мінску (1592)) і Украіны; на пачатку XVII ст. брацкія школы з’явіліся таксама ў Полацку, Пінску, Оршы і Шклове [11].

Метадалагічная рэвалюцыя ў схаластычнай прасторы ўніверсітэцкай навукі

У рэчывы схаластычнай адукацыі Заходняй Еўропы з канца XV ст. пачынае распаўсюджвацца метадалагічны раскол, які традыцыйна звязваецца з творчасцю астраномаў і пазайнстытуцыянальных філосафаў. Калі схаластыка мела вялікія поспехі ў развіцці гуманітарных навук, то развіццё прыродазнаўства, наадварот, стрымлівалася традыцыйнай метадалогіяй, дзе абстрактная дыспутацыя толькі замяняла. У гэтым кантэксце набывае вялікае значэнне астраномія, якая з прычыны маштабаў аб’ектаў даследавання дазваляла паўнаўважна выкарыстоўваць метады назірання, абв’яргаючы абстрактныя высновы дыялектыкаў і метафізікаў не сілай тэкстуальных крыніц, а фактычнасцю прыродных з’яў.

Навуковая дзейнасць М. Каперніка (1473–1543), а надалей Г. Галілея (1564–1642), І. Кеплера (1571–1630), Ц. Браге (1546–1601) і іншых навукоўцаў спрыяла пранікненню эксперыментальнай метадалогіі ва ўніверсітэцкую адукацыю. У той жа час з’яўляюцца філосафы, якія прапануюць выкарыстоўваць у дачыненні да спасціжэння прыроды новую метадалогію. У трактатах Ф. Бэкана (1561–1626) «Новы Арганон» (*Novum Organum scientiarum*) і Р. Дэкарта (1596–1650) «Развагі пра метады, каб слушна накіроўваць свой розум і адшукваць ісціну ў навук» (*Discours de la methode pour bien conduire sa raison, et chercher la verité dans les sciences*) былі зроблены рашучыя спробы адмовіцца ад схаластыкі ў межах натуральных навук, хоць самі гэтыя пра-

Апагеем гэтага працэсу стала адкрыццё Кіева-Магілянскай акадэміі – першай праваслаўнай установы вышэйшай адукацыі на тэрыторыі Рэчы Паспалітай.

З самага пачатку як каталіцкая, так і праваслаўная адукацыя грунтвалася на традыцыйных цыклах *Trivium* і *Quadrivium* (упор рабіўся на мовазнаўчую праблематыку) і фарміравала схаластычны кампетэнцыі. У гэтым плане менавіта схаластыка з’яўлялася кропкай генезісу айчыннай сярэдняй і вышэйшай адукацыі і, па сутнасці, феноменам Новага часу, а не Сярэднявечча. У шырокім сэнсе сама міжрэлігійная палеміка на Беларусі па форме свайго працякання была схаластычным праектам, які забяспечыў не толькі ўкараненне новай метадалогіі, але і стварэнне завершанай адукацыйнай сістэмы. Адначасова схаластыка – гэта толькі пачатак, інстытуцыяналізаванае поле, у межах якога генерывалася новая метадалогія.

цы і напісаны ў фармаце палемічных трактатаў. Астраномы, робячы свае адкрыцці, усё яшчэ падводзілі пад іх метафізічную базу, не пагарджаючы містычнай нумералогіяй.

Далейшае развіццё акрэсленых ідэй такімі навукоўцамі, як І. Ньютан (1643–1727), Г. Лейбніц (1646–1716), Э. Галей (1656–1742), ужо адбывалася ў акадэмічным асяроддзі, што ўяўляла сабой новую лінію еўрапейскай адукацыі, якая фарміравалася паралельна са схаластычным мэйнстрымам. У сувязі з гэтым цяжка казаць пра інстытуцыянальную апазіцыю схаластыкі і новай метадалогіі, хоць у філасофскім плане яны, безумоўна, супрацьстаўляюцца. Па сутнасці, на працягу XVI–XVII стст. эксперыментальная навука з’яўлялася адгалінаваннем універсітэцкай адукацыі, якое спачатку развівалася паралельна з ёй, а потым само стала пануючым фарматам яе рэалізацыі. Калі Р. Дэкарт яшчэ абапіраўся на палемічны апарат і выкарыстоўваў метафізіку, то ўжо І. Ньютан канчаткова прыйшоў да схематычнага доказу матэматычнымі сродкамі. Па сутнасці, ён замяніў абстрактныя развагі канкрэтнымі графікамі і схемамі, што значыла канчатковы разрыў паміж гуманітарным і прыродазнаўчым крылом тагачаснай адукацыі.

У гэтым сэнсе еўрапейская адукацыя рэфармавала свае мэты: перастала ажыццяўляць кантроль над чысцінёй тэалагічных дактрын, засяроджваючыся на паводзінах асобы ці этыцы. У гэтым ключы

змянілася стаўленне да міжрэлігійных дыспутаў, такіх папулярных у мінулую эпоху. З гэтай нагоды Дж. Лок пісаў: «Таму, калі адрозненні паміж сектамі такія згубныя для выратавання душы, то ўжо пра-любаздзейства, блуд, нячыстасць, непатрэбства, ідаласлужэнне... і гэтак далей не ў меншай ступені з'яўляюцца справамі плоці... Адпаведна, усё гэта павінна быць выкаранена з не меншым імпэтам і энергіяй» [12, с. 92].

У Рэчы Паспалітай затуханне міжрэлігійных дыспутаў супала не толькі з пераканаўчай перамогай

каталіцтва на фоне катастрафічных палітычных падзей, але і азнаменавала сабой пераход інтэлектуальнай павесткі з рэлігіі на палітыку. У новых умовах міжрэлігійных дэбаты страцілі сваю актуальнасць, бо перасталі адпавядаць патрабаванням грамадства і дзяржавы. Да праўды сказаць, артадаксальнасць праваслаўя выявілася слушна ў дачыненні да ацэнак схаластычнай адукацыі, бо менавіта схаластыка падвяла рысу пад дамінаваннем рэлігіі ў інтэлектуальным жыцці і адукацыйнай сістэме Еўропы.

Philosophia recentiorum і адукацыйная рэформа Рэчы Паспалітай

Ідэі Ф. Бэкана, Р. Дэкарта, Дж. Лока, Б. Спінозы, як і апошнія дасягненні прыродазнаўчых навук, на тэрыторыі Беларусі былі вядомыя яшчэ ў XVII ст., аднак больш як аб'ект схаластычнай крытыкі ў асяродку акадэмічных інстытуцый. Аднак з паступовым падзеннем ролі царквы ўзвышалася роля дзяржаўных органаў кіравання, якія пачалі выкарыстоўваць адукацыю ва ўласных мэтах, што вяло да змен у адукацыйнай парадыгме Рэчы Паспалітай.

Тым не менш зводзіць гэтыя змены выключна да перамогі свецкага над царкоўным не варта. Сама па сабе адукацыйная сістэма выпрацоўвала інтэнцыі да сінтэзу акадэмічных ліній у межах агульнаеўрапейскай навукі – схаластычнай метадалогіі гуманітарных навук і даследчай метадалогіі прыродазнаўства. Ва ўмовах, калі навуковыя дасягненні пачалі даваць вялікі эффект і абумоўліваць эканамічныя і вайсковыя поспехі, еўрапейскія ўніверсітэты не маглі ігнараваць новую метадалогію, бо яна стала запатрабаванай сярод студэнтаў, а самі выкладчыкі ператвараліся ў прамых яе праваднікоў. Спробы мадэрнізаваць схаластычны базіс універсітэцкай адукацыі згодна з вынікамі прыродазнаўчых навук выклікалі да жыцця феномен эклектычнай філасофіі, ці *philosophia recentiorum*, якая зрабілася непасрэдным інструментам з'яўлення Асветніцтва.

У Рэчы Паспалітай абстрактнасць падыходаў традыцыйнай схаластыкі на інстытуцыянальным узроўні была пераадолена ў межах *Collegium Nobilium* – першай установы вышэйшай адукацыі ордэна піяраў, заснаванай у 1740 г. С. Канарскім (1700–1773) у Варшаве. Тут глыбока пераасэнсоўваліся творы Г. Лейбніца, Ф. Бэкана, Дж. Лока і Р. Дэкарта з пункта гледжання мэт і задач тагачаснай адукацыі (героі, пералічаныя ў брашурны выкладчыка калегіума А. Віснеўскага «3 філасофскіх палажэнняў сучаснай фізікі» (*Propositiones philosophicae ex physica recentiorum*), на старонках якой эксперыментальная фізіка пераадольвала схаластыку) [13, с. 42].

На гэтым фоне на працягу XVIII ст. пад уплывам заходніх філосафаў у Рэчы Паспалітай ствараюцца разнастайныя праекты адукацыйных рэформ. У гэтым кантэксце рэлігійныя дэбаты канчаткова

змяняюцца дыскусіяй вакол навуковай метадалогіі, што, як і ў мінулыя гады, мела шырокія наступствы: «З аднаго боку – глыбока мадыфікаваны картэзіянскі рацыяналізм і яшчэ больш папулярны эмпірызм, з другога боку – паглыбленая ў дыдактыку схаластыка, якая змагалася за выключнае панаванне над думкамі і маральнасцю чалавека» [14, с. 430].

Як і міжканфесійная палеміка, гэтыя дэбаты не мелі выключна фармальных наступстваў, але азнаменавалі сабой глыбінную дыскусію вакол метадалогіі даследавання свету людзей і прыроды, антрапалогіі і касмалогіі, пазнання і этыкі. У гэтым рэчышчы рэлігійная адукацыя губляла ўладу, магчыма, над самай галоўнай сваёй функцыяй, а менавіта над выхаваннем як такім.

Новым фокусам гуманітарыстыкі выступілі даследаванні менавіта ў межах навуковай метадалогіі. Напрыклад, А. Скарульскі (1715–1780), рэктар езуіцкіх калегіумаў у Навагрудку, Коўне і Віленскай езуіцкай акадэміі, выдаў у 1755 г. манаграфію «Камментарыі па філасофіі ці логіцы, гэта значыць метафізіцы, агульнай і спецыяльнай фізіцы», дзе нароўні з крытыкай Р. Дэкарта і Дж. Лока падрабязна разбіраў дасягненні прыродазнаўства. У гэтым жа напрамку працаваў С. Шадуўскі (1726–1789), выкладчык *Collegium Nobilium* у Варшаве, а таксама навагрудскага, бранеўскага і гродзенскага езуіцкіх калегіумаў. Ён разглядаў праблемы логікі, ісціны ў пазнанні і псіхалогіі з мэтай развіцця прыродазнаўства.

У гэты ж час з'явіўся першы навуковы часопіс *Monitor* (1763–1785), які выходзіў пад рэдакцыяй І. Красіцкага і Ф. Багамольца; другім быў часопіс *Zabawy Przyjemne i Pożyteczne* (1770–1777), які выдаваўся пад рэдакцыяй Я. Альбертранда і А. Нарушэўскага. Дзейнасць гэтых выданняў аказала моцны ўплыў на распаўсюд ідэй як знакамітых навукоўцаў (М. Каперніка, Г. Галілея, Р. Дэкарта), так і новых філосафаў (Ш. дэ Мантэск'ё, Вальтэра, Ж. Ж. Русо) [13, с. 43].

У такой сітуацыі Рэч Паспалітая запусціла рэформу адукацыйнай сістэмы: пачала працу Адукацыйная камісія (1773–1794). Гэты дзяржаўны

орган, па сутнасці, стаў першым у Еўропе право-бразам міністэрства адукацыі. Стварэнне Адукацыйнай камісіі адбывалася на фоне ліквідацыі ордэна езуітаў і секулярызацыі яго ўстаноў. У гэтым кантэксце дзяржава нацыяналізавала рэлігійную адукацыйную сістэму, падначаліўшы яе сваім мэтам, а менавіта імплементацыі ідэй Асветніцтва: «Адыход ад схаластыкі, а таксама эмансіпацыя навукі і філасофіі ад тэалогіі і царкоўных уплываў – згодна з планами рэфарматараў – павінны былі рэалізавацца ў адукацыйнай сістэме. Новая адукацыйная сістэма мусіла стаць рухаючай сілай новых лозунгаў, новых поглядаў, а разам з гэтым і правадніком новых гаспадарчых, сацыяльных і палітычных форм» [14, s. 431].

Нягледзячы на асветніцкі характар дзейнасці Адукацыйнай камісіі, рэальныя рэформы маглі пайсці дыяметральна супрацьлеглым чынам, што ясна бачна на прыкладзе рэарганізацыі Віленскай езуіцкай акадэміі. Прафесары гэтай установы з непакоем глядзелі на праект віленскага біскупа І. Масальскага (1727–1794), які хацеў аб'яднаць акадэмію з дыяцэзіяльнай семінарыяй ва ўніверсітэт, каб рыхтаваць клірыкаў і педагогічныя кадры для патрэб віленскай дыяцэзіі. Акрамя таго, па прыкладзе школ, падначаленых Кракаўскай акадэміі, універсітэт павінен быў ажыццяўляць нагляд за ўсімі былымі калегіюмамі ВКЛ [15, s. 52].

Іншы праект (*Myśli o edukacji i instrukcji w Polsce ustanowić się mające*) быў сфармуляваны літоўскім пісарам І. Патоцкім (1750–1809) і прадугледжваў пашырэнне прыродазнаўчых дысцыплін ва ўніверсітэце. Пры пазітыўным досведзе яго рэалізацыі гэты праект мусіў распаўсюдзіцца на Кракаўскую

акадэмію. Для ўвасаблення гэтай задумы важную ролю адыграў новы рэктар М. Пачобут (1728–1810), астраном і матэматык, намаганнямі якога езуіцкая акадэмія была перабудавана ў фармат свецкай адукацыйнай установы.

У гэты час у Віленскай акадэміі гуманітарныя дысцыпліны развіваліся слаба, перавага аддавалася дакладным навукам і медыцыне. Да 1776 г. прайшлі лекцыі М. Сеницкага (1740 – ?) па механіцы, а таксама М. Кісялеўскага (1738–1802) па архітэктуры. Выкладчыкі французскай мовы таксама звярнуліся да дакладных дысцыплін: Т. Кундзіч (1747–1829) з 1774 г. займаўся ўніверсітэцкай абсерваторыяй, а Ё. Міцкевіч (1744–1817) стаў прафесарам матэматыкі і вывучаў фізіку пад навуковым кіраўніцтвам М. Пачобута, а ў 1775 г. з ініцыятывы біскупа Масальскага займаўся стварэннем фізічнага кабінета. Уласна астранамічная абсерваторыя (заснаваная Т. Жаброўскім (1715–1758) і падтрыманая М. Пачобутам), фізічны кабінет, батанічны сад і кабінет медыцынскіх прэпаратаў сталі новымі сімваламі Віленскай езуіцкай акадэміі. Адначасова галоўнымі кірункамі навуковых даследаванняў акадэміі сталі астранамічныя назіранні і картаграфаванне мясцовасці.

Такім чынам, са згасаннем рэлігійных дыспутаў ва ўніверсітэцкім асяродку пачынаюць дамінаваць механіка, архітэктура, прыродазнаўства; схаластычныя практыкі замяняюцца астранамічнымі назіраннямі і картаграфаваннем гарадоў. З 1770-х гг. айчынная адукацыя завяршыла схаластычны перыяд сваёй гісторыі, перайшоўшы на пазіцыі прыродазнаўчай метадалогіі, што азначала ў першую чаргу канчатковую секулярызацыю вышэйшай адукацыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Яноўскі АА, Самусік АФ. Універсітэт Беларусі: асэнсаванне і рэалізацыя яго ідэі ў гісторыка-палітычных рэаліях часу. В: Сальков АП, Яновский ОА, редакторы. *Российские и славянские исследования. Выпуск 7*. Минск: БГУ; 2012. с. 357–370.
2. Abelson P. *The Seven Liberal Arts, a Study in Medieval Culture*. New York: Teachers' College Columbia University; 1906. 150 p.
3. Rescher N. *Dialectics. A Contraversy-oriented approach to the theory of knowledge*. New York: State University of New York Press; 1977. 128 p.
4. Novikoff A. *The Medieval Culture of Disputation. Pedagogy, Practice, and Performance*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 2013. 336 p.
5. Hinnebusch W. The Dominican Order and Learning [Internet]. 2012 [cited 2018 July 15]. Available from: <http://www.dominicans.ca/Documents/articles/Hinnebusch1.html>.
6. Constantinides CN. *Higher Education in Byzantium in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries (1204–1310)*. Nicosia: Cyprus research Centre; 1982. 222 p.
7. Кривза Л. Оборона унии. В: *Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Том 4. Памятники полемической литературы Западной Руси*. Петербург: Типография и хронография А. Траншеля; 1878. с. 157–312.
8. Копыстенский З. Палинодия. В: *Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Том 4. Памятники политической литературы Западной Руси*. Петербург: Типография и хронография А. Траншеля; 1878. с. 313–1200.
9. Послания Старца Артемия, XVI века. В: *Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Том 4. Памятники полемической литературы Западной Руси*. Петербург: Типография и хронография А. Траншеля; 1878. с. 1201–1448.

10. Косман М. Рэфармацыйная і контррэфармацыйная школьная адукацыя на беларускіх землях Вялікага Княства Літоўскага. У: Косман М. *З гісторыі культуры Вялікага Княства Літоўскага*. Мінск: Медысонт; 2010. с. 226–251.
11. Самусік АФ. Спецыфіка выкладання «septem artes liberalis» у айчынных брацкіх школах у канцы XVI – першай трэці XVII ст. *Вышэйшая школа*. 2016;2:57–60.
12. Локк Дж. *Сочинения*. Том 3. Субботин АЛ, редактор. Москва: Мысль; 1988. 668 с.
13. Tonacki B. Filozoficzne podstawy działalności komisji edukacji narodowej przykładowej działalności. *Czasopismo Filozoficzne*. 2006 wrzesień;1:41–51.
14. Kaliszewski W. Między scholastyką i Oświeceniem (Agnieszka Smolińska. *Dyskurs oświeceniowy*. *Filozofia ks. Antoniego Jakuba Wiśniewskiego Schp (1718–1774)*. Kraków: Towarzystwo Autorów I Wydawców Prac Naukowych «Universitas»; 2012). *Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i uztkowej*. 2013;19:430–434.
15. Kamińska J. Akademia Wileńska 1773–1780. *Rozprawy z dziejów oświaty*. 1997;38:51–68.

References

1. Yanouski AA, Samusik AF. [The university of Belarus: understanding and realization of its ideas in the historical and political realities of the time]. In: Sal'kov AP, Yanouski AA, editors. *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya*. Vypusk 7 [Russian and Slavic studies. Scientific Bulletin. Issue 7]. Minsk: Belarusian State University; 2012. p. 357–370. Belarusian.
2. Abelson P. *The Seven Liberal Arts, a Study in Medieval Culture*. New York: Teachers' College Columbia University; 1906. 150 p.
3. Rescher N. *Dialectics. A Contraversy-oriented approach to the theory of knowledge*. New York: State University of New York Press; 1977. 128 p.
4. Novikoff A. *The Medieval Culture of Disputation. Pedagogy, Practice, and Performance*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 2013. 336 p.
5. Hinnebusch W. The Dominican Order and Learning [Internet]. 2012 [cited 2018 July 15]. Available from: <http://www.dominicans.ca/Documents/articles/Hinnebusch1.html>.
6. Constantinides CN. *Higher Education in Byzantium in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries (1204–1310)*. Nicosia: Cyprus research Centre; 1982. 222 p.
7. Krevza L. [The defense of the union]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei. Tom 4. Pamyatniki polemicheskoi literatury Zapadnoi Rusi* [Russian Historical Library published by the Archeographical Commission. Volume 4. Monuments of polemical literature of Western Russia]. Saint Petersburg: Tipografiya i khronografiya A. Transhelya; 1878. p. 157–312. Old Belarusian.
8. Kopystynski Z. [Palinody]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei. Tom 4. Pamyatniki polemicheskoi literatury Zapadnoi Rusi* [Russian Historical Library published by the Archeographical Commission. Volume 4. Monuments of polemical literature of Western Russia]. Saint Petersburg: Tipografiya i khronografiya A. Transhelya; 1878. p. 313–1200. Old Belarusian.
9. [The Epistle of the Elder Artemiy, XVI century]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei. Tom 4. Pamyatniki polemicheskoi literatury Zapadnoi Rusi* [Russian Historical Library published by the Archeographical Commission. Volume 4. Monuments of polemical literature of Western Russia]. Saint Petersburg: Tipografiya i khronografiya A. Transhelya; 1878. p. 1201–1448. Old Belarusian.
10. Kosman M. [Reformation and Counterreformation school education in the Belarusian lands of the Grand Duchy of Lithuania]. In: Kosman M. *Z gistoryi kul'tury Vjalikaga Knjastva Litovskaga* [From the history of Grand Duchy of Lithuania]. Minsk: Medysont; 2010. p. 226–251. Belarusian.
11. Samusik AF. [The Specifics of teaching «septem artes liberalis» in the local fraternal schools in the end of the XVI – the first third of the XVII century]. *Vyshhejschaja shkola*. 2016;2:57–60. Belarusian.
12. Locke J. *Sochineniya*. Tom 3 [The works. Volume 3]. Subbotin AL, editor. Moscow: Mysl'; 1988. 668 p. Russian.
13. Tonacki B. [Philosophical bases for the activities of the National Education Commission activities]. *Czasopismo Filozoficzne*. 2006 wrzesień;1:41–51. Polish.
14. Kaliszewski W. Między scholastyką i Oświeceniem (Agnieszka Smolińska. *Dyskurs oświeceniowy*. *Filozofia ks. Antoniego Jakuba Wiśniewskiego Schp (1718–1774)*. Kraków: Towarzystwo Autorów I Wydawców Prac Naukowych «Universitas»; 2012). *Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i uztkowej*. 2013;19:430–434. Polish.
15. Kamińska J. [The Academy of Vilnius 1773–1780]. *Rozprawy z dziejów oświaty*. 1997;38:51–68. Polish.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 31.08.2018.
Received by editorial board 31.08.2018.

УДК 001:165.12:316.2

ПОЛЕ НАУКИ И КРИТЕРИИ НАУЧНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ П. БУРДЬЕ

В. С. САЙГАНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные идеи П. Бурдьё о специфике социальных наук, условий развития науки, границ научного познания. Выявляется специфика рационалистического историзма, как стратегии социального познания. Показана значимость концептов «поле науки», «стратегия», «историзация», «объективация» и «габитус» в функционировании социальных наук. Анализируется возможность выделения критериев научности социального знания. Объективация объективирующего субъекта помогает исследователю освоить инкорпорированную историю и позволяет снять угрозу релятивизма социальных наук. Последние используют собственные интеллектуальные инструменты как рефлексивные, способные защитить от следствий изучаемых социальных причин.

Ключевые слова: габитус; историзация; объективация; поле науки; релятивизм; социальные науки; стратегия.

FIELD OF SCIENCE AND SCIENTIFIC CRITERIA OF SOCIAL KNOWLEDGE P. BOURDIEU

V. S. SAIGANOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the article the main ideas of P. Bourdieu about the specifics of the social sciences, the conditions for the development of science, the limits of scientific knowledge are considered. The specificity of rationalistic historicism as a strategy of social cognition is revealed. The significance of the concepts of «field of science», «strategy», «historization», «objectivation» and «habitus» in the functioning of the social sciences is shown. The possibility of determining the scientific criteria of social knowledge is analyzed. Objectivation of the subject of objectivation helps the scientist to master the incorporated history of his own discipline and gives the possibility to escape the relativism of social sciences. Social sciences can use their own intellectual tools as reflexive instruments to protect themselves from the influence of the studied social causes.

Key words: habitus; historization; objectivation; the field of science; relativism, social sciences; strategy.

Особенностью современного этапа развития социально-гуманитарного знания является тенденция к осуществлению его теоретико-методологического синтеза, а также интеграция различных дисциплин в изучении социальных феноменов. Во втором десятилетии XXI в. обсуждение статуса социальных наук продолжает находиться в фоку-

се научного интереса и общественных дискуссий, постепенно перемещаясь из области специализированного знания (через философию науки, социологию науки и социальную эпистемологию) в политику, образование, искусство и другие сферы социальной реальности. В то же время вопрос о критериях научности обществензнания, который

Образец цитирования:

Сайганова В.С. Поле науки и критерии научности социального знания П. Бурдьё. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:34–38.

For citation:

Saiganova VS. Field of science and scientific criteria of social knowledge P. Bourdieu. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:34–38. Russian.

Автор:

Вероника Святославовна Сайганова – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Veronica S. Saiganova, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
veros23@yandex.ru

так широко обсуждался в конце XX в., продолжает оставаться актуальным, сделав социальные науки предметом методологического сомнения. Одним из вариантов проблематизации и решения данного вопроса является трактовка П. Бурдьё науки как поля символического производства, где поле социальных наук не может рассматриваться относительно автономно (как, например, поле естественных наук), так как оно непосредственно связано с полями политики, образования и другими и не может быть нейтральным. В этом аспекте П. Бурдьё в ряде своих работ предпринимает попытку описать закономерности функционирования социальных наук и определить их критерии через понятия «поле науки», «символическое производство», «стратегия» и «габитус».

В работах П. Бурдьё, совмещая некоторые идеи К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера, представляет свою исследовательскую позицию как структуралистский конструктивизм и пытается соединить объективное и субъективное. Если структурализм указывает на то, что в социальном мире есть независимые от воли и сознания индивида объективные структуры, которые формируют представления и практики субъектов, то конструктивизм подчеркивает социальное происхождение схем мышления и действия, а также самих социальных структур. В социальных исследованиях П. Бурдьё выделяет два направления: объективистское, состоящее в упразднении и игнорировании субъективных представлений самих субъектов, которые образуют структуры и влияют на их взаимодействия, и субъективистское, указывающее на то, что для сохранения объективных структур были усвоены некоторые субъективные представления. В аспекте функционирования науки в качестве социальной структуры выступает поле науки, а схемы восприятия, мышления и действия отражаются в понятии габитуса.

Исходит П. Бурдьё из того, что природа научной истины как продукта научной практики заключена в «особом роде социальных условий производства, а точнее в определенном состоянии структуры и функционирования научного поля», где «функционирование научного поля производит и предполагает специфическую форму интереса» [1, с. 15–16]. Реальная научная практика, по мнению П. Бурдьё, не является некой системой норм и ценностей, которые навязываются научным сообществом его членам. Следует избегать рассмотрения научной практики исключительно в «интеллектуальных» категориях, а понимать ее как работу, ориентированную на достижение научного авторитета: «Научное поле как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (т. е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфиче-

ской ставкой в которой является монополия на *научный авторитет*, определяемый как техническая способность и – одновременно – как социальная власть, или, если угодно, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально закреплённая за определенным индивидом способность легитимно (т. е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки» [1, с. 15].

Таким образом, П. Бурдьё отказывается от представления о науке как о сфере, подчиняющейся внутренним имманентным законам, нормам и правилам, и от представлений о том, что научное сообщество преследует исключительно истину. Настоящая наука может формироваться лишь при условии отказа от абстрактной оппозиции между внутренним и внешним анализом, где внутренний, имманентный, анализ – это то, что отражает логику появления внутринаучных проблем, а внешний – соотнесение этих проблем с социальными условиями их возникновения.

Само же научное поле мыслится П. Бурдьё местом политической борьбы за научное доминирование. Поле в определенной степени предписывает каждому исследователю в зависимости от занимаемой им позиции одновременно и научные, и политические проблемы и методы, а научные стратегии, составляющие научное поле, являются в то же время и политическими стратегиями [1, с. 16]. Тем не менее научное поле обладает общими чертами с другими социальными полями (стратегии, конкуренция, профессиональная логика и др.), но в то же время является относительно автономным, так как присутствуют отношения, средства, цели, характерные именно полю науки, и все силы этого поля направлены на установление истины.

Между стратегиями научного поля и структурами социального пространства существует определенная связь: с одной стороны, стратегии зависят от структур поля, так как ими обусловлены, а с другой – структура поля выступает зависимой от стратегий, которые являются порождающим механизмом трансформации структуры поля науки. П. Бурдьё выделяет стратегию преемственности и стратегию подрыва [1, с. 32]. Стратегия преемственности установленного порядка включает в себя совокупность объективированных и инкорпорированных научных ресурсов, совокупность институтов, отвечающих за производство и воспроизводство научных благ, а также инструменты распространения символического капитала (например, институт образования, научные инстанции, советы, академии, издания и т. д.). Очевидно, что стратегия преемственности характерна для доминирующих субъектов науки. Стратегия подрыва является более рискованной и более затратной, так как предполагает переоценку господствующих принципов легитимации, против которой высту-

пает вся логика системы, и в большей степени характерна для доминируемых субъектов науки. Поведение доминируемых субъектов зависит от их позиции в структуре поля и может быть ориентировано либо на преэминентность, либо на подрыв. П. Бурдьё предлагает взаимосвязь: при более высоком уровне автономии установленного порядка от общего социального контекста, в который он вписан, наблюдается меньший уровень зависимости выбора стратегии от позиции субъекта науки.

Таким образом, свои рассуждения о поле науки как о поле борьбы П. Бурдьё подчиняет вопросу рассмотрения социальных условий возможности развития науки, свободной от внешнего принуждения и социального заказа [1, с. 35–42]. К таковым условиям относится в первую очередь относительная автономия поля науки которая делает возможной динамику научного интереса, при которой стратегия подрыва не будет революцией против институций, имеющей лишь политический эффект. Не менее значимым условием выступают и высокие требования к социализации субъекта науки для получения доступа к научному инструментарию, усвоения накопленных научных ресурсов, что, по мнению П. Бурдьё, способствует и равномерному распределению символического капитала между конкурентами, и трансформации частного интереса в научный. Также условием возможности науки является объективное согласование практических схем деятельности, которые составляют основу научного консенсуса и изменяются в зависимости от степени автономности поля науки от внешнего социального контекста. Однако, как полагает П. Бурдьё, поле социальных наук не может достичь такой степени автономии по отношению к внешней борьбе, которая характерна для поля естественных наук. Это связано с тем, что поле социальных наук отвечает за легитимное видение социального мира, которое, в свою очередь, связано с полем политики, в силу чего все тенденции к автономии поля социальных наук всегда наталкиваются на препятствия со стороны политического поля. Также он подвергает критике идею нейтральности социальной науки, которую оценивает как «небескорыстную фикцию» [1, с. 44].

По мере рассуждений об условиях возможности социальных наук, П. Бурдьё отмечает, что их прогресс в направлении научной рациональности не является прогрессом в направлении их политической нейтральности. Более того, П. Бурдьё с присущей ему стилистической смелостью ставит вопрос о существовании ложной науки и возможности обретения ею внешних признаков научности: «Ложная наука, предназначенная для производства и поддержания ложного сознания, – официальная социология (венцом творения которой сегодня является политология) должна демонстрировать объектив-

ность и “этическую нейтральность”... и создать полную видимость состоявшегося разрыва с доминирующим классом и его идеологическими требованиями, умножая внешние знаки научности» [1, с. 45]. П. Бурдьё призывает к всесторонней аналитике самой риторики научности, с помощью которой устанавливаются научные ценности и правила в научном сообществе, которые зачастую симулируют холодную строгость дискурса. П. Бурдьё считает, что понимание научного порядка как «должно быть», характерное для философии науки, находящей выражение в позитивистской традиции, обнаруживает несостоятельность в том, что представление об идеале науки как о реализованном не учитывает социальные условия его реализации. Социальные условия реализации идеала науки призвана учитывать социология науки. Однако социология науки, по мнению П. Бурдьё, сталкивается с рядом трудностей, которые могут обречь ее на релятивизм. Основные трудности социологии науки видятся в том, что «социолог имеет свои цели в игре, которую он берется описывать (будь то, во-первых, научность социологии или, во-вторых, научность формы социологии, которую он применяет), а также в том, что он может объективировать эти цели и соответствующие стратегии лишь при условии, что в качестве объекта он берет не только стратегии своих научных противников, но и игру как таковую, которая движет также и его собственными стратегиями...» [1, с. 46]. То есть социология науки функционирует в соответствии с законами функционирования любого научного поля, которые устанавливает сама социология науки, что делает ее подверженной обвинениям в релятивизме.

Желая устранить подозрения в релятивизме, П. Бурдьё предлагает принцип радикального историзма, с помощью которого мыслится возможным эксплицировать методологические основания социальных наук как наиболее подверженных опасностям релятивизма и абсолютизма, при этом не разрушая их научной целостности. Радикальный пересмотр оснований рационального мышления, который может совершить историзм, выступает у П. Бурдьё не как угроза для социальных наук, а как универсальная возможность: «...социальные науки могут попробовать избежать исторического релятивизма, связанного с тем, что они суть продукт исторических существ, но при условии, что смогут подвергнуть историзации самих себя» [2, с. 23]. То есть риск саморелятивизации социальных наук рассматривается как некая привилегия использовать собственные рациональные инструменты для защиты от собственных причин и следствий.

Принцип радикального историзма П. Бурдьё именует «двойная историзация», так как потребность интерпретировать что-либо одновременно

и исторически, и в отрыве от истории, в свою очередь, диктует необходимость одновременной историзации и познающего субъекта, и познаваемого объекта. Если понимать поле как установленную, учрежденную автономную точку зрения, как порядок, несводимый к принципам и порядку другого поля, то поле социальных наук, где, по сути, совпадают субъект и объект исследования, должно сделать предметом исследования само себя, осуществив таким образом объективацию субъекта объективации, т. е. двойную объективацию. Например, постигая социальный феномен, необходимо объективировать позицию познающего субъекта и по-новому расположить познаваемый объект в том поле, в котором этот субъект произвел свой продукт.

Воплощение субъекта объективации возможно, по мнению П. Бурдьё, в виде рефлексивности, которая понимается не просто как обращение познающего субъекта к самому себе, а как некий ретроспективный анализ исследовательского опыта. Рефлексивность реализуется как «процесс объективации субъекта объективации, применяющий инструменты познания, предлагаемые дисциплиной, чтобы лучше познать того, кто ее практикует, и улучшить его способность действовать в этой дисциплине» [3, с. 9]. Таким образом, социальные науки, овладев рефлексивным подходом, при котором одновременно можно быть и субъектом, и объектом объективации, связав тем самым само исследование со случайностями конкретной истории, могут претендовать на постепенное высвобождение от навязанных им социальных и исторических ограничений.

Очевидно, что двойная объективация сложно реализуема на практике, ибо исследователю необходимо анализировать не только предпосылки, интересы, схемы мышления и т. д., которые сформировались исторически и благодаря принадлежности к определенному полю, но и специфичность своей позиции в этом поле, т. е. находиться в состоянии постоянной «эпистемологической бдительности». Стоит отметить, что, по мнению отечественного исследователя науки Л. А. Микешиной, подобная объективация субъекта объективации, являясь трудоемким процессом по осуществлению рефлексии, сталкивается с трудностью ее реализации, так как значительная часть субъективного – это некая история образовательных институций, продуктом которых мы являемся [4, с. 414–416].

Продолжая решение задачи по выявлению условий существования, границ и критериев социального научного знания, П. Бурдьё отстаивает идею о том, что действия субъекта всегда коллективны и социальны, они существуют в различных полях, где субъект усваивает разные способы мышления, оценивания, поведения и восприятия. Данная идея получила воплощение в концепте «габитус».

Содержательной основой понятия «габитус» является идея о том, что социальная действительность структурирована социальными отношениями и представлениями людей об окружающем мире и самих социальных отношениях, которые оказывают обратное воздействие на социальную действительность. Это означает двойную детерминацию как со стороны объективных структур, оказывающих воздействие на восприятие, мышление и практики, так и со стороны агентов, которым присуща активность как источник воздействий на социальную реальность. Объективные структуры, которые являются предпосылкой для субъективных практик в виде восприятия, представления, мышления, коммуникации, могут быть реализованы только тогда, когда инкорпорируются субъектами и предстанут в форме габитуса.

По мнению П. Бурдьё, причиной исторического действия является не сам субъект, который наделен сознанием, и не социальные институты, а связь между этими двумя состояниями – полями и габитусом. Габитус является историческим продуктом, он производит коллективные и индивидуальные практики, при этом большое значение уделяет прошлому опыту, что обеспечивает не только его присутствие в настоящем, но и преемственность и регулярность. П. Бурдьё, определяя данное понятие, подчеркивает, что «габитус устанавливает с социальным миром, продуктом которого он является, настоящее онтологическое соучастие, принцип знания без осознания, интенциональность без интенции и практического освоения регулярностей мира, позволяющий предвосхищать будущее без того, чтобы полагать его как таковое» [5, с. 22].

Габитус также делает возможным свободное производство восприятий, действий, мыслей и коммуникации, что позволяет агентам производить и воспроизводить социальные отношения. Само поведение агента хоть и выступает продуктом габитуса, но не исключает спонтанности и импровизации в том случае, если отсутствует внешнее принуждение, выраженное системой правил и предписаний. Таким образом, П. Бурдьё, вводя концепт «габитус», пытается избежать понятий норм науки как неких правил, предписаний или образцов, а также строгих критериев научности. Интересную мысль высказывает П. Бурдьё и по поводу двойственности норм и правил в социальной науке, которые возникают в результате оппозиции между социальными связями и исследованиями в целях построения теоретических моделей для объяснения этих связей [5, с. 28–30]. Сам габитус не является продуктом принуждения, так как П. Бурдьё настаивает на творческом характере практик, управляемых габитусом. Инновации в науке совместимы в практике с подчинением и детерминацией.

Для социальной науки, где субъект научной практики является одновременно и детерминированным, и действующим, габитус имеет особое значение, так как позволяет различать действия, исходящие собственно от агента, и действия, основанные на принципах вне агента. Социальный агент (ученый) в результате вхождения в социальный институт с соответствующими обязательствами вынужден участвовать в социальных процедурах, признавать и подчиняться требованиям и правилам поля науки. Неслучайно Г. Б. Гутнер, исследуя габитус П. Бурдьё, описывает его «как систему форм коммуникативной деятельности» и видит его как «результат адаптации, который должен быть подвергнут рефлексивному анализу, эксплицитному описанию содержащихся в нем образцов и норм» [6, с. 190].

Таким образом, габитус у П. Бурдьё представляет собой целостное явление, указывающее на единство восприятия, представления, мышления, действия и коммуникации, выполняющее посред-

ническую функцию включения субъекта в социальные отношения. Габитус не является правилом, нормой или эксплицитным законом, однако заменяет собой эти понятия в концепции П. Бурдьё, так как призван задавать определенные схематизмы познания.

В целом исследовательская позиция П. Бурдьё в рассмотрении социальной науки как поля символического производства подчинена выявлению социальных условий развития и пределов научного познания. В концептах «поле науки», «стратегия», «историзация», «объективация» и «габитус» П. Бурдьё описывает не только закономерности функционирования науки, но и пытается определить возможность выявления критериев научности социального знания. В интенции преодоления релятивизма социальных наук можно усмотреть попытку избежать релятивизма в более широком контексте, с которым столкнулись современные трактовки научной рациональности и рациональности вообще.

Библиографические ссылки

1. Бурдьё П. Поле науки. В: Шматко НА, редактор. *Sociologos 2005. Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе*. Москва: Институт экспериментальной социологии; 2005. с. 15–56. Совместное издание с «Праксис».
2. Бурдьё П. За рационалистический историзм. В: Шматко НА, редактор. *Социологос постмодернизма*. Москва: Институт экспериментальной социологии; 1996. с. 9–29.
3. Бурдьё П. Введение в социологию социальных наук: объективация субъекта объективации. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004;7(Спецвыпуск):8–11.
4. Микешина ЛА. *Философия познания: проблемы эпистемологии гуманитарного знания*. 2-е издание. Москва: Канон плюс; 2009. 559 с.
5. Бурдьё П. Структура, habitus, практики. В: Леднёва АВ, составитель, переводчик. *Современная социальная теория: Бурдьё, Гиденс, Хабермас*. Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного университета; 1995. с. 16–31.
6. Гутнер ГБ. Прояснение смыслов в контексте коммуникативных практик. В: Касавин ИТ, редактор. *Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход*. Москва: Институт философии Российской академии наук; 2009. с. 183–193.

References

1. Bourdieu P. [Field of science]. In: Shmatko NA, editor. *Sociologos 2005. Sotsiologiya pod voprosom. Sotsial'nye nauki v poststrukturalistskoi perspektive* [Sociologos 2005. Sociology in question. Social sciences in a post-structural perspective]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; 2005. Co-published by the «Praksis». p. 15–56. Russian.
2. Bourdieu P. [For rationalistic historicism]. In: Shmatko NA, editor. *Sotsio-logos postmodernizma* [Socio-logos of postmodernism]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; 1996. p. 9–29. Russian.
3. Bourdieu P. [Introduction to the sociology of social sciences: objectivation of the subject of objectivation]. *Journal of sociology and social anthropology*. 2004;7(Special issue):8–11. Russian.
4. Mikeshina LA. *Filosofiya poznaniya: problemy epistemologii gumanitarnogo znaniya* [Philosophy of knowledge: the problems of the epistemology of humanitarian knowledge]. 2nd edition. Moscow: Kanon plus; 2009. 559 p. Russian.
5. Bourdieu P. [Structure, habitus, practice]. In: Ledniova AV, compiler, translator. *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'e, Gidens, Habermas* [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Novosibirsk: Publishing House of the Novosibirsk State University; 1995. p. 16–31. Russian.
6. Gutner GB. [Clarification of meanings in the context of communicative practices]. In: Krasain IT, editor. *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'e, Gidens, Habermas* [Communicative rationality: an epistemological approach]. Moscow: Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences; 2009. p. 183–193. Russian.

Статья поступила в редколлегию 29.10.2018.
Received by editorial board 29.10.2018.

ХАНС-ГЕОРГ ГАДАМЕР О ПРИРОДЕ ЯЗЫКА: ПРОЕКТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Е. И. ЖУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявляются концептуальные основания проекта феноменологической герменевтики в философском творчестве Х.-Г. Гадамера. Реализация поставленной цели позволила обосновать роль гадамеровского учения о языке в становлении одной из самых значимых аппликаций современной феноменологии – феноменологической герменевтики, позволяющей не только прояснить связь языка и мышления, но и вскрыть его онтологический статус. Новизна проведенного исследования заключается в выявлении и системной реконструкции узловых моментов осмысления феномена языка – смыслополагания, истолкования, intersубъективности, диалога – как концептуальной матрицы, задающей теоретический каркас феноменологической герменевтики. Генетически связанная с феноменологией Э. Гуссерля и М. Хайдеггера феноменологическая герменевтика Х.-Г. Гадамера, в свою очередь, становится эвристической моделью для историко-философского анализа и систематизации феноменологических исследований языка как одного из фундаментальных феноменов человеческого бытия.

Ключевые слова: феноменологическая герменевтика; Х.-Г. Гадамер; язык; речь; смыслополагание; понимание; intersубъективность; диалог; Другой.

HANS-GEORG GADAMER ON NATURE OF LANGUAGE: A PROJECT OF PHENOMENOLOGICAL HERMENEUTICS

К. И. ЖУК^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article deals with revealing the conceptual foundations of project of phenomenological hermeneutics in philosophical works by H.-G. Gadamer. Attaining this goal allows to substantiate the role of Gadamer's study of language in the formation of one of the most significant applications of contemporary phenomenology – phenomenological hermeneutics, which provides not only the clarification of connection between mind and language, but also the revelation of ontological status of language. Novelty of this work lies in the identification and system reconstruction of the key points of understanding of the phenomenon of language – positing of meaning, interpretation, intersubjectivity, dialogue – as conceptual matrix that defines the theoretical «frame» of phenomenological hermeneutics. Genetically linked to phenomenology of E. Husserl and M. Heidegger, Gadamer's phenomenological hermeneutics, in its turn, becomes a heuristic model for analysis within history of philosophy and for systematization of phenomenological studies of language as one of the fundamental phenomena of human being.

Key words: phenomenological hermeneutics; H.-G. Gadamer; language; speech; positing of meaning; understanding; intersubjectivity; dialogue; the Other.

Образец цитирования:

Жук ЕИ. Ханс-Георг Гадамер о природе языка: проект феноменологической герменевтики. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:39–47.

For citation:

Zhuk KI. Hans-Georg Gadamer on nature of language: a project of phenomenological hermeneutics. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019; 1:39–47. Russian.

Автор:

Екатерина Ивановна Жук – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Е. В. Беляева.

Author:

Katsiaryna I. Zhuk, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
zhuke93@gmail.com

Введение

На протяжении всей истории западной философии проблема языкового выражения отношений человека с миром сущего не раз становилась предметом исследования различных мыслителей. Особое значение она приобретает на рубеже XVIII–XIX вв., в творчестве романтиков и В. фон Гумбольдта, приведя в XX в. к лингвистическому повороту в философии. Этот пристальный интерес к языку был обусловлен кризисным состоянием новоевропейской культуры, потребовавшим переосмысления всех устоявшихся определений и стереотипов, поиска новых оснований реализации и самоосмысления человеческого Я. Опираясь на феноменологические разработки Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, включавшие в себя и исследования языка, Х.-Г. Гадамер выстраивает собственную концепцию интерпретации языка, называемую философской, или, как ее характеризуют современные исследователи, феноменологической герменевтикой (В. С. Малахов, И. Н. Инишев). Феноменологическая герменевтика Х.-Г. Гадамера, несомненно, является одной из важнейших составляющих вышеописанного процесса и одним из самых ярких явлений новейшей философии. Концепция немецкого мыслителя может быть реконструирована с опорой на различные основания, но, на наш взгляд, тема взаимосвязи языка и мышления является стержневой. Как отмечает Х.-Г. Гадамер, наше мироотношение по сути своей является языковым, так как мы истолковываем мир в языке. Человек утверждает самого себя через постоянную актуализацию смысла сущего

в языке. Само существование языка определяется его способностью быть пространством осмысления мира.

В контексте настоящей работы язык и мышление рассматриваются не как некие абстрактные понятия, а как феномены человеческого бытия, в том числе принадлежащие конкретному человеку, который всегда существует в социуме, т. е. в диалоге с Другим. Только в диалоге становится возможным и реально осуществляется понимание, без которого общение вырождается в бессмысленную «болтовню».

В условиях современного информационного общества, когда общение переходит в формат виртуальной реальности, способность к подлинному разговору и пониманию собеседника, умение услышать Другого предстает как острая необходимость.

Целью настоящей статьи является выявление концептуальных оснований проекта феноменологической герменевтики в философском творчестве Х.-Г. Гадамера. Она реализована посредством постановки и решения следующих задач:

- обоснование смыслополагания как специфической характеристики человеческого бытия в мире;
- содержательная реконструкция проблемы истолкования мира в философии Х.-Г. Гадамера;
- раскрытие интерсубъективной природы языка;
- прояснение роли слова и речи в процессе актуализации смысла;
- экспликация определяющего значения диалога с Другим в понимании сути дела.

Материалы и методы исследования

Исследование построено на основе анализа основных трудов Х.-Г. Гадамера, таких как программная работа «Истина и метод» и ряд статей, посвященных феноменам языка, понимания и диалога. Для реализации поставленной цели в статье использованы

метод историко-философской реконструкции, позволивший не только определить концептуальные основания и специфику философии Х.-Г. Гадамера, но и встроить его теорию в историко-философский контекст, и собственно герменевтический метод.

Смыслополагание как специфика человеческого бытия в мире

В работе «Истина и метод» Х.-Г. Гадамер, вслед за В. фон Гумбольдтом, разделяет два пространства человеческого бытия, именуя их «окружающий мир» и просто «мир». Он пишет о разделении этих понятий: мир ставит перед собой в языке человек, а окружающим миром обладают все живые существа. Окружающий мир может существовать без человека, для человека же он необходим как среда существования. Окружающий мир, по Гадамеру, предстает как целостный, но при этом неотделим от видов, в которых являет себя. Один из таких видов – наш «языковой» мир. Человек по отношению к явленному ему аспекту окружающего мира оказывается в герменевтической позиции: он истолковывает и понимает мир.

Особая позиция человека по отношению к окружающему миру обусловлена его погруженностью в пространство языка и мышления. Человеческое мышление, будучи всегда направленным на что-то, делает мир своим содержанием, осуществляя опыт осмысления мира. Для человека этот выхваченный мыслью смысл всегда выражен в языке. Среда языка является сферой выражения и передачи смысла мыслимого мира. Х.-Г. Гадамер пишет о том, что сам окружающий мир явил себя для человека в языковом аспекте. Сущее оказывается выраженным в языке именно для нас, людей: «Мы исходим из того, что в языковом оформлении человеческого опыта мира происходит не измерение или учет уже наличествующего, но обретает голос

само сущее в том виде, в каком оно в качестве сущего и значимого являет себя человеку» [1, с. 527]. Смысл выступает как то, что может быть понято и выражено, каждый из нас измышляет и проговаривает его. Таким образом, наше мышление является мышлением нашего мира, данного в языковом аспекте, оно маркирует исконно языковое отношение человека к миру. Мышление и язык выступают как общее пространство актуализации и трансляции смысла сущего, в чем проявляется специфика и уникальность человеческого существа.

На основании всего сказанного можно сделать вывод о том, что человек тогда выделяется из окружающего мира, когда в мышлении и языке начинает происходить смыслополагание сущего. С этих

пор смысл сущего выражает себя не только в существовании миров и живых существ, но также в мысли и слове. Следовательно, пространство смысла как бы удваивается, когда в окружающий мир вступает человек. Если человек – часть сущего, то можно сказать, что сущее мыслит и проговаривает само себя устами людей. Очевидно, что окружающий мир поворачивает себя иной стороной именно к человеческому существу, для которого являет себя как мир, подлежащий истолкованию. Таким образом, уникальность человеческой сущности как таковой выражается в принципиальной возможности и необходимости быть транслятором смысла сущего. Человек, схватывая смысл мира, проговаривает его сущность и утверждает самого себя в качестве мыслящей и говорящей части сущего.

Проблема истолкования мира

Именно среда, образуемая мышлением и языком, становится пространством утверждения смысла сущего и собственно пространством жизни человека. Погруженность в эту среду наделяет человека особой свободой от окружающего мира. Мы ставим мир перед собой и стремимся схватить его смысл, понять мир. Утверждая онтологическую связь языка и мышления, Х.-Г. Гадамер также называет понимание исконно языковым феноменом, о чем пишет в работе «Язык и понимание», исследуя «молчаливое согласие» и «схватывание с полуслова». Х.-Г. Гадамер отмечает: «Надо признать: понимание и согласие первичны по отношению к непониманию; для того, чтобы воссоздать разрушенное понимание, мы должны этим пониманием располагать» [2, с. 47]. Также первично для нас говорение: «Между тем если кто-то лишается дара речи, это значит, что он хочет сказать так много, что не знает, с чего начать. Отказ языка служить нам свидетельствует о его способности искать выражение для чего бы то ни было, а сама утрата дара речи есть уже некоторый вид речи; эта утрата не только не кладет конец говорению, но, напротив, позволяет ему осуществиться» [2, с. 44]. Даже фраза «лишиться дара речи» отсылает к феномену речи как к базису нашего понимания. К выражению в языке стремиться все, точнее, человек пытается собрать мир в слово. Х.-Г. Гадамер пишет, что язык есть «всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира и в этом смысле ничем не заменим» [3, с. 29].

Стремление мышления к называнию раскрывает его неразрывную онтологическую связь с языком. Х.-Г. Гадамер признает существование доязыковых и языковых феноменов: «...слишком хорошо известно, что непосредственная затронутость миром очень часто выражается во всевозможных до- и языковых озарениях, немотствованиях, умолчаниях, и кто будет отрицать, что реальные условия человеческой жизни, голод и любовь, труд и власть,

в свою очередь, отмеряют пространство, в котором совершаются разговор друг с другом, слушание друг друга. Это настолько бесспорно, что как раз всякая такого рода пред-оформленность человеческих речей и полаганий требует герменевтической рефлексии» [4, с. 13]. Заговаривая о до- и языковых озарениях, Х.-Г. Гадамер тем самым называет их в языке. Мышление стремится вобрать в языковое выражение даже опыт, приходящий к нам в до- и в языковых феноменах. Мы стремимся назвать и истолковать все и делаем это в среде языка. То, что нельзя высказать мышление все же стремится сделать высказанным, оно пытается осмыслить невыразимый в словах опыт, называя таинство таинством, а загадку загадкой. Языковое мироотношение не запирает человека в определенные рамки, но предоставляет путь к пониманию мира и разговору о нем. Ограниченность, т. е. наличие определенных границ, предполагает, что эти границы постоянно смещаются и пренебрегаются. Однако язык – почва нашего мироотношения, мы никогда окончательно не рвем связь с ним.

Язык есть пространство, в котором мир являет себя человеку и людям в целом. Х.-Г. Гадамер пишет: «В языке становится видимой та действительность, которая возвышается над сознанием каждого отдельного человека» [1, с. 520]. Мы не безумцы, которые не слышат друг друга, выстраивая утопический мир конституирующего сознания, нам открыто пространство диалога, в котором договаривание о мире различных людей ведет к полноте явленности мира человеку.

Определенная степень свободы по отношению к мыслимому миру, которая обретается нашим мышлением в смыслополагании, является необходимой характеристикой мышления. Х.-Г. Гадамер пишет об И. Канте как об открывателе этой необходимости: «Усмотрев в свободе уникальный факт разума, то есть продемонстрировав, что без постулата сво-

боды практический разум человека, а значит и его нравственное и общественное бытие, не могут быть помыслены, Кант, вопреки всем детерминистским тенденциям тогдашней науки, показал законность и оправданность мышления под знаком свободы» [2, с. 47]. Мышление связывает нас с миром, поскольку оно всегда мыслит мир, и язык предстает как пространство свободной трансляции смысла сущего.

Интерсубъективная природа языка

Отличается ли моя речь о мире от речи Другого? О какой индивидуальности может идти речь при необходимой погруженности в среду языка? Если язык каждого по-своему схватывает смысл сущего, то каким образом возможен диалог между людьми? Как соотносятся глобальный феномен языка и множество национальных языков и диалектов? Все эти вопросы затрагивают сферу практического бытия языка в целом и множество национальных языков как пространство человеческого истолкования мира. Единство человеческой сущности необходимо указывает на универсальность языкового феномена. Однако как язык являет себя в истории сменяющихся поколений, являясь принадлежностью каждого конкретного человека? Язык и мышление дают свободу от окружающего мира, являясь принадлежностью каждого человека и не становясь собственностью никого в отдельности.

В работе «Истина и метод» Х.-Г. Гадамер подчеркивает не только языковость человеческого отношения к миру, но и исконную человечность языка. Для человека связь с языком является необходимой, язык нуждается в человеке как в существе, придающем смысл существованию языка. Каждый конкретный человек осуществляет себя в сфере языка. Оживая в человеческой речи, язык всегда «мой», «твой», «его» или «ее». Для речи важен человек, важна конкретность случая: «Предположим, я говорю “здесь”. Это “здесь” не будет понято в силу лишь факта его произнесения или записи, для понимания необходимо знать, где это “здесь” имело или имеет место» [2, с. 57]. Существование множества национальных языков и принадлежность конкретного человека к пространству определенного языка также указывают на значение индивидуального контекста. Нахождение общего языка в беседе возможно, но язык, на котором говорит и мыслит конкретный человек, остается его языком, существующим тем не менее в целостном культурном контексте, т. е. в языке наличествует возможность договориться с Другим о сути дела. Однако личный контекст не менее значим, так как язык является не столько присвоенным из культурного контекста, сколько «исходящим» из человека. Смысл, проговоренный в конкретной речи, зависит от обширного культурного контекста и от локального контекста конкретного мышления.

Итак, мир выступает как явленный человеку в языке, как представленный человеку, и, таким образом, как освобождающий человека: «Поэтому можно сказать так: отношение к миру человека в противоположность всем другим живым существам характеризуется как раз свободой от окружающего мира. Эта свобода включает в себя языковое строение. Одно связано с другим» [1, с. 514].

В то же время Х.-Г. Гадамер подчеркивает интерсубъективность языка. Язык является универсальной средой человеческого истолкования мира, языковое мироотношение – уникальный феномен, общий для всего человечества. Относительность языка, которая проявляется в множественности национальных языков, не имеет решающего значения. Х.-Г. Гадамер в текстах ссылается на Гераклита и В. фон Гумбольдта, которые выдвигали положения о принципиальной общности языка. Х.-Г. Гадамер приводит слова Гераклита: «Слово языка общо для всех» [4, с. 14]. Иными словами, основополагающей в понимании языка как общечеловеческого феномена является общность его структуры, проявляющаяся в каждом из национальных языков. Назначение языка не зависит от его национальной специфики, он необходим каждому человеку, чтобы понимать и истолковывать мир.

Необходимая связь языка и мышления просвечивает сквозь их интерсубъективную природу, ибо они выступают как интерсубъективные феномены, характеризующее именно человеческое отношение к миру. Каждый человек, будучи погруженным в интерсубъективное пространство мышления и языка, участвует в актуализации смысла. Мышление всегда принадлежит конкретному человеку и тем не менее, как интерсубъективный феномен, – каждому из нас и никому в отдельности. Интерсубъективная природа присуща как мышлению, так и языку. То, что мыслится нами в языке, может быть вслух высказано Другому. Х.-Г. Гадамер цитирует Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», подчеркивая тем самым свое видение онтологической значимости слова, его истинное бытие «в начале». Каждому отдельному человеку необходимо присущ дар речи, и все человечество в целом обладает языком. Значимостью наделяются как конкретные носители языковых и мыслительных процессов, так и всеохватывающий, всечеловеческий характер данных феноменов. Для выявления специфики человеческого бытия в окружающем мире важно то, что интерсубъективность языка и мышления связывает человеческое отношение к миру в единое целое.

Язык обладает ценностью и значимостью и как интерсубъективный феномен, и как национальный язык определенного человека, оживающий в кон-

кретной ситуации: язык каждого из нас обладает индивидуальностью, тем не менее мы можем вступить в беседу. Точно так же происходит и с национальными языками: носители различных языков способны договориться друг с другом, национальные языки взаимопроникаемы. Несмотря на общность всех локальных языков и их принадлежность к одному феномену, невозможно выделить у отдельного человека язык вообще, поскольку это всегда индивидуальный язык и язык какого-либо народа. Глобальное пространство языка следует понимать как совокупность бесконечного множества локальных языков, которые имеют различные атрибуты, сохраняя единую сущность. Принадлежность каждого из локальных языков конкретным людям не

меняет их способности быть средой выражения и трансляции смысла сущего. Каждый из нас вновь и вновь актуализирует смысл, каждый отдельный человек в своем собственном языке индивидуализирует смысл сущего, при этом говоря именно о мире и ни о чем другом. Человек не проговаривает весь смысл бытия: как его часть, человек актуализирует лишь долю смысла, которая открыта расширению в пространстве диалога. Эту возможность обеспечивает сфера языка, приемлющая в свое пространство понимания и договаривания каждый индивидуальный язык. Итак, в пространстве человеческого бытия в мире важен как индивидуальный характер языка, так и intersubъективный его аспект как послания Другому.

Роль слова и речи в процессе актуализации смысла

Как было сказано, язык, несмотря на множественность индивидуальных проявлений, имеет единую intersubъективную природу. Язык в практической жизни человечества выступает как чей-то конкретный язык, в котором выражена часть смысла сущего. Какие же средства выражают ее? В каких единицах языка звучит, записывается и «измеряется» выраженный смысл? Такие вопросы подводят нас к еще более конкретным формам жизни языка, чем национальные языки, к таким понятиям, как «слово» и «речь».

Язык не является просто инструментом, он – среда для осуществления понимания. Мы живем в этой среде, живем в традиции, которая непрерывно передается нам, но не только как текстовое предание, а как «сам же познаваемый в коммуникативном опыте мир» [4, с. 14]. Таким образом, очевидно, что отношение языка к миру является герменевтическим. Доказательством того, что язык – не просто некая заданная функция человека, служат постоянные языковые трансформации. Разнообразие проявляется во множестве национальных языков и своеобразных диалектов и в том, что ни один национальный язык не является устойчивым. Постоянные изменения, болезни и рост – все это присуще языку в целом и каждому национальному языку в частности. Х.-Г. Гадамер пишет: «В жизни языка без конца происходят едва заметные изменения: меняется его употребление, возникают и отмирают модные слова и языковые клише, и лучший способ отобразить крушение общества в кризисную эпоху – это наблюдать за изменениями языка, как это сделал, между прочим, Фукидид в своем знаменитом описании последствий чумы в осажденных Афинах» [2, с. 50]. Социум живет, меняется и развивается, следуя миллионами путей, то же происходит с окружающим миром и языком. Несмотря на то что человеческий язык, в отличие от окружающего мира, не существует без людей, Х.-Г. Гадамер отходит от понимания языка как извлекаемого че-

ловеком в нужной ситуации инструмента. Исследователь отмечает, что язык носит характер живого существа, многогранного и динамичного. Язык не приходит в жизнь человека одномоментно как подручный инструмент, но человек рождается в язык как в среду человеческого истолкования окружающего мира.

Рассматривая вопрос о смысловой единице языка, Х.-Г. Гадамер рассуждает о значимости отдельного слова и целостной речи. Он подчеркивает, что слово не должно восприниматься сугубо как материал для составления высказывания, ибо оно обладает полнотой смысла, не ограниченной узкими семантическими рамками. Применение слова в метафорическом смысле показывает, сколь широко возможности смысла, который оно несет в себе. Однако конкретное слово не может быть применимо в абсолютно любом значении. Расцветивший устоявшимися метафорами язык не становится бессмыслицей, но сохраняет некую связь слов, при этом освобождаясь от условностей грамматики. Х.-Г. Гадамер говорит о некоем пределе семантики, об области метафоры, где проявляются глубинные возможности языка в области варьирования смысла речи благодаря метафорическому употреблению слов. Так, в работе «Язык и понимание» философ пишет о том, насколько не подчиним язык логике высказываний. Автор пишет о весомости в языке, в речи каждого отдельного слова в противовес утверждаемой значимости осмысленного высказывания. Каждое слово – не просто кирпич в здании языка, а совершенно уникальная и невероятно значимая единица, при всей самостоятельности связанная с целой системой иных слов. Эта связь не бывает случайной, не подчиняется лишь воле конкретного говорящего. В переводах с одного языка на другой проявляется и уникальность, и связанность слов, рождающих смысл высказывания. При переводе нельзя указать первое приводимое в словаре значение, потому что целиком произнесенный

перевод предложения в конечном счете может показаться диким и неуместным. В каждом национальном языке отдельное слово вызывает в сознании носителей языка ряд ассоциаций. Достаточно попытаться перевести лишь одно слово – оно вызовет определенные ассоциации, продемонстрирует специфическую окраску и оттенки смысла в каждом национальном языке. Х.-Г. Гадамер даже выделяет слово как носитель определенной истины. Он пишет о том, что не стоит говорить об истинности или ложности слова в контексте его соответствия называемой вещи. Истина слова заключается в том, что весь его смысл раскрывается в звучании. Так, Х.-Г. Гадамер говорит «об абсолютном совершенстве слова, поскольку между его чувственно-зримым явлением и его значением не существует чувственной связи, а значит, и дистанции» [1, с. 477]. В таком смысле все слова истинны, а то, что мы можем назвать какую-либо вещь не своим именем, означает лишь неправильность употребления слова, а вовсе не его ложность. Опыт всегда находит слова для своего выражения, вещь обретает голос в конкретном слове: «Опыт нельзя представлять себе как поначалу бессловесный опыт» [1, с. 484]. Таким образом, не следует нивелировать бытие языка до бытия его как знака. Слово – всегда живое и необходимое слово национального языка, оно связано с множеством иных слов.

Способом существования слов выступает речь. Человеческая речь, в свою очередь, является актом непрерывного творчества. Язык развивается и обогащается, понятия обретают новые значения благодаря тому, кто говорит, «благодаря данному созерцанию конкретной реальности» [1, с. 497]. Речь является действительно важным концептом герменевтики Х.-Г. Гадамера и не сводится к набору взаимозаменяемых высказываний. Актуализируемый в речи смысл всегда содержится в речи как едином целом, а не является разбитым на части в отдельных фразах. В работе «Семантика и герменевтика» Х.-Г. Гадамер пишет о возможности замены высказывания синонимичным ему без изменения смыс-

ла. Тут же он указывает: «Однако мы вправе усомниться в справедливости этой субстанциональной теории применительно к смыслу речи – языковому феномену как целостности» [5, с. 62]. Поскольку чаще всего для нас важен смысл не отдельного высказывания, а транслируемой речи, нельзя забывать об индивидуальности языка говорящего как о контексте актуализации этого смысла. Наше мышление не дискретно, мы не мыслим единичными высказываниями, одно выражение сразу же отсылает к другому, мысли внутренней речи словно текут. В связи с этим надо упомянуть, что Х.-Г. Гадамер характеризует язык как самозабвенный. Это вновь отсылает нас к пониманию значимости языка как естественной речи, а не только лишь системы четко определенных понятий. Иными словами, прояснение употребленных понятий бывает необходимо, когда «либо помогает раскрыть сокрытие, происходящее из-за отчуждения, одеревенелости языка, либо заставляет разделить языковую нужду, достичь необходимой напряженности в осмыслении чужой мысли» [3, с. 36]. Когда же говорим мы сами, язык актуализируется в нас особым способом – в говорении, в речи. Для нас естественным является непрерывающееся послание, при этом набор дискретных, отрефлексированных понятий противоестественен. Х.-Г. Гадамер пишет: «Внутри слова – вот на самом деле способ, каким мы говорим» [3, с. 36]. Течение беседы не прерывается ежеминутной рефлексией над каждым сказанным словом, оно наполнено стремлением к передаче смысла речи как целого.

Язык оживает в конкретных речах, но никто в одиночку не контролирует речь: «Способ бытия языка – речь, говорение, а говорящие – это все мы, хотя и не один из нас в отдельности» [2, с. 58]. Конкретный человек важен в говорении, но постоянно звучащая речь творится человечеством. Отдельное слово весомо в языке, но он оживает во множестве соединенных в речи слов. Пространство языка невероятным образом сочетает в себе необходимость и значимость единичного и единого.

Понимание сути дела в диалоге с Другим

Речь является способом бытия слов и именно в целостной речи актуализируется смысл. Речь всегда обращена к кому-то, а именно к Другому. Человек социален и ему необходим Другой как инакомыслящий. Коммуникация с Другим, по Гадамеру, направлена на достижение понимания по поводу сути дела, составляющей смысл, являемый нам миром в его языковом аспекте. Наше желание вступить в диалог может быть обусловлено тем, что мы хотим передать помысленное о сути дела Другому, который всегда незримо присутствует в нас. Помысленное мной и помысленное Другим преобразуется в беседе в новый актуализированный смысл сущего. Наше мыш-

ление актуализирует смысл, в беседу же мы вступаем с целью вывести наш смысл на новый уровень – уровень смысла беседы, в которой само сущее оживает в процессе договаривания о сути дела. Опыт контакта с миром выражается нами в языке, будучи доступным для Другого, дабы актуализировать суть дела в диалоге как в некоей конечной точке нашего истолкования окружающего мира. Таким образом, мир, истолкованный нами в языке, может нести через нас свою вочеловечившуюся истину.

Каким образом возможен для нас диалог с Другим? Мир подлежит пониманию, осуществляемому в среде языка, и, как явленный в языке, разделим

с Другим. Именно эта предзаданность открывает возможность связи с Другим, которому мир также явлен в языке. Хотя невозможно проникнуть в мышление Другого, мы в состоянии вступить в диалог. Таким образом, мыслимые нами миры взаимопроникаемы. В разговоре как бы предстоят друг другу два мира, что открывает большую возможность расширения индивидуальности, нежели монолог: «Значит, разговор с другим, согласие другого с нами, его возражения, его понимание и непонимание значают расширение нашей индивидуальности – это всякий раз испытание возможной общности, на которое подвигает нас разум» [6, с. 86]. Язык, в сфере которого осуществляется понимание, постоянно оживает в нас и для нас в процессе беседы, когда каждый нацелен на слушание и понимание речи Другого. Мы вступаем в беседу с Другим как с еще одним живущим в среде языка транслятором смысла сущего: «Межчеловеческая общность поистине строится на диалоге, после чего вновь погружается в молчание понятости и самопонятости» [2, с. 48]. Диалог возможен благодаря стремлению и усилиям каждого из говорящих. С достижением понимания утихает диалог и устанавливается молчание понятости, но необъятное количество проблем, преследующих человечество, пробуждает беседу вновь и вновь.

Диалог возможен не только с современниками, но и с текстом исторического предания, в котором на протяжении всей человеческой истории традируется смысл. Историческое предание является не просто мертвым текстом, оно передается, чтобы быть истолкованным. Историческое выступает предтечей пониманию: понято может быть то, что подлежит истолкованию. Понимание всегда должно осуществляться по поводу сути дела, т. е. в нем должен актуализироваться смысл сущего. Текст,

открытый истолкованию, есть своего рода Другой. Историческое предание всегда несет нам язык как речь, а значит, несет и смысл. Х.-Г. Гадамер пишет, что при истолковании текста мы, как и в беседе, стремимся к усилению смысла сказанного, т. е. осуществляем понимание не позиции автора текста или собеседника, а именно смысла. Этим вновь подчеркивается важность языка как среды постоянной актуализации смысла сущего.

Если человек помыслит возможность диалога с Другим, то диалог станет возможным, так как наш язык уже способен быть посланным Другому. По Гадамеру, «кто говорит на языке, понятном ему одному, не говорит вообще» [5, с. 63]. Сочетание способности к разговору с желанием договориться о сути дела есть ключ к решению герменевтической проблемы, к нахождению общего языка: «Общий язык разыгрывается между говорящими – они постепенно “сыгрываются” и могут начать договариваться, а потому и тогда, когда различные “взгляды” непримиримо противостоят друг другу, нельзя отрицать возможность договориться между собой» [4, с. 14]. К созданию пространства диалога Я и Другого побуждает окружающий мир, полный проблем, по поводу способа решения которых необходимо договариваться с присутствующим рядом Другим. Мыслимые Я и Другим смыслы преобразуются в пространстве общего языка в смысл беседы, в которой осуществляется понимание по поводу сути дела. Это позволяет утверждать, что понимание происходит в языке, что в нем выражена суть дела и что он связывает Я и Другого. Постоянный диалог необходим каждому человеку как пространство обретения взаимопонимания с Другим и как способ утверждения своей сущности через актуализацию смысла мира.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить и провести системную реконструкцию основных содержательных блоков гадамеровской теории языка как концептуальной матрицы проекта феноменологической герменевтики. В результате данной реконструкции мы приходим к следующим выводам.

Специфика человеческого бытия, в отличие от иных живых существ, обусловлена существованием человека в языковом аспекте окружающего мира. Окружающий мир, как среда обитания всех живых существ, являет себя человеку как мир, данный в языке, что дает возможность проговаривания смысла сущего. С появлением человеческого существа смысл окружающего мира получил возможность транслироваться не только через реальное бытие предметов и живых существ, но и через среду языка. Подобное смыслополагание осуществляется именно человеком, что определяет его как мыслящую

и говорящую часть сущего. Мышление и язык онтологически связаны друг с другом, поскольку смысл, постигаемый мышлением, мыслим и выразим только в языке. Лишь онтологическая связь мышления и языка создает пространство выражения и трансляции смысла сущего, что, по сути, означает создание среды, в которой человек утверждает собственную сущность.

Актуализируя смысл сущего в сфере языка, человек становится в позицию истолкователя мира, т. е. мир, данный человеку именно в языке, подлежит интерпретации. Проговаривание человеком смысла сущего связано с пониманием этого мира, осуществляемым в языке. Принципиальная языковость понимания обусловлена онтологической связью языка и мышления, что объясняет постоянное стремление мышления к называнию и к диалогу с Другим. Понимание мира осуществляется

каждым человеческим существом, не предполагая выход за рамки языковой сферы. Однако такое условие не является неким ограничителем для человека, ибо позиция истолкователя обуславливает свободу человека от окружающего мира. Человек не просто впущен в окружающий мир, как другие живые существа, но понимает его посредством истолкования в языке. Человек включен в особый опыт общения с миром, который всегда представляет собой процесс понимания. Всякий раз осуществляется понимание конкретной части сущего конкретным человеком. Вся совокупность таких процессов необходимо разворачивается в сфере языка, где реализующий понимание человек утверждает свою сущность свободного интерпретатора мира. Фактически языковое отношение к миру дает нам возможность свободно и самостоятельно интерпретировать и актуализировать смысл сущего, что делает нас совершенно особой частью мира.

Каждый конкретный человек является самостоятельным интерпретатором мира, следовательно, язык, исходящий от каждого из нас, индивидуален и самобытен. Тем не менее это всегда язык, принадлежащий пространству национального языка. Каждый национальный язык включен в некую общую языковую сферу, в которой существует принципиальная возможность договаривания о сути дела. Мы не можем выделить у отдельного человека некий язык вообще, тем не менее пространство такого языка существует: оно включает в себя все множество национальных языков, исходящих от каждого человека. Интерсубъективная природа языка, связующая человеческое сообщество и предоставляющая возможность ведения диалога, всегда сочетается с конкретностью индивидуального языка. Осуществляющий понимание мира человек актуализирует часть смысла сущего на своем языке, являющемся проницаемым для языка другого человека. Смысл сущего звучит в языке каждого из нас и в то же время актуализируется в пространстве договаривания о нем, в процессе беседы. Таким образом, одинаково важны и необходимо сосуществуют и индивидуальный, и интерсубъективный контексты языка.

Язык, который доступен каждому и не принадлежит никому в отдельности, подобен живому существу. На протяжении своего исторического развития язык претерпевает постоянные изменения, осуществляемые в речи отдельного человека или конкретного народа. Структура языка вбирает в себя слова, которые не являются просто искусственными знаками, они обладают полнотой смысла. Слово, не подчиненное отдельному человеку, тем не менее обладает связью с контекстом употребления. Слово обусловлено конкретной ситуацией и обретает определенный смысл для слушающего,

связанного с данным контекстом реальности. Также само слово задает некий контекст, вызывая немедленные ассоциации с целым рядом иных слов. Таким образом, слово является весьма значимой единицей языка, не подчиненной человеку полностью. Как и язык в целом, слово не является индивидуальной собственностью. Простое собирание слов в предложение, как это может происходить при переводе с иностранных языков, не означает действительное обретение смысла. Необходимо восстановление целостной речи, которая и является пространством выражения смысла. Речь, следовательно, есть реальный способ существования языка как пространства актуализации смыслов. Цельность речи и происходящий в ней процесс постоянного творения понятий и контекстов как раз и означают конструирование смысла. В механически созданном наборе слов отсутствует смысл. Только живая, целостная, самобытная человеческая речь становится пространством трансляции понятого смысла сущего.

Такой понятый смысл не является лишь частным смыслом отдельного человека, он, как выделенный из мира, может быть воспринят каждым из людей. Речи не направлены в пустоту, они всегда адресованы понимающему Другому. Общечеловеческий контекст языка и мышления позволяет создавать пространство диалога. Именно в диалоге мы связаны с Другим, возникающий общий язык выражает новый смысл, творимый именно в данной беседе. Таким образом, смысл сущего находит новое проявление в диалоге Я и Другого. Речь каждого в беседе преобразуется: она включается в общий контекст и становится языком беседы. В данном языке осуществляется не понимание Другого, а некое новое понимание смысла мира, сути дела, о которой и нужно договориться. Сущность человека заключается в утверждении понятого им смысла сущего, и пространство диалога позволяет каждому при помощи Другого вызвать к жизни и проговорить еще некую часть смысла. Суть дела, произносимая в диалоге, является звучащим смыслом мира и тем самым способствует проявлению индивидуальности и сущности каждого участника диалога. Человек утверждает самого себя в беседе, он подтверждает свой статус свободного истолкователя мира, понимающего и возглашающего смысл сущего.

Таким образом, базовые понятия философии Х.-Г. Гадамера – «смыслополагание», «истолкование», «речь», «диалог», «интерсубъективность», «Другой» – могут рассматриваться как концептуальные основания проекта феноменологической герменевтики, что в последствии позволит провести историко-философскую классификацию и систематизацию феноменологических исследований языка.

Библиографические ссылки

1. Гадамер Х-Г. *Истина и метод: основы философской герменевтики*. Журинская МА, Земляной СН, Рыбаков АА, Бузова ИН, переводчики. Москва: Прогресс; 1998. 704 с.
2. Гадамер Г-Г. Язык и понимание. В: Гадамер Г-Г. *Актуальность прекрасного*. Москва: Искусство; 1991. с. 43–60.
3. Гадамер Г-Г. История понятий как философия. В: Гадамер Г-Г. *Актуальность прекрасного*. Москва: Искусство; 1991. с. 26–43.
4. Гадамер Г-Г. Философия и герменевтика. В: Гадамер Г-Г. *Актуальность прекрасного*. Москва: Искусство; 1991. с. 9–15.
5. Гадамер Г-Г. Семантика и герменевтика. В: Гадамер Г-Г. *Актуальность прекрасного*. Москва: Искусство; 1991. с. 60–71.
6. Гадамер Г-Г. Неспособность к разговору. В: Гадамер Г-Г. *Актуальность прекрасного*. Москва: Искусство; 1991. с. 82–92.

References

1. Gadamer H-G. *Wahrheit und Method. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*. Tübingen: Mohr; 1960.
Russian edition: Gadamer H-G. *Istina i metod: osnovy filosofskoi germenevtiki*. Zhurinskaya MA, Zemlianoi SN, Rybakov AA, Burova IN, translators. Moscow: Progress; 1998. 704 p. Russian.
2. Gadamer H-G. [Language and understanding]. In: Gadamer H-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Isskusstvo; 1991. p. 43–60. Russian.
3. Gadamer H-G. [Conceptual history as philosophy]. In: Gadamer H-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Isskusstvo; 1991. p. 26–43. Russian.
4. Gadamer H-G. [Philosophy and hermeneutics]. In: Gadamer H-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Isskusstvo; 1991. p. 9–15. Russian.
5. Gadamer H-G. [Semantics and hermeneutics]. In: Gadamer H-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Isskusstvo; 1991. p. 60–71. Russian.
6. Gadamer H-G. [The incapacity for conversation]. In: Gadamer H-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Isskusstvo; 1991. p. 82–92. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.11.2018.
Received by editorial board 05.11.2018.

УДК 165

ИДЕИ КОНСТРУКТИВИЗМА В КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

И. Э. БУРАКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В историко-философском плане исследуются конструктивистские идеи в классической и неклассической философии. Отмечается, что впервые идеи конструктивистского толка были высказаны в античной философии, а затем нашли отражение в рамках философии Нового времени. Обосновывается идея о том, что особый вклад в развитие конструктивистских идей внес И. Кант, в философской системе которого и было заложено «твердое ядро» оформившейся лишь в конце XX в. исследовательской программы конструктивизма. Показано, что дальнейшее развитие конструктивистские установки получили в философии науки XX в. В частности, развитие данной проблематики осуществляется в философских концепциях Э. Маха, представителей Венского кружка, Л. Витгенштейна. Подчеркивается, что в последней трети XX в. конструктивистские идеи развивались не только в контексте философского знания, но и на базе других дисциплинарных областей. Сделан вывод о том, что конструктивистские идеи, высказанные представителями как классической, так и неклассической философии, во многом предопределили современное понимание природы познания и оказали влияние на формирование целостной исследовательской программы конструктивизма.

Ключевые слова: конструктивизм; познание; классическая философия; неклассическая философия; проективно-конструктивное отношение к миру; социальный конструктивизм; радикальный конструктивизм.

IDEAS OF CONSTRUCTIVISM IN CLASSICAL AND NON-CLASSICAL PHILOSOPHY

I. E. BURAKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents the historical and philosophical renovation of constructivist ideas in classical and non-classical philosophy. The article notes that for the first time constructivist ideas were expressed in Ancient philosophy, and then in the philosophy of the Modern Age. The article substantiates that I. Kant made a special contribution to the development of constructivist ideas, because in his philosophical system the «hard core» of the constructivist research program was laid, which was formed only in the XX century. The article shows that the constructivist ideas received further development in the philosophy of science in XX century. In particular, these ideas developed in the philosophical concepts of E. Mach, representatives of the Vienna Circle, L. Wittgenstein. The article emphasizes that in the last third of the XX century, constructivist ideas developed not only in the context of philosophy, but also in other disciplines. The article concludes that the constructivist ideas expressed both by representatives of classical philosophy and non-classical philosophy predetermined a contemporary understanding of the nature of cognition and influenced on the formation of the constructivist research program.

Key words: constructivism; cognition; classical philosophy; non-classical philosophy; projective and constructive attitude to the world; social constructivism; radical constructivism.

Образец цитирования:

Буракевич ИЭ. Идеи конструктивизма в классической и неклассической философии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:48–54.

For citation:

Burakevich IE. Ideas of constructivism in classical and non-classical philosophy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:48–54. Russian.

Автор:

Ирина Эдуардовна Буракевич – аспирантка кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Н. К. Кисель.

Author:

Irina E. Burakevich, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
irinavansovich@gmail.com

Современная эпистемология представлена различными течениями и направлениями, которые по-разному рассматривают природу как познания, так и знания. Среди этих направлений едва ли не самым востребованным является конструктивистский тренд. В современных философско-методологических исследованиях конструктивизм рассматривается как направление в эпистемологии и философии науки, исходящее из идеи активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении или конструировании образов, понятий, рассуждений [1, с. 65]. Современный конструктивизм чрезвычайно многолик в своих проявлениях. Так, конструктивистский тренд уверенно заявляет о себе в контексте не только философии, в рамках которой и были заложены основные парадигмальные установки данного направления, но и психологии, социологии, нейробиологии, кибернетики и т. д. Вместе с тем, несмотря на очевидную поливариантность конструктивистского тренда, в современных философско-методологических исследованиях все более отчетливо просматривается идея о том, что конструктивизм представляет собой целостную исследовательскую программу, которая может быть успешно применена в различных областях как естественно-научного, так и социально-гуманитарного знания.

Формирование исследовательской программы конструктивизма в философии осуществлялось постепенно. История ее становления и развития может быть эксплицирована путем историко-философской реконструкции идей конструктивистского толка как в классической, так и в неклассической философии. Стоит отметить, что процесс формирования исследовательской программы претерпел ряд изменений, сопряженных со спецификой классического и неклассического типов философствования. В связи с этим представляется целесообразным проследить возникновение конструктивистских идей в классической философии и их метаморфозы в неклассической философии.

Конструктивистские идеи в Античности (представители современного конструктивизма находят своих предшественников среди ученых этой эпохи) развивались как оппозиция представлению о том, что в процессе познания субъект имеет дело с существующей независимо от него реальностью. В качестве антитезы данному подходу в понимании познания развиваются идеи, связанные прежде всего с сомнением в том, что человек может познать реальность или хотя бы ее фрагмент. В определенной мере данные положения просматриваются в представлениях Ксенофана о недоступности человеку истины о Боге и мире. Они же сквозят в утверждении Протагора о том, что мера всех вещей – человек, а значит, знание, будучи порожденным человеком, ограничено сомнениями скептиков в возможно-

сти иметь достоверное знание о мире. Невозможность обретения достоверного знания о внешнем мире связывалась древнегреческими мыслителями с антропоцентричностью человеческого мышления и неспособностью личности выйти за пределы собственного опыта.

В эпоху Нового времени формируется совершенно иная система установок, задающих отношение человека к природе, к самому себе и к другим людям. Природа и все данное естественно начинает осмысливаться как материал, допускающий возможность бесконечно вмешиваться и преобразовывать их в интересах человека. В связи с этим, по мнению В. А. Лекторского, познание уже понимается не только как описание того, что дано в опыте, но и как вмешательство в природные процессы с целью выявить «под пыткой» их тайну, как создание того, что сама природа создать не может [2, с. 7]. Иными словами, познавательное отношение человека к миру приобретает проективно-конструктивную направленность. Поэтому на данном этапе развития философского знания совершенно неслучайно возникает представление, согласно которому наиболее адекватное знание человек может иметь лишь о том, что он создал собственными действиями. Наряду с данными представлениями формируется и идея о том, что, поскольку предмет, созданный действиями человека, включается в процессы природных взаимодействий, которые не зависят от человека, возможность иметь контроль над данным предметом и полное адекватное знание о нем оказывается ограниченной. Это, в свою очередь, и приводит к выводу о том, что наиболее достоверное знание человек может иметь только о состояниях собственного сознания. В таком случае идеи конструктивизма в новоевропейской философии можно усмотреть, с одной стороны, в контексте антитезы идеалистического эмпиризма наивному реализму, а с другой – в контексте оппозиции традиции материалистического эмпиризма рационалистической традиции.

Так, Дж. Беркли, которого современные исследователи причисляют к предшественникам конструктивизма, сформулировал ряд значимых для развития данного направления идей. В рамках концепции философа субъект – это уже не естественно-природный человек, не антропологический субъект наивного реализма, а, напротив, совокупность познавательных способностей, в основе которой лежат формы чувственного опыта. Объект познания, с точки зрения Дж. Беркли, будучи определяемым формами чувственного опыта, является не независимой от субъекта и воздействующей на него реальностью наивного реализма, а совокупностью ощущений. По мнению Дж. Беркли, существование объекта зависит от восприятия его субъектом. Отсюда известная формула «Существовать – значит быть воспринимаемым» [3]. Из этого вытекает, что

и процесс познания рассматривается иначе, чем это делает наивный реализм. Представители наивного реализма полагали, что в процессе познания объект непосредственно воздействует на субъект, который отражает это воздействие и воспроизводит характеристики объекта без существенных изменений. Критикуя программу наивного реализма, Дж. Беркли утверждал, что человеку доступно лишь содержание его собственного сознания, т. е. идеи, поэтому объект познания с его первичными и вторичными качествами – не более чем комплекс ощущений самого познающего субъекта.

Сходных с точкой зрения представителей идеалистического эмпиризма взглядов придерживался итальянский философ Дж. Вико, которого Э. фон Глазерсфельд называл «первый истинный конструктивист» [4, с. 74]. Кроме того, как полагает Е. Н. Князева, Дж. Вико и Дж. Беркли пришли к идеям эпистемологического конструктивизма практически одновременно и независимо друг от друга [5, с. 135]. В 1710 г. было опубликовано главное философское сочинение Дж. Беркли «Трактат о началах человеческого знания», где представлены взгляды ирландского мыслителя на процесс познания. В это же время в Неаполе был издан труд по эпистемологии Дж. Вико «О древней мудрости итальянцев», в котором философ пришел к аналогичным результатам. Так, девизом философии Дж. Вико, по мнению ряда исследователей, было высказывание: «Истина есть сотворенное» [6, с. 122]. Иными словами, Дж. Вико полагал, что человеческому сознанию доступно лишь то, что создано самим человеком, его действиями, равно как и одному Богу известно, каков реальный мир, поскольку Всевышний его сотворил и только Создателю известен план. Истина понимается как то, что человек познал, когда создавал нечто посредством своего труда. Таким образом, оказывается, что знание и мир, по убеждению Дж. Вико, – не более чем продукты когнитивного конструирования, что прослеживается и в воззрениях Дж. Беркли.

С другой стороны, в философии Нового времени оформляется и иная антитеза в рассмотрении познания. Она обнаруживает себя в противопоставлении рационализма (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц, И. Кант и др.) материалистической версии эмпиризма (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк и др.). Концептуальные построения рационалистов также могут быть представлены как значимый исток конструктивистских идей. Так, в отличие от представителей материалистического эмпиризма, полагавших, что основу знаний составляют данные органов чувств, которые являются отражением объектов окружающего мира, представители рационалистической традиции отдавали приоритет разуму, дедуктивной методологии и интеллектуальной интуиции. Высказывая сомнение в том, что возможно получить

достоверное знание об окружающем мире, опираясь на данные чувственного опыта, рационалисты в качестве исходных структур познания выдвинули мыслительные формы и универсальные логические схемы, которые выступают как врожденные идеи, априори присущие сознанию. Наличие таких исходных в познании принципов фиксируют и представители современного конструктивизма.

Дальнейшее развитие идеи рационализма получили в философии И. Канта. Логико-гносеологический поворот в философии, осуществленный И. Кантом, позволил иначе взглянуть на природу познавательного процесса. В частности, идеи немецкого философа позволили отказаться от представления о познании как о процессе репрезентации объективной реальности, где роль субъекта ограничивается пассивным восприятием, и перейти к идее об активной роли субъекта в процессе познания. Тем самым было положено начало формированию твердого ядра исследовательской программы конструктивизма, концептуализация которой достигла значимых результатов спустя столетия – в неклассической философии XX в. Попутно стоит отметить, что твердое ядро исследовательской программы, по Лакатосу, составляет совокупность конвенционально принятых философских и научных положений, являющихся неопровержимыми.

В философии И. Канта познающий субъект впервые становится всеобщим законодателем, а мир – не более чем проекцией творчества субъекта [7, с. 212]. Это означает, что в процессе познания субъект имеет дело всего лишь с феноменологической реальностью и формирует систему знаний по законам не природы, а собственного разума: «...высшее законодательство природы должно находиться в нас самих, т. е. в нашем рассудке <...> мы должны искать не всеобщие законы природы из (самой) природы, посредством опыта, а, наоборот, природу в согласии с ее всеобщей закономерностью – только из условий возможности опыта, лежащих в нашей чувственности и в нашем рассудке» [8, с. 139]. Иначе говоря, наше познание имеет дело не с независимой от нас реальностью, не с вещами в себе, а с теми предметами, которые произведены самим познающим субъектом.

Согласно И. Канту, всякое познание начинается с опыта: «...в самом деле, чем же пробуждалась бы к деятельности познавательная способность, если не предметами, которые действуют на наши чувства?» [9, с. 41]. Иначе говоря, мы можем знать только то, предмет чего существует в опыте. Вместе с тем, если «всякое знание начинается с опыта, это еще не означает, что оно целиком происходит из опыта, поскольку даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений и из того, что дает наша познавательная способность от самой себя» [9, с. 41].

Таким образом, оказывается, что помимо эмпирического знания существует и априорное, которое, будучи всеобщим и необходимым, является таким компонентом знания, который придает последнему особую форму и способ организации, содержание же знания берется целиком из опыта. В силу того, что объекты познания определяются априорными формами, субъект познания изучает не вещи в себе, а то, что дано ему в опыте. То, чем вещь является для нас, по мнению немецкого мыслителя, принципиально отлично от того, чем она является на самом деле. Соответственно, говорить о существовании какой бы то ни было реальности, независимой от нас, не представляется возможным.

Конструирование реальности в трансцендентальной гносеологии И. Канта становится возможным благодаря тому, что опыт признается одновременно и «эмпирически реальным», и «трансцендентально идеальным», поскольку определяется априорными формами чувственного созерцания и априорными категориями рассудка [10, с. 14]. Причем ни априорные формы чувственности, ни априорные категории рассудка не принадлежат эмпирическому индивиду, а составляют содержание трансцендентального сознания. Во многом именно благодаря введению фигуры трансцендентального субъекта, который, по замечанию В. А. Лекторского, является «глубинной силой эмпирического индивида» [2], и становится возможным конструирование познаваемой реальности, неосознаваемой эмпирическим индивидом. При этом фигура трансцендентального субъекта важна еще и потому, что сквозь нее преломляется знание, это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что теоретическое знание не является продолжением эмпирического. Наличие априорных форм и условий познания позволяет рассматривать познание как творческую деятельность субъекта по производству нового знания. Во многом именно трансцендентальная гносеология И. Канта позволила сместить акцент с изучения того, что познает субъект, на изучение ключевого (в контексте развития идей конструктивистского дискурса) вопроса о том, как осуществляется познание.

Дальнейшее развитие конструктивистские установки получили в философии науки XX в. На этом этапе развития философской и научной мысли конструктивизм получил новые импульсы к развитию в связи с проблемой обоснования и демаркации науки. Особый вклад в разработку данной проблематики внесли представители Венского кружка, исследовательские интересы которых были ориентированы на создание идеального языка науки.

Стоит отметить, что попыткам создания идеального языка науки предшествовал не менее значимый этап развития философии науки – эмпириокритицизм и эмпириосимволизм рубежа XIX–XX вв. Во многом, именно в творчестве Э. Маха, кото-

рый является одним из виднейших представителей эмпириокритицизма, была предпринята попытка снять ставшую традиционной для философии и теории познания того времени оппозицию субъекта и объекта. Как внешний, так и внутренний миры, по мнению Э. Маха, состоят из небольшого количества однородных элементов (цветов, тонов, запахов, пространства, времени и т. д.) [11]. Поскольку, согласно исследователю, между физическим и психическим нет непроходимой пропасти, элементы, из которых состоит мир, соединяют в себе как физическую, так и психическую стороны. Отсюда глубокая убежденность Э. Маха в невозможности говорить о мире самом по себе, поскольку внешний мир дан человеку только субъективными формами чувственности и деятельности. Представители эмпириосимволизма пошли дальше Э. Маха, объявив, что все философские понятия являются не более чем символами, а реальный мир – совокупностью символов ощущений или опыта. В эту же сторону сделали шаг и логические позитивисты, отбросив все рассуждения о физическом мире и сохранив в качестве реального и единственно доступного объекта познания чувственные впечатления. Иными словами, заимствуя терминологию Э. Маха, можно утверждать, что логические позитивисты отказались говорить о физической стороне элементов мира.

Исходя из подобных установок, логические позитивисты пришли к следующему выводу: знание является тем, что дано человеку в эмпирическом опыте. Вне чувственного восприятия нет никакой реальности, о которой мы можем говорить, соответственно, знание, не опирающееся на чувственный опыт, бессмысленно. Следовательно, все то, что дано в чувственном восприятии, мы можем абсолютно достоверно знать.

Испытав достаточно сильное влияние идей Л. Витгенштейна, логические позитивисты совокупность предложений, выражающих чувственные переживания субъекта, истинность которых несомненна, назвали протокольными предложениями. Совокупность истинных протокольных предложений одновременно является и эмпирическим базисом науки, и гарантом истинности. Следовательно, поскольку мир представляет собой не более чем комбинацию чувственных впечатлений, а знание относится к чувственным переживаниям, базовой функцией последнего является описание. Это влечет за собой отказ от объяснения и предсказания, поскольку объяснить и предсказать можно только апеллируя к внешнему миру.

Исходя из такого представления о познании, представители логического позитивизма осуществляют критику традиционной философии за ее метафизичность, стремление вырваться за пределы субъективных переживаний. В соответствии с этим формулируется и новая задача философии, которая

заключается в логическом анализе языка науки. Единственное, в чем философия может быть полезна, – анализ научных предложений и разработка способов их сведения к протокольным предложениям. Из подобного представления о природе познания возникает и идея о необходимости формирования нового стандарта научности, который позволил бы объединить научные исследования в различных областях. Такое объединение, по мнению представителей логического позитивизма, предполагает поиск общей понятийной системы, нейтральной символической, «освобожденной от заострений исторически сложившихся языков», а также создание единого метода [12].

Несмотря на то что, как впоследствии было выявлено, неопозитивистская модель науки не соответствует реальной истории научного познания, представители неопозитивизма внесли весомый вклад в развитие конструктивистских идей философии XX в. Представляется, что среди этих идей особую значимость имеют, во-первых, субъектоцентризм, который отчетливо проявился в представлениях логических позитивистов о том, что ценность имеют только чувственные переживания субъекта, и, во-вторых, как следствие, отказ от обращения к внешнему миру в философском дискурсе.

Стремление создать идеальный язык всегда было отличительной чертой представителей логического позитивизма, при этом вне поля зрения оставалось то обстоятельство, что речевые акты всегда осуществляются в реальном мире, они сопутствуют человеку во всех его социальных практиках, да и, строго говоря, без языка социальная жизнь представляется бессмысленной.

На указанный аспект языка, на обыденный язык и его функционирование особое внимание обратил в поздних работах Л. Витгенштейн. Во многом именно в трудах, относящихся к позднему периоду творчества философа, красной нитью проходит мысль о том, что язык – не отражение реальности, а часть мира и, более того, форма жизни. Социальные практики, в которых принимают участие большинство людей, порождают различные условия употребления языка. Каждая социальная практика ситуативно привязана к социальному контексту и имеет определенную цель. Стоит отметить, что понимание языка не как зеркального отражения мира, его логического двойника, а как средства отношения к миру в процессе его применения, станет отличительной чертой современных концепций представителей социального конструктивизма.

Говоря о языке и языковой практике, с точки зрения Л. Витгенштейна, неправомерно утверждать, что «каждое слово имеет какое-то значение. Это значение соотносено с данным словом. Оно – соответствующий данному слову объект» [13]. Иными словами, значение слова необходимо искать не в указании на предмет, а в его употреблении. Объяс-

няя, что значение зависит от ситуации, т. е. от контекста, Л. Витгенштейн отказывается от ключевой идеи логического позитивизма о том, что существует фиксированное значение у каждого объекта, это дало возможность говорить о формализации языка. Строго говоря, и имена, с помощью которых язык был связан с миром, признаются Л. Витгенштейном имеющими смысл только в контексте той языковой игры, в которой они применяются. Таким образом, смысл слов и предложений зависит от употребления.

Во многом именно из понимания смысла как ситуативного и изменчивого вырастает понятие языковой игры, точное определение которой на страницах «Философских исследований» отсутствует. Так, можно привести одно из наиболее репрезентативных определений: «Весь процесс употребления слов в языке можно представить и в качестве одной из тех игр, с помощью которых дети овладевают родным языком. Я буду называть эти игры “языковыми играми” и говорить иногда о некоем примитивном языке как о языковой игре» [13]. В другом месте Л. Витгенштейн пишет, что языковая игра – это язык и действия, с которыми он переплетен [13]. Иначе говоря, языковая игра представляет собой язык и его употребление в определенных социальных практиках.

Кроме того, Л. Витгенштейн настаивал на том, что любая языковая игра является результатом коллективного социального творчества, а значит, никакого личного языка существовать не может. Поскольку любой язык включен в контекст той или иной языковой игры, он не может быть личным. В этом смысле понимание не представляет собой некий скрытый ментальный процесс, оно всегда зависит от включенности в ту или иную языковую игру.

Следовательно, лингвистическая философия Л. Витгенштейна со всей убедительностью смогла доказать, что язык – это система конвенциональных правил, в которую погружен говорящий. В силу того, что понимание зависит от включенности в контекст языковой игры, сами языковые игры можно рассматривать как своего рода метод прояснения языка, поиска выходов из различного рода непониманий. Сообразно этому и задача философии формулируется иначе: деятельность, цель которой заключается в прояснении языка.

В последней трети XX в. идеи конструктивистского толка получили обоснование не столько в концептуальном пространстве философского знания, сколько на базе различных дисциплинарных областей. В частности, конструктивистские установки нашли отражение прежде всего в когнитивной психологии Э. фон Глазерсфельда, утверждавшего, что познающий субъект в процессе познания не извлекает позитивное знание из окружающих его вещей и явлений, а организует тот негативный опыт, который получил в результате неудавшихся действий. Идеи конструктивистского толка получили обосно-

вание также и в эволюционно-биологической концепции У. Матураны и Ф. Варелы, рассматривавших познание не как отражение мира, а как конструирование мира через саму жизнь. Преломились данные идеи и в кибернетике Х. фон Ферстера, полагающего, что воспринимаемая нами окружающая среда является не больше, чем нашим изобретением. Сходные представления просматриваются и в нейрофизиологии Г. Рота, обосновывающего идею о конструктивной природе нашего мозга. Несмотря на такой кажущийся плюрализм и оригинальность идей, в современной философско-методологической литературе данных исследователей принято считать представителями радикального конструктивизма. Такой вывод совершенно неслучаен, поскольку исследователи в работах так или иначе утверждали, что познание представляет собой процесс активной конструктивной деятельности субъекта, его главная задача при этом заключается в организации внутреннего опыта субъекта, а не в описании объективной реальности.

Кроме того, идеи конструктивизма в последней трети XX в. получили широкое распространение в контексте социально-гуманитарного знания (социальной философии, социологии, психологии и культурной антропологии). Конструктивистские идеи и установки в рамках социально-гуманитарного знания объединяются под общим наименованием «социальный конструктивизм», проблемное поле которого выстраивается вокруг таких понятий и идей, как «язык», «культура», «коммуникация», «конструирование реальности» и т. д. Учитывая многообразие идей и концепций, получивших развитие и обоснование в рамках социального конструктивизма, представляется возможным выделить ряд фундирующих конструктивистскую исследовательскую программу идей. Среди них наиболее значимыми представляются следующие:

- 1) конструирование реальности осуществляется во взаимоотношениях с другими людьми;
- 2) реальность конструируется людьми посредством языка;

3) социальные конструкции имеют конвенциональную природу.

Иными словами, представители социального конструктивизма полагают, что мир повседневной реальности создается людьми в их мыслях и действиях совместно с другими людьми.

Таким образом, анализ историко-философской традиции свидетельствует о том, что конструктивистские идеи в истории философии высказывались задолго до того, как конструктивизм оформился в качестве особой исследовательской программы. Так, мыслители уже в прошлом высказывали сомнения в том, что возможно получить достоверное знание об окружающей действительности. Однако оформляться проективно-конструктивное отношение к миру, в контексте которого и осмысливается познание, начало только в Новое время. Исходя из историко-философской реконструкции базовых антитез в понимании познания и взглядов И. Канта, мы можем обозначить ряд идей, которые сегодня являются фундирующими для современного конструктивизма. Так, представители классики, отмечая активную роль познающего субъекта, приходили к вариативному выводу о том, что объект познания, а в ряде случаев и мир в целом, – это не более чем продукт конструктивной деятельности субъекта. Кроме того, во многом предопределили современное понимание природы познания, фундирующее твердое ядро конструктивистской программы, представления о познании, выработанные в рамках философии эмпириосимволизма и эмпириокритицизма рубежа XIX–XX вв., представители которой отказались от обращения в философском дискурсе к внешнему миру; деятельность членов Венского кружка, наделенных ценностью сугубо чувственные переживания субъекта и отказавшиеся говорить о физической стороне мира; лингвистическая философия Л. Витгенштейна, акцентирующая внимание на особой роли языка и его конвенциональной природе. Не менее значимый вклад в оформление целостной конструктивистской программы внесли представители радикального и социального конструктивизма.

Библиографические ссылки

1. Касавин ИТ. Конструктивизм как идея и направление. В: Ликторский ВА, редактор. *Конструктивизм в теории познания*. Москва: Институт философии Российской академии наук; 2008. с. 63–73.
2. Лекторский ВА. Конструктивизм и реализм в эпистемологии. *Философские науки*. 2008;3:5–9.
3. Беркли Дж. *Трактат о принципах человеческого знания* [Интернет]. Москва: Наука; 1978 [процитировано 18 июля 2018]. Доступно по: <http://www.e-reading.club/book.php?book=149473>.
4. Глазерсфельд Э. Введение в радикальный конструктивизм. В: Цоколов С. *Дискурс радикального конструктивизма*. Мюнхен: Phren; 2000. с. 74–98.
5. Князева ЕН. Конструирование будущего. *Экономические стратегии*. 2010;4:81–97.
6. Фатенков АН. Стратегии осмысления бытия: реализм в полемике с конструктивизмом и теорией отражения. *Вопросы философии*. 2011;12:117–128.
7. Богданова ВО. Философия Канта и современный конструктивизм: точки соприкосновения. *Личность. Культура. Общество*. 2011;13(2):211–216.
8. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. В: Кант И. *Сочинения. Том 4, часть 1*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1965. с. 67–209.

9. Кант И. *Критика чистого разума*. Лосский Н, переводчик. Москва: Эксмо; 2012. 736 с.
10. Лекторский ВА. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии. *Вопросы философии*. 2005;8:11–21.
11. Мах Э. *Анализ ощущений и отношение физического к психическому*. Москва: Территория будущего; 2005. 304 с.
12. Карнап Р, Хан Х, Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок. *Логос* [Интернет]. 2005 [процитировано 3 августа 2018];2. Доступно по: <http://ruthenia.ru/logos/number/47/02.pdf>.
13. Витгенштейн Л. *Философские исследования*. Козлова МС, Авсеев ЮА, переводчики [Интернет]. Москва: Гнозис; 1994 [процитировано 07 июля 2018]. Доступно по: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000273/>.

References

1. Kasavin IT. [Constructivism as an idea and trend]. In: Lektorshii VA, editor. *Konstruktivizm v teorii poznaniya* [Constructivism in epistemology]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 2008. p. 63–73. Russian.
2. Lektorskiy VA. Constructivism and realism in epistemology. *Filosofskie nauki*. 2008;3:5–9. Russian.
3. Berkeley G. *Traktat o printsipakh chelovecheskogo znaniya* [A treatise concerning the principles of human knowledge] [Internet]. Moscow: Nauka; 1978 [cited 2018 July 18]. Available from: <http://www.e-reading.club/book.php?book=149473>. Russian.
4. Glazersfeld E. [An introduction to radical constructivism]. In: Tsokolov S. *Diskurs radikalnogo konstruktivizma*. Munich: Phren; 2000. p. 74–98. Russian.
5. Knyazeva EN. [Construction of the future]. *Ekonomicheskie strategii*. 2010;4:81–97. Russian.
6. Fatenkov AN. [Strategies for understanding being: realism in the controversy with constructivism and the theory of reflection]. *Voprosy filosofii*. 2011;12:117–128. Russian.
7. Bogdanova VO. [The philosophy of Kant and modern constructivism: points of contact]. *Lichnost. Kul'tura. Obshchestvo*. 2011;13(2):211–216. Russian.
8. Kant I. [That will be able to come forward as science]. In: Kant I. *Sochineniya. Tom 4, chast' 1* [Writings. Volume 4, part 1]. Asmus VP, Gulyga AV, Oizerman IT, editors. Moscow: Mysl'; 1965:67–209. Russian.
9. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow: Eksmo; 2012. 736 p. Russian.
10. Lektorskiy VA. [Kant, radical constructivism and constructive realism in epistemology]. *Voprosy filosofii*. 2005;8:11–21. Russian.
11. Mach E. *Analiz oshchushchenij i otnoshenie fizicheskogo k psihicheskomu* [The analysis of sensations, and the relation of the physical to the psychical]. Moscow: Territoriya budushchego; 2005. 304 p. Russian.
12. Karnap R, Han H, Nejratt O. Nauchnoe miroponimanie – Venskii kruzhok. *Logos* [Internet]. 2005 [cited 2018 August 3];2. Available from: <http://ruthenia.ru/logos/number/47/02.pdf>. Russian.
13. Wittgenstein L. *Philosophical investigations* [Internet]. Moscow: Gnozis; 1994 [cited 2018 July 7]. Available from: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000273/>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.09.2018.
Received by editorial board 20.09.2018.

УДК 1(091)

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОГРАММЫ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ

И. М. РАТНИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется эволюция философского дискурса критической теории франкфуртской школы как одной из важнейших исследовательских программ в современной гуманитаристике. Эксплицируется инвариантное содержание, обеспечивающее концептуальную целостность и имманентную логику в ее развитии, начиная с классического этапа (М. Хоркхаймер, Т. Адорно и др.) и заканчивая современной версией (А. Хоннет, Р. Форст и др.)

Ключевые слова: критическая теория; франкфуртская школа; модерн; коммуникативное действие; борьба за признание; право на оправдание.

THE EVOLUTION OF THE PHILOSOPHICAL PROGRAM OF THE FRANKFURT SCHOOL'S CRITICAL THEORY

I. M. RATNIKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The evolution of the philosophical discourse of the Frankfurt School's Critical Theory as one of the most important research program in modern Humanities is studied in this article. The invariant content that provides conceptual integrity and immanent logic in its development from the classical stage (M. Horkheimer, T. Adorno, etc.) to the modern version (A. Honnet, R. Forst, etc.) is explicated.

Key words: Critical Theory; the Frankfurt School; modernity; communicative action; struggle for recognition; right to justification.

Введение

Критическая теория по-прежнему является одним из доминирующих концептуальных трендов в современном интеллектуальном пространстве. Ведущими университетами и научными центрами мира организована работа институтов, школ, групп и семинаров, нацеленных на изучение различных аспектов критической теории, а также на раскрытие возможностей практического применения ее ресурсов (к примеру, Институт социальных иссле-

дований во Франкфурте-на-Майне, Институт критических социальных исследований в Нью-Йорке). Регулярно издаются рецензируемые журналы, отличающиеся высокими академическими стандартами, на страницах изданий обсуждаются методологические и концептуальные вопросы критической теории общества (*Critical Inquiry*, *Zeitschrift fur kritische Theorie*, *Constellations*, *Radical philosophy*, *Angelaki*). На базе Чикагского университета Лойолы

Образец цитирования:

Ратникова ИМ. Эволюция философской программы критической теории франкфуртской школы. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;1:55–63.

For citation:

Ratnikova IM. The evolution of the philosophical program of the Frankfurt School's critical theory. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;1:55–63. Russian.

Автор:

Ирина Михайловна Ратникова – соискатель кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. Г. Румянцева.

Author:

Irina M. Ratnikova, competitor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
volira_@mail.ru

в Риме ежегодно проводятся научные конференции международного уровня, посвященные выявлению эвристического потенциала данной исследовательской программы.

Актуализация интереса к критической теории обусловлена не только теоретической, но и практической ее значимостью. Так, обращение к программе критической теории, нацеленной на анализ и преодоление патологий социального развития техногенной культуры, оказывается чрезвычайно своевременным и продуктивным в условиях протекания сегодня цивилизационных процессов. Последние характеризуются социально-политическими, экономическими и культурными противоречиями и конфликтами, миграционными и интеграционными явлениями, сопровождающимися ростом общественного недовольства, появлением религиозно-мотивированного экстремизма и терроризма.

Республика Беларусь является неотъемлемой частью мировой цивилизации и происходящих в ней процессов, а значит, не может оставаться в стороне при решении глобальных проблем современности, поставивших сегодня под угрозу выживание человечества. В связи с этим изучение критической теории носит серьезное научное значение, поскольку данная программа не только эксплицирует прямую зависимость между фундаментальными принципами западной культуры и современными социальными катаклизмами, но и разрабатывает проект трансформации существующего социально-политического порядка на разумных основаниях, создавая тем самым матрицу дальнейших исследований в этой области.

Критическая теория была предметом исследования комплекса работ русскоязычных авторов. Она, как одна из версий западного марксизма, вызывала несомненный интерес таких советских исследователей, как Э. Я. Баталов, Б. Н. Бессонов, Ю. Н. Давыдов, Н. С. Нарский. Вместе с тем идеологическая ангажированность данного периода оказала серьезное влияние на методологический подход к изучению философских оснований критической теории, что проявилось в искаженной оценке ряда ее выводов и значимости. Во многом это удалось изменить научной литературе постсоветского периода. Для данного этапа характерно стремление пересмотреть основные выводы предшествующей исследовательской традиции, отбросить все стереотипы и заново открыть критическую теорию франкфуртской школы русскоязычному читателю. Так, в белорусской науке следует выделить работы А. А. Грицанова, С. В. Лапиной, В. С. Михайловского, М. А. Можейко, раскрывающие вместе с тем лишь отдельные измерения исследуемой теории или имеющие преимущественно обзорный характер. Особое место в этом ряду занимают труды В. Н. Фурса – первые фундаментальные изыскания, посвященные ис-

следованию критической теории последней трети XX в., научное значение которых выходит далеко за пределы отечественной гуманитаристики.

Заметным событием стало появление работ современного российского специалиста С. В. Шачина, исследования которого имеют комплексный характер и вносят важный вклад в раскрытие практического потенциала концептуального каркаса представителей современного философского дискурса в Германии и пользуются заслуженным авторитетом в академической среде. В дальнейшем правомерно вести речь о монографиях, диссертациях и научных статьях (Д. А. Баженов, А. Н. Дмитриев, М. А. Кукарцева, И. А. Михайлов, Н. В. Мотрошилова, Г. Г. Соловьева, И. П. Фарман и др.), темы которых сосредоточены на отдельных измерениях критической теории либо на концепциях ее представителей.

Данные работы непосредственно участвуют в осмыслении ранее малоизученных аспектов критической теории. Вместе с тем систематическое исследование концептуального оформления и эволюции философской программы критической теории, начиная с истоков и заканчивая актуальным состоянием, не было представлено в достаточной степени ни в одной из этих работ. Задача осуществления такого исследования во многом затруднена и отсутствием переводов оригинальных текстов ключевых представителей критической теории. Русскоязычному читателю сегодня приходится довольствоваться лишь отдельными статьями и рецензиями, посвященными философии А. Хоннета, Р. Форста и других представителей современной критической теории.

Несколько иначе дело обстоит в западной науке. Выход новых работ и статей современных представителей критической теории сопровождается изданием переводов. Западная научная литература отличается наличием большого количества исследований, посвященных различным аспектам критической теории. К их числу следует отнести работы Дж. Андерсона, Р. Виггерхауса, Ж. Ф. Деранти, Т. Маккарти, Дж. Олвея, Дж. Финлейсона. Большинство работ не претендуют на комплексное осмысление философского дискурса критической теории, но вместе с тем каждая из них вносит серьезный вклад в изучение отдельных сторон и концепций. Несомненным преимуществом западной литературы является своевременное осмысление ключевых аспектов развития критической теории в ее современном и классическом вариантах. Несмотря на это значительная часть трудов остается недоступной русскоязычному читателю.

Многочисленность и многоаспектность работ, посвященных критической теории, свидетельствуют о повышенном интересе научного сообщества к данной теме. Несмотря на появление серьезных и глубоких исследований, изучение генезиса и эволюции философского дискурса критической тео-

рии не нашло должного освещения в литературе. Неоднозначным остается и дефинитивный статус критической теории. Установлена вариативность определений ее концептуальных границ, начиная с редуccionистских отождествлений с хоркхаймеровско-адорновской моделью и заканчивая предельным расширением ее содержания до вся-

кой версии социального критицизма. Настоящая статья ставит перед собой задачу хотя бы частично восполнить этот пробел, реконструировав философское содержание и динамику развития критической теории как целостной исследовательской программы современного социально-гуманитарного знания.

Теоретическая основа

Генетически и содержательно понятие критической теории восходит к творчеству франкфуртской школы. Именно в работах франкфуртцев теория находит свое оформление. Данное обстоятельство обуславливает правомерность трактовки критической теории как оригинальной исследовательской программы, сформулированной М. Хоркхаймером в первой трети XX в., концептуально фундированной Т. Адорно и Г. Маркузе, получившей коммуникативное развитие в работах Ю. Хабермаса и нашедшей в настоящее время продолжение в концепциях А. Хоннета и Р. Форста. Специфика современного философского дискурса заключается в его междисциплинарности и системном подходе к анализу социально-культурной реальности, предполагающем:

- 1) эксплицирование истоков и принципов формирования существующей социальной системы (генетический аспект);
- 2) исследование особенностей и результатов реализации (функциональный аспект);
- 3) разработку программы по преодолению выявленных патологий социального развития (проектный аспект).

Социально-политический и духовный климат начала XX в. в Германии (время и место возникновения классической критической теории) может быть охарактеризован кризисным состоянием страны, обусловленным проигрышем в Первой мировой войне, образованием политически и экономически слабой Веймарской республики, ростом общественного недовольства, появлением экстремизма. Эта кризисность нашла отражение в сознании творческой интеллигенции того времени. К идейно-методологическим предпосылкам формирования критической теории следует отнести кантовское понимание критики как универсального метода выявления условий возможности познания и отказ от догматизма; гегелевскую интерпретацию мира как данности в человеческом опыте, возникающей в результате самоотчуждения субъекта в процессе разворачивания абсолютной идеи; идею К. Маркса о социально-экономической детерминированности всякой действительности и его критику капиталистического общества; фрейдовское выявление скрытых механизмов функционирования человеческой психики; ницшеанские лозунги переоценки ценностей европейской культуры и воли к власти

как фундаментального основания власти, модернизма, теории масс и массового сознания; веберовское учение о «формальной рациональности» как системе действий, рассчитанных на достижение максимальной эффективности. Эти и многие другие идеи были коренным образом переосмыслены в целях разработки качественно нового типа социально-философского знания – критической теории.

Первоначально программа классической критической теории концептуально оформилась на страницах издания «Журнал социальных исследований», издаваемого Институтом социальных исследований Франкфуртского университета имени Гёте в первой трети XX в. В наиболее концентрированном виде основные положения теории были изложены вторым директором института М. Хоркхаймером в статье «Традиционная и критическая теория» (1937) [1].

Так, в данной работе представлена критика методологических оснований традиционной научной теории, трактуемой автором в позитивистском ключе. Согласно традиционной теории мир явлений конституирует структуру человеческой реальности и, соответственно, познанию доступно лишь то, что дано в опыте. Основные критерии истинности данной теории – когерентность, взаимосвязанность и согласованность всех элементов, их логическая непротиворечивость. Позитивистское требование отказаться от абстрактности социальной теории, установка на объективизм и точность формулировок, сбор и обработка фактов эмпирической действительности математическими методами обусловлены следованием примеру естественных наук, «практическая ценность которых не подлежит сомнению» [2, с. 191]. Вместе с тем традиционная теория, редуцирующая роль науки в регистрации фактов и явлений объективной действительности, становится инструментом легитимации существующей системы власти и социального порядка. Задачи же критической теории – проникнуть в истинную суть вещей и показать реальные принципы, лежащие в основе социальных отношений, а также демистифицировать ложные формы существующего положения дел.

Уже в программной статье М. Хоркхаймера эксплицируется специфика философской программы классического этапа становления критической теории, заключающаяся в применении системного подхода к анализу социокультурной реальности [1].

Цели такого анализа – исследование генезиса и особенностей функционирования фундаментальных принципов западной культуры и выявление условий трансформации социального порядка на основе принципов свободы и справедливости. Более конкретные черты приобретают и методологические ориентиры классической модели критической теории, характеризующиеся системностью, историзмом, диалектическим подходом, холизмом, критикой номинализма и редукционизма сциентистски ориентированных теорий.

Реализация данной программы конституировала фундаментальную тему философской рефлексии критической теории в целом – модерн. Именно системный анализ модерна является концептуальным ядром критической теории, обеспечивающим ее инвариантное содержание. Начиная с классического и заканчивая современным этапом, исследование модерна с учетом динамики социокультурных детерминант является ключевой целью критической теории и позволяет, таким образом, выявить преемственность и внутреннюю логику развития данной теории.

Смысловая экспликация понятия «модерн» затруднена отсутствием единства толкования. Так, в современном социально-гуманитарном знании можно выделить два основных подхода к определению содержания модерна. Первая трактовка задается логикой трехчастного деления исторического процесса (премодерн, модерн, постмодерн), согласно которой под модерном понимается самостоятельный социокультурный феномен, возникающий в Новое время, характеризующийся культом разума, европоцентризмом, верой в научно-технический и социальный прогресс и исчезнувший в связи с политическим, экономическим и духовным кризисом начала XX в. (Ж. Бодрийяр, Дж. Ваттимо, Ф. Лиотар и др.).

В рамках второго подхода модерн интерпретируется как особый мировоззренческий проект, который не имеет жесткой привязки к конкретному историческому этапу и детерминирует собой развитие западной культуры в целом. Он фундирован следующими основаниями:

- 1) инструментальной рациональностью, заключающейся в использовании разума в качестве средства преобразования внешней и внутренней природы;
- 2) когнитивистской трактовкой природы человека;
- 3) прогрессизмом, обусловленным субстанциальным пониманием времени и телеологическим видением исторического процесса (Т. Адорно, Ю. Хабермас, А. Хоннет и др.).

Такое понимание модерна, заданное критической теорией, максимально полно описывает круг проблем, с которыми столкнулась современная ци-

вильзация, а потому приобретает все больше сторонников (У. Бек, Э. Гидденс, А. Турен и др.).

Так, представители классического этапа развития критической теории отмечают инструментально-прикладной характер рациональности модерна, к базовым чертам которой они относят властность, тоталитарность, репрессивность, редукционизм и др. [1–9]. Несомненное достижение исследователей – раскрытие конститутивной роли рациональности модерна в становлении современной техногенной культуры. Ученые показали, что несостоятельность и изначальная противоречивость многих принципов и установок техногенной культуры имели решающее значение в возникновении целого комплекса глобальных проблем современности, которые сегодня поставили под вопрос выживание человечества.

Рациональность модерна обусловила когнитивистскую редукцию природы человека к рационально организованной познавательной деятельности, в результате чего нивелируется целостность и многообразие форм субъективного бытия. В рамках проекта «модерн» субъект трактуется как активное начало, которое удостоверяет себя и окружающую действительность только в акте мышления и рефлексии, а субъективность – как то, что эксплицирует себя посредством познавательного действия рационального субъекта. Человек, превращаясь в инструмент познания, нацеленный в конечном счете на производство и потребление, опредмечивается и овеществляется, утрачивает многомерность, способность к критической рефлексии. Тем самым представители критической теории демонстрируют амбивалентный характер и концепции субъекта.

Радикальной критике на классическом этапе развития данной исследовательской программы подвергаются также и принципы прогрессизма и телеологизма как конститутивные основания идеологии модерна, выражающиеся в непоколебимой убежденности в целесообразном, линейном, непрерывном характере развития исторического процесса, разрыве с предшествующей культурной традицией, принципиальной устремленности в будущее. Основоположники критической теории эксплицируют противоречивость этих принципов: безудержное стремление к целесообразному и прогрессивному развитию обернулось регрессом, неограниченным подавлением и угнетением человечества. История превратилась в череду катастроф: мировые войны, концентрационные лагеря, холокост, холодная война.

Таким образом, представители классической критической теории выявляют определяющее значение концептуальных оснований проекта «модерн» в становлении современной цивилизации. В своих работах они эксплицируют изначальную

амбивалентность фундаментальных принципов модерна, которые оказались антагонистичными самой сути как объективной, так и субъективной реальности, став причиной возникновения комплекса глобальных проблем, с которыми сегодня столкнулось мировое сообщество. Это приводит исследователей к разработке программы, направленной на преодоление патологий развития западной культуры.

Философская программа критической теории франкфуртской школы детерминирована стремлением выявить условия и предпосылки изменений господствующего социального и политического порядка в целях преодоления патологий западной цивилизации и построения нового общества на принципах разумности, свободы и справедливости. В связи с этим правомерно рассматривать критическую теорию как эмансипационный проект по изменению капиталистического общества на разумных основаниях. Цель данного проекта заключается в разработке таких ментальных и поведенческих способов отношения к внешней и внутренней природе, которые нивелируют негативные последствия реализации принципов и установок модерна, выражающихся в появлении экологических, антропологических, политических и других проблем современности.

Так, в проекте Т. Адорно преодоления патологий развития западной культуры основанием новой заданной модерном модели социального устройства является эстетическая реальность, выступающая в качестве пространства свободного от модели господства принципа как субъект-субъектных, так и субъект-объектных отношений. Данные идеи подсказывает ему сама практика модернизма, а критика модерна превращается таким образом в критику массового искусства. Только в сфере эстетической рациональности возможна реализация принципов миролюбивого, миметического, ценностного отношения человека к природе, неискаженная коммуникация как с себе равным, так и с самим собой.

В свою очередь, Г. Маркузе усматривает возможность проектирования социального и политического порядка на основании принципов свободы как высшей ценности, а также легитимации чувственной составляющей и сексуального раскрепощения человека, что позволит выстраивать отношения с природой и другими людьми на принципиально ненасильственных основаниях. Социальный прогресс связывается данным представителем критической теории с восстановлением целостности человеческой природы, обеспечивающимся революционными преобразованиями посредством политического воздействия.

Таким образом, вопреки устоявшемуся в ряде научных работ мнению о том, что уже на классическом этапе была задана эмансипационная направленность критической теории, определившая общую

матрицу дальнейших исследований, окончание творческого и жизненного пути основоположников критической теории является завершением этого этапа. Реактуализация и развитие идей данной исследовательской программы были инициированы Ю. Хабермасом. Будучи директором Института по исследованию условий жизни научно-технического мира Общества научных исследований Макса Планка в Штарнберге, он собрал команду исследователей (Р. Дарендорф, О. Негт, А. Шмидт и др.), которые поставили перед собой задачу определить новый курс критической теории, соответствующий современным реалиям. Он должен создать адекватную основу для анализа социокультурной реальности, патологий ее функционирования и поиска направлений эмансипативной трансформации существующей общественной и политической системы.

Без преувеличения можно сказать, что Ю. Хабермас является одной из самых значимых фигур в интеллектуальном пространстве. Будучи живым классиком философии, он принимает активное участие в дебатах, посвященных самым актуальным вопросам современной политики, науки, техники, религии, и в обсуждении многих других тем, оказывая значительное влияние на формирование общественного мнения и олицетворяя тем самым разрабатываемую им этику дискурса. Как справедливо отмечает Н. В. Мотрошилова, «этот замечательный мыслитель и сегодня говорит веское слово, которое удивительным для философии образом влияет на состояние умов и эмоций его современников, идет ли речь о сферах науки, политики или жизненного мира» [10, с. 23].

Позиция Ю. Хабермаса отличается смещением акцента в сферу повседневных интерсубъективных интеракций, которые укоренены в языковых практиках. Реализуя программную установку критической теории в соответствии с принципами постметафизического мышления в коммуникативном ключе, он осуществляет тем самым парадигмальный переворот в критической теории. Предложенная им модель – это коммуникативная версия критической теории, цель которой заключается в концептуализации социокультурной реальности в соотнесенности с инверсиями и парадоксами модерна [11–16].

Предпосылкой теории Ю. Хабермаса выступает убежденность в конститутивности темы рациональности для философского знания как такового. Осуществив теоретическую реконструкцию основных стратегий критики разума в историко-философской традиции, он выявляет их фундаментальное основание, а именно деятельностный характер рациональности. В связи с этим единицей системного анализа социокультурной реальности выступает понятие «действие». Причину патологий реализации и функционирования принципов инструментальной рациональности исследователь усматривает в лежащем

в основании действия, особенность которого заключается в целеполагающем характере и трактуется Ю. Хабермасом как систематическое искажение коммуникативных актов в целях получения пользы и выгоды. В противовес этому автор вводит понятие «коммуникативное действие», в основе которого лежит ориентация на достижение консенсуса посредством рационально организованного, аргументированного обсуждения ситуации. Коммуникативное действие является основанием разрабатываемой Ю. Хабермасом концепции коммуникативной рациональности в широком смысле как проекта социальной эволюции.

Специфика теории коммуникативной рациональности заключается в процедурном характере. Ее ключевая цель – выявить универсальные предпосылки достижения взаимопонимания и согласия в условиях общности трактовки происходящих в мире событий, задающей пространство повседневных практик жизненного мира. Данная целевая установка реализуется в концепции универсальной прагматики, направленной на раскрытие таких оснований консенсуса, в которых акт коммуникации демонстрировал бы свою рациональную природу. Такой универсальной средой достижения общезначимого согласия является дискурс как рефлексивная форма коммуникативного разума. В дискурсе реализуются притязания участников коммуникации на истинность, правильность и правдивость высказывания, а значит, учитываются все аспекты рациональности – когнитивный, нормативный и экспрессивный. Только в случае соблюдения этих условий дискурс может являться основой коммуникативной рациональности.

Кроме того, концепция коммуникативной рациональности фундирована идеей интерсубъективности, предполагающей, что человек находит себя, концепция определяется не в условиях индивидуализированного акта саморефлексии, а в акте соотносительности с другими самосознающими субъектами. Специфика концепции интерсубъективности Ю. Хабермаса заключается в том, что акт презентации себя другим есть процесс этического самопонимания и самоидентификации одновременно. Интерсубъективизм концепции подчеркивает стремление к достижению взаимопонимания как основному модусу человеческого существования. Это позволяет говорить о продуктивности и эвристическом потенциале критической теории в деле урегулирования социальных конфликтов различного генезиса посредством рационально организованных дискурсивных практик.

Концептуальное развитие хабермасовской версии критической теории сопровождается выдвиганием на первый план нормативной проблематики. В его представлении движущей силой, обеспечивающей социальный прогресс, выступает не когнитивная сфера, как это было в проекте «модерн»,

а эволюция нормативных оснований повседневных коммуникативных практик. В соответствии с онтогенезом морального сознания Ю. Хабермас выделяет ряд этапов филогенеза, причина смены которых заключается в дифференцированном возрастании рациональности жизненного мира (частная и общественная сфера) и сложности системы (экономическая и политическая сфера). Дальнейший потенциал развития общества исследователь связывает с преодолением тех проблем, которые возникли в результате реализации проекта «модерн», – дифференциации жизненного мира и автономизации системы, колонизации сферы повседневных практик посредством символических средств обмена (монетаризации и бюрократизации), фрагментации сознания и функционализации личности, обеднения культурного опыта и др.

Решение указанных проблем в критической теории Ю. Хабермаса не предполагает революционных преобразований, но представляет собой рационально организованный процесс дискурсивного формирования коллективного волеизъявления объединениями открытой и свободной общественности, основанных на принципах справедливости и солидарности (концепция делиберативной политики). Общественность формируется в результате объединения представителей различных сфер, обладающих соответствующей политической культурой и являющихся независимыми от символических средств внедрения системы в коммуникативную сеть ассоциаций. В этом смысле общественность является нормативным понятием. Хабермасовская идея приоритета развития нормативной сферы как основания социального прогресса получила развитие в современной критической теории, к числу наиболее репрезентативных представителей которой следует отнести в первую очередь А. Хоннета.

Сегодня А. Хоннета по праву можно назвать наиболее заметной и продуктивной личностью западной философии. Разрабатываемые им темы позволяют поставить ученого в один ряд с выдающимися мыслителями нашего времени. В западной академической среде его идеи являются предметом серьезных дискуссий, а труды подлежат незамедлительному переводу и активно публикуются. Он выявляет специфику, сущностное содержание и эвристический потенциал критической теории в контексте современного интеллектуального дискурса. Цель теории заключается в проблематизации существующих моделей и схем социальных, культурных и политических практик, выяснении их релевантности подлинным потребностям человека.

Опираясь на теоретические ресурсы гегелевской философии и мидовской социальной психологии, А. Хоннет разрабатывает такую модель критической теории, в которой основополагающим фактором динамики социокультурного развития выступает нормативно окрашенная борьба индивидов за

признание автономности, значимость прав и свобод. Социальные взаимодействия определяются нормативными моделями взаимного признания субъектами своей автономии: любви, права и солидарности. Каждой из этих форм признания соответствует определенная форма пренебрежения, генерирующая мотивы и причины возникновения социальных конфликтов [17–22].

Парадигма признания как основа современной критической теории предполагает нормативную реконструкцию социальных практик и институтов, которые обеспечивают соблюдение условий, необходимых для реализации свободы как высшей ценности. При всей ценностной плюральности современной культуры именно свобода и институты, гарантирующие ее наличие и защиту, выступают основным мерилом социальной и политической справедливости и прогрессивного развития. В этом смысле критическая теория А. Хоннета реализует программу нормативной реконструкции существующих институализированных отношений, в которых субъекты в акте взаимного признания могут реализовать свою личную автономию.

Осуществляя нормативную реконструкцию исторических предпосылок свободы, А. Хоннет дифференцирует следующие ее модели: негативную, рефлексивную и социальную. Социальная и политическая справедливость при этом не могут быть редуцированы к объему негативной или рефлексивной свободы, предоставляемой индивидам. В справедливом обществе должна присутствовать социальная свобода как обеспечение предпосылок и возможностей равного взаимного признания всех членов общества. Нормативные институты должны быть защищены правовыми, которые, в свою очередь, легитимированы дискурсивными практиками демократического волеизъявления.

Дальнейшая эволюция философского дискурса критической теории связана с творчеством Р. Форста, нынешнего содиректора Института философии Франкфуртского университета имени Гёте – места возникновения франкфуртской школы, – входящего в состав Института социальных исследований. Будучи учеником Ю. Хабермаса и А. Хоннета, он продолжает и развивает традицию критической теории, в основании которой лежит требование подвергать

рефлексии ключевые положения, понятия, принципы и границы применения этой теории, обеспечивая тем самым систематическую критику собственных оснований.

Современные интеграционные и миграционные процессы определили целевую установку критической теории на поиск максимально оптимальных моделей социального устройства и справедливых норм совместного общежития в условиях мультикультурализма. В работах Р. Форста пытаются выявить концептуальные основания справедливого социального и политического порядка [23–25]. Опираясь на ключевые положения современной дискуссии либерализма и коммунитаризма, он выявляет нормативные контексты справедливости, в которых проходит жизнь человека. Эти контексты характеризуются им как сферы взаимного этического, правового, политического и морального признания.

Идея признания используется Р. Форстом для дополнения и уточнения разрабатываемой им критической теории справедливости, методологический приоритет в которой принадлежит концепции права на оправдание. Это право выражает требование отказаться от политических или социальных отношений господства и управления, которые не могут быть адекватно оправданы теми людьми и сообществами, к которым они имеют непосредственное отношение. В связи с этим критическая теория предстает как эмансипационный проект создания свободного и справедливого общества, в основе которого лежит дискурсивная практика оправдания своих действий, поступков и образа жизни, а также легитимации социальных и политических институтов, приводящая к установлению демократического правового государства.

Критическая теория справедливости включает в себя не только нормативную теорию оправдания, фундированную принципами публичной критики и аргументации, но также подразумевает и анализ предвзятых и ложных отношений оправдания. В связи с этим особое значение в теории Р. Форста приобретает концепция толерантности, ключевая задача которой определяется разработкой условий предоставления меньшинствам голоса в политических дебатах, достаточной власти для оспаривания социальных норм.

Заключение

Современная критическая теория включает в себя несколько аспектов: во-первых, она анализирует генезис, характер и основания социального развития; во-вторых, выявляет критерии форм оправдания и легитимации социального и политического порядка, начиная с локального и заканчивая транснациональным уровнем, в контексте глобального мультикультурного сообщества; в-третьих, анализирует существующие формы власти и обоснования толерантности; в-четвертых, исследует контексты

возникновения социальных конфликтов; в-пятых, раскрывает предпосылки установления справедливой основы оправдания и границ толерантности. Критическая теория франкфуртской школы предстает, таким образом, как эмансипационный проект создания общества, в основе которого лежит дискурсивная практика оправдания образа жизни и институциональной системы, приводящая к возникновению правового общества, основанного на принципах свободы, справедливости и толерантности.

Библиографические ссылки

1. Horkheimer M. Traditional and critical theory. In: Horkheimer M. *Critical Theory. Selected Essays*. New York: Continuum; 2002. p. 188–244.
2. Horkheimer M. *Between philosophy and social science: selected early writings*. London: The MIT Press; 1993.
3. Хоркхаймер М, Адорно Т. *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Кузнецова М, переводчик. Москва: Медиум; 1997. Совместно с «Ювента» (Санкт-Петербург).
4. Адорно Т. *Исследование авторитарной личности*. Москва: Серебряные нити; 2001.
5. Адорно Т. *Негативная диалектика*. Москва: Научный мир; 2003.
6. Адорно Т. *Эстетическая теория*. Дранов АВ, переводчик. Москва: Республика; 2001.
7. Маркузе Г. *Критическая теория общества*. Юдин АА, переводчик. Москва: Астрель; 2011.
8. Маркузе Г. *Эрос и цивилизация. Одномерный человек*. Юдин АА, переводчик. Москва: Астрель; 2003.
9. Маркузе Г. *Разум и революция*. Шурбелев АЛ, переводчик. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2000.
10. Мотрошилова НВ. Юрген Хабермас о кризисе Европейского Союза и понятии солидарности (2011–2013 гг.). *Вопросы философии*. 2013;10:22–38.
11. Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Шачин СВ, Скляднев Д, переводчики. Санкт-Петербург: Наука; 2006.
12. Хабермас Ю. *Политические работы*. Скуратов БН, переводчик. Москва: Праксис; 2005.
13. Хабермас Ю. *Проблема легитимации позднего капитализма*. Воропай ЛВ, переводчик. Москва: Праксис; 2010.
14. Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне*. Беляев ММ, Костин КВ, Петренко ЕЛ, Розанов ИВ, Северская ГМ, переводчики. Москва: Весь мир; 2008.
15. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Band 1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 2001.
16. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Band 2. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 2001.
17. Honneth A. *Disrespect. The Normative Foundations of Critical Theory*. Cambridge: Polity Press; 2007.
18. Honneth A. *Freedom's Right: The Social Foundations of Democratic Life*. New York: Columbia University Press; 2015.
19. Honneth A. *Pathologies of reason: on the legacy of critical theory*. New York: Columbia University Press; 2007.
20. Honneth A. *The Critique of Power Reflective Stages in a Critical Social Theory*. Cambridge: The MIT Press; 1991.
21. Honneth A. *The fragmented world of the social: essays in social and political philosophy*. New York: State University of New York press; 1995.
22. Honneth A. *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press; 1995.
23. Forst R. *Contexts of Justice: Political Philosophy beyond Liberalism and Communitarianism*. Los Angeles: University of California Press; 2002.
24. Forst R. First Things First: Redistribution, Recognition and Justification. In: Honneth A. *Critical essays: with a reply by Axel Honneth*. Leiden, Boston: Brill; 2011. p. 303–321.
25. Forst R. *The Right to Justification*. New York: Columbia University Press; 2007.

References

1. Horkheimer M. Traditional and critical theory. In: Horkheimer M. *Critical Theory. Selected Essays*. New York: Continuum; 2002. p. 188–244.
2. Horkheimer M. *Between philosophy and social science: selected early writings*. London: The MIT Press; 1993.
3. Horkheimer M, Adorno TW. *Dialektik der Aufklärung Philosophische Fragmente*. Fischer S, verlag. Frankfurt am Main: GmbH; 1969.
Russian edition: Horkheimer M, Adorno T. *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Кузнецова М, translator. Moscow: Medium; 1997. Co-published by the «Uventa» (Saint Petersburg).
4. Adorno T. *Issledovanie avtoritarnoi lichnosti [The Authoritarian Personality]*. Moscow: Serebranye niti; 2001. Russian.
5. Adorno T. *Negativnaya dialektika [Negative Dialectics]*. Moscow: Nauchnyi mir; 2003. Russian.
6. Adorno TW. *Ästhetische theorie*. Adorno G, Tiedemann R, Herausgeber. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1995.
Russian edition: Adorno T. *Esteticheskaya teoriya*. Dranov AV, translator. Moscow: Respublika; 2001.
7. Marcuse H. *The essential Marcuse*. Boston: Beacon Press; 2007.
Russian edition: Marcuse H. *Kriticheskaya teoriya obshchestva*. Yudin AA, translator. Moscow: Astrel'; 2011.
8. Marcuse H. *Eros and Civilization: a Philosophical Inquiry into Freud*. Boston: Beacon Press; 1974.
Russian edition: Marcuse H. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek*. Yudin AA, translator. Moscow: Astrel'; 2003.
9. Marcuse H. *Reason and revolution. Hegel and the rise of social theory*. London, New York: Oxford University Press; 1941.
Russian edition: Marcuse H. *Razum i revolyutsiya*. Saint Petersburg: Vladimir Dal; 2000.
10. Motroshilova NV. [Jürgen Habermas on the crisis of the European Union and the concept of solidarity (2011–2013)]. *Voprosy filosofii*. 2013;10:22–38. Russian.
11. Habermas J. *Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln (suhrkamp taschenbuch wissenschaft)*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag; 1983.
Russian edition: Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie*. Shachin SV, Skladnev D, translators. Saint Petersburg: Nauka; 2006.
12. Habermas J. *Ausgewählte politische schriften*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1981–1998.
Russian edition: Habermas J. *Politicheskie raboty*. Skuratov BM, translator. Moscow: Praxis; 2005.
13. Habermas J. *Legitimationsprobleme im Spckapitalismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1973.
Russian edition: Habermas J. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma*. Voropai LV, translator. Moscow: Praxis; 2010.

14. Habermas J. *Der philosophische diskurs der modern*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1988.
Russian edition: Habermas J. *Filosofskii diskurs o moderne*. Beliaev MM, Kostin KV, Petrenko EL, Rozanov IV, Severskaya GH, translators. Moscow: Ves' mir; 2008.
15. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Band 1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 2001. German.
16. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Band 2. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 2001. German.
17. Honneth A. *Disrespect. The Normative Foundations of Critical Theory*. Cambridge: Polity Press; 2007.
18. Honneth A. *Freedom's Right: The Social Foundations of Democratic Life*. New York: Columbia University Press; 2015.
19. Honneth A. *Pathologies of reason: on the legacy of critical theory*. New York: Columbia University Press; 2007.
20. Honneth A. *The Critique of Power Reflective Stages in a Critical Social Theory*. Cambridge: The MIT Press; 1991.
21. Honneth A. *The fragmented world of the social: essays in social and political philosophy*. New York: State university of New York press; 1995.
22. Honneth A. *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press; 1995.
23. Forst R. *Contexts of Justice: Political Philosophy beyond Liberalism and Communitarianism*. Los Angeles: University of California Press; 2002.
24. Forst R. First Things First: Redistribution, Recognition and Justification. In: Honneth A. *Critical essays: with a reply by Axel Honneth*. Leiden, Boston: Brill; 2011. p. 303–321.
25. Forst R. *The Right to Justification*. New York: Columbia University Press; 2007.

Статья поступила в редколлегию 20.05.2018.
Received by editorial board 20.05.2018.

УДК 172.15+173.7+782.1

ФИЛОСОФИЯ РОМАНТИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ, ЖЕНСКИЙ ВОПРОС И ОБРАЗОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ НАЦИЙ В XIX В.

К. С. ШАРОВ¹⁾

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
пр. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119991, г. Москва, Россия

Романтическая опера – оперный жанр, появление и развитие которого совпало с процессами выстраивания национальной картины Европы. Связь между творчеством оперных композиторов и деятельностью национальных политических элит в зарождающихся молодых европейских нациях, в первую очередь немецкой и итальянской, не вызывает сомнения. Устанавливается место и роль романтической оперной традиции в формировании гендерных национальных нарративов XIX в., актуальных для создания итальянской и немецкой наций. Впервые исследованы гендерные механизмы социополитического воздействия романтической оперы на европейское общество XIX в. и показано, что невероятный успех романтической оперы как механизма нациостроительства главным образом обусловлен тем обстоятельством, что музыка и истории романтических опер, в отличие от предшествующих жанров, активно использовали гендерную тему и по этой причине были успешно приняты женщинами. Это позволило теоретикам национальных программ и политическим элитам в Италии и Германии, используя романтическую оперу как один из инструментов создания молодых национальных сообществ, активно включать гендерную составляющую в свои программы и таким образом заручаться поддержкой женской части общества наравне с мужской.

Ключевые слова: философия музыки; нация; национализм; гендерный вопрос; символизм.

Образец цитирования:

Шаров КС. Философия романтической оперы, женский вопрос и образование европейских наций в XIX в. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:64–73 (на англ.).

For citation:

Sharov KS. Philosophy of romantic opera, women problem and European nation formation in the XIX century. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:64–73.

Автор:

Константин Сергеевич Шаров – кандидат философских наук; старший преподаватель философского факультета.

Author:

Konstantin S. Sharov, PhD (philosophy); senior lecturer at the faculty of philosophy.
ORCID: 0000-0003-4784-0333
const.sharov@mail.ru

PHILOSOPHY OF ROMANTIC OPERA, WOMEN PROBLEM AND EUROPEAN NATION FORMATION IN THE XIX CENTURY

K. S. SHAROV^a

^aM. V. Lomonosov Moscow State University, 27 Lomonosovsky Avenue, 4 building, Moscow 119991, Russia

Romantic opera is an operatic genre whose emergence and development coincided with the active processes of building a national picture of Europe. The connection between the work of operatic composers and activities of national political elites in the emerging European nations, primarily German and Italian, is known. The purpose of this paper is to find out the role of the Romantic opera tradition in the formation of gender national narratives of the XIX century, specific for the creation of Italian and German nations. In this article, for the first time, the gender mechanisms of socio-political influence of Romantic opera on the European society of the XIX century, is examined. It is showed that the incredible success of Romantic opera as a mechanism of national building can be explained mainly by the fact that music and narrations of Romantic operas, unlike previous genres, significantly utilised the gender theme. For this reason, they were successfully accepted by women. This fact enabled national theoreticians and political elites in Italy and Germany to incorporate the gender dimension into their national programmes using the romantic Opera as a tool for the creation of emerging national communities. The support of the female part of their societies was secured on an equal basis with the male part by the direct influence of Romantic opera on the Italian and German cultures.

Key words: philosophy of music; nation; nationalism; gender problem; symbolism.

Introduction

Romantic opera is an operatic genre whose emergence and development coincided with the active processes of building a national picture of Europe [1, p. 45–46]. A very well known example of nationalist usage of Romantic opera genre is the performance of D. F. E. Auber's opera «The dumb lady from Portici» [2, p. 46]. On the other hand, German conductor and scholar Hermann Dechant emphasises that Romantic operas began to exploit the gender theme [3, p. 103].

Theodor Adorno points out that Giuseppe Verdi composed his *Attila*, *Nabucco* and *Ernani* as symbols of the freedom so necessary to the Italian people, but he could not foresee that his operatic works would become the cultural basis of the whole programme of Italian national identification of the mid-XIX century [4, p. 35].

Adorno demonstrates the correspondence of Romanticism with national ideology demands: «The music of Romanticism has turned into a political ideology since the mid-XIX century due to the fact that it brought national features to the fore scene, acted as a representative of a nation and affirmed the *national* <my stress> principle everywhere» [5, p. 143]. At the first glance, the surprising and inexplicable coincidence of the abrupt change in the periods of Classicism and Romanticism in all arts, including music, with the beginning of the era of national construction and the surge of European nationalist programmes, has been attracting the attention of public thought for a long time. Romantic philosopher Johann Gottfried Herder was inclined to attribute some sacred meaning to this «supernatural» circumstance [6], and Italian intellectual Mazzini saw it as a very timely and useful social coincidence [7, p. 39–40]. However, both of them seem

to agree with each other that the transition from the Classical to the Romantic era in culture, made it possible to carry out and theoretically justify the struggle for national independence. Otto Bauer noted that thinkers of the Romantic period were generally inclined to see a possibility of the origin of «national spirit» in the global cultural paradigms change; and this «spirit» later allegedly began to control all of the rights, actions and destinies of the people [8, p. 56–58].

The purpose of my paper is to find out the possibilities of musical genre of grand Romantic opera and the peculiarities of its use by Romanticist composers for the creation of national gender narratives; we shall make it on the basis of musicological analysis of a set of Italian and German Romantic operas.

Since human societies began to show tendencies to principal (kinship, national, ethnic, etc.) self-identification in the differentiating world, the representation of position of women, and also the rituals connected with marriage, birth and death, began to occupy a special place in scenic music performances in the first half of the XIX century [9, p. 105].

The processes of national identification and constructing national world are no exception, despite the fact that early gender studies seemed to have little interest in the problems of ethnic and national identification [10, p. 373]. None the less, even in a book of classical pioneer of gender studies Simon de Beauvoir, it is noted that the role of women as intermediaries between nature and culture and, accordingly, as objects of desire and fear, aspiration and repulsion, is very important; and the importance of the gender aspect in the formation of ethnic and national identities, should be recognised [11, p. 306–314]. The field of

«gender-nation» affects a huge number of socio-cultural factors, thereby becoming one of the most attractive, appealing and persistent narratives of cultural national identification and, at the same time, one of the most effective means of influencing the social consciousness designed to become national [12, p. 62].

The main reason for this was indicated by Claude Lévi-Strauss in his «Elementary structures of kinship»: «The female sex... is a cultural-symbolic “board” on which a society writes a set of principles of their moral code» [13, p. 388]. The national concept as a direct social embodiment of such principles, is thus becoming inseparably connected with gender issues.

Musical works whose creation had a social goal of building national communities, very often (e. g., in the tradition of Wagnerism) actively involved:

- 1) the gender factor;
- 2) use of the philosophical principles of gender theories.

Various eras of music development, reflecting the respective periods in the development of national identities, influenced the development of gender themes using the apparatus of musical expression. Classicism (the era before active national construction) pays almost no attention to gender issues, except Gluck's operas *Orphée et Eurydice*, *Iphigénie en Aulide* and Mozart's *Così fan tutte* – but in these operas the female moment and national idea are connected very

loosely and indirectly [14, p. 204]. Romanticism superseded Classicism; coinciding with the period of building a national picture of Europe and the two Americas, it demonstrates a significant shift in the global paradigm of gender relations. From the periphery of the ethnic musical culture, in the era of Romanticism, gender is becoming one of the main topics of discourse within the national culture [15, p. 30].

Romanticism, first of all, put the musical culture of those national groups to the first plan that were remaining in a lagging position in relation to the nations already formed by the beginning of the XIX century, namely the nations of the Italians and Germans [16, p. 58–60]. The first example of using a Romantic opera for national construction was creating Belgian nation in 1830 with the strong cultural support created by Auber's opera *La muette de Portici* («The dumb lady from Portici»)¹. Therefore, the main musical traditions that assisted in the national construction, were the Romantic Italian and German operas [17, p. 84]. These musical trends (Italian and German Romantic operas) represent a frame of reference in which other Romantic operatic traditions find their place in the mid-XIX century, and which has the creation of a nation as its immediate objective. Each of these music schools important for national identification, has created its own vision of the dialogue «gender-nation»; now we shall discuss them in details.

Methodology / theoretical foundations

The methodology used in the work includes the musicological method, technique of historical reconstruction, psychoanalytic approach, structuralist procedure of analysis of historical narrative and communication, semiotic means of cultural symbols analysis, method of abstraction, philosophical method of analysis and synthesis.

The great romantic opera is a bright example of musical genres which were instruments of the implementation of national identification strategies. One of the main approaches was the creation of gender national narratives, and their coining in the mass consciousness as cultural stereotypes. Italian and German romantic operas of the XIX century analysed in the article, are cultural means of narrating national gender stories that delimited one national community from another.

The field of gender which includes narratives of love, intimacy, family, home life, household things,

childhood and motherhood, allowed many romantic composers, first of all, Rossini, Bellini, Donizetti, Verdi, Weber, Wagner to include women along with men into their social and political programmes of national identification, and to speak in a verbal and musical language understandable to women sometimes even to a larger extent than men.

The paper fixes and examines three distinct types of creating gender national narratives within large romantic operatic genre of the XIX century, and emphasises that the programmes of national identification in Germany and Italy in the XIX century were elaborated as feminine social and cultural projects as well as masculine ones and thus provided an extremely broad public support for those national elites who led the process of national construction in these countries.

Results and discussion

Italian model of gender national space created within Romantic opera. The traditional development of the national ideology of home, family, and marriage, is reflected in the tradition of Italian Romantic opera in detail. However, this trend of musical art does not usually go beyond the idealisation of the female ab-

stract image as some ethnosymbolic primordial thing frozen in its unattainable greatness, and acting not as a direct participant in the creation of a nation but rather as an invaluable reward to a male patriot. A woman in operatic works of Rossini, Bellini, Donizetti and early Verdi is drawn, first, as a biological reproducer of the

¹Auber D.-F.-E. *La muette de Portici*. Leipzig : H. A. Probst, n. d. 208 p.

members of the national community, second, as a re-producer of national borders, and third, as a symbolic Keeper of identity and honour of the national community. The Romantic Italian operatic interpretation of gender is consistent with the basic nationalist idea of «house». According to it, in a household, gender relations represent the fundamental ideological «essence» of the national culture; this essence should be considered as an intergenerational way of life including such moments as private (family) and public (inter-family) but not as an aggregate of legal, economic, political, and other social relations [18, p. 43].

American researcher Peter Stamatov calls the creation of the national communicative space in Verdi's operas «interpretive activism» [19, p. 345–346]. However, we are to clarify that the Italian opera depicts hegemonic nationalist symbols and narratives that proclaim a *man* a true Creator of the Italian nation, and a woman just a carrier of national «purity». Italian female characters of operas persuade men to sacrifice themselves for these women and their children so that these women could pronounce worthy eulogies in honour of the dead. Moreover, the destinies of women themselves as a part of the national narrative, are coloured by very dark and pessimistic tinctures.

Almost always in a tragic Italian opera, the main heroines go crazy or die, which should emphasise the «sublime» national gender qualities: vulnerability, fragility, frailty and general weakness of women. Donizetti's *Anna Bolena* and *Lucia di Lammermoor*² main female characters and Imogena from Bellini's *Il pirata*³, all become mad within operatic timeline due to their grief and sufferings, hence they must cause compassion as gentle and loving women, meek mothers, fallen victims of jealousy and abuse [20]. In *Lucia*, the solo clarinet melody is a symbol of a mad operatic heroine that is an innocent victim of the whole opera's narration. In *Il pirata*, Imogena's aria is by far regarded as a symbol of meek, mild, gentle, frail and tractable Italian women got mad due to their tremendous sufferings. The solo part is performed by an English horn.

The initial national identity of an heroine of an Italian opera was always overwritten by new Italian identity acquired by this heroine via her new Italian name. Thus, Lucy of Lammermoor became Lucia di Lammermoor; Anne Boleyn transformed to Anna Bolena; Mary Stuart changed to Maria Stuarda. In a similar way, Gaul druid priestess received traditional Italian name Norma in the renowned Bellini's opera *Norma*. Moreover, Gioacchino Rossini tended to give Italian names to Oriental heroes, e. g. Mustafa in *L'Italiana in Algeri* receives «honourable» title *pappataci* which initially had no linguistic meaning but sounded quite Italian; later in the opera, this word was given a meaning of an utmost dolt.

Although the Italian opera often portrays an Italian woman as a really weak creature not inclined to participation in politics, this creature is greatly idolised in the Romantic opera. The symbolic amount of feminine power remains the same: what a woman loses in the social space, she acquires in the psychological scope.

The pinnacle of the gender interpretation in the national Italian concept is equalising a woman with a deity that can (and very often must) completely substitute the faith in God in the heart of a man, and replace it with an idolatrous symbolic worship of an eternal womanhood. This is confirmed by the finales of many Italian operas where the main character finds himself in a situation of moral duty to commit suicide after the death of his beloved/bride/wife. The suicide in the name of the beloved woman, either as a response to her death, or as a reluctance to belong to another, is considered as a truly laudable act when it is understood as a national feature. The suicidal actions of Romeo (*I Capuletti ed I Montecchi*), Edgardo (*Lucia di Lammermoor*) and Manrico (*Il trovatore*) that at all times were considered as the utmost sin, in the narratives of these operas became a monument erected in honour of the Italian nation; these actions drown in the glitter and radiance of the eternal greatness and forgiveness in the name of passionate feelings for a woman and love for the nation.

The Romantic Italian opera gives us an example of an «idealising» gender tradition in music. Despite the serious ideological successes of such national approach compared to the pre-national era of national Italian political movements, it is still an extensive path of evolution of gender relations in national programmes. In the Italian tradition, a woman does not become a symbol of a national leader nor an individual with an access to the creation of national political programmes or cultural strategies.

In the name of the proper social order, in the musical culture of Italy, male national designers sent women out from public life where these women had previously partly entered during Napoléonic wars, back to the private sphere as the wives of patriots and mothers of citizens, as advised J.-J. Rousseau [21, p. 93]. The main nationalist theorist of Italian *Risorgimento* Giuseppe Mazzini fully approved such gender structure of the emerging national musical art [22, p. 128]. Joan Landes notes that Mazzini used the image of a patriarchal family with a severe father as its head, as a natural unit to maintain the legitimacy of a fraternal nation state, and gave a clear preference to a male citizen as an active and militant patriot. Having admired the operatic masterpieces of Rossini, Bellini, Donizetti and Verdi, Mazzini recognised that their main function in relation to women was to draw the symbolic boundaries

²Donizetti G. Lucia di Lammermoor. Dramma tragico in tre atti di Salvatore Cammarano. Milano : G. Ricordi, n. d. p. 141.

³Bellini V. Il pirata. A melodrama in 2 acts with Italian text. Calmus Vocal Scores 9401. Melville : Belwin Mills, n. d. p. 212.

between the public and private spheres, which should remain insurmountable for women [23, p. 89].

«Gender – nation» concept in C. M. von Weber's German Romantic operas. A completely different approach is built in the German Romantic opera and, namely, works of one of its main representatives, Baron Carl Maria von Weber. His first major operatic chef d'œuvre *Der Freischütz* has already incorporated the gender ideas that would later lead Richard Wagner to create a true full-fledged gender national space in the Romantic opera.

The main female character Agathe not only does not require any worship or death in her honour but she is desirous to sacrifice her own social position, peace of mind and, perhaps, even her life for the sake of the main male character of the opera, her beloved and betrothed Max. Agathe is a transitional link between the Italian women clothed in an halo of weakness, and Wagnerian women unattainable in their strength and courage. Agathe has not yet challenged the social order of the nation being formed, the order which is subject to the principles of male hegemony, but has already expressed public condemnation of this state of affairs. It is Agathe who acts as a logical female antipode to the absurd cultural tradition depicted in the opera, that forced a woman to marry a winner of a shooting competition, a custom that really existed in many German lands for more than seven centuries, as noted by Friedrich Kind, the author of *Der Freischütz* libretto⁴.

In the grand aria of his heroine from the second act *Leise, leise, fromme Weise* («Peaceful, peaceful saint melody»)⁵, Weber stresses the urgent need for a gender consensus, equality and dialogue in the German national state. The tranquility and stability heard in the melody are opposed by Weber to Max's aria from act 1. Listening to this aria, we can guess why Agathe has some suspicion in Max behaviour; it is a symbolic reply to Max's aria *Durch die Wälder, durch die Auen* («Through the woods, through the fields») from the first act⁶. In Max's aria, we can see how evil spirit Samiel's diminished seventh chord with timpani in A strokes leitmotif is intruding the musical fabric of the aria during Max's words *Hat den der Himmel mich verlassen?* («But did not Heaven abandon me?»). But at the beginning of *Andante con moto*, the light major melody of the aria is returning with the staccato of flutes and oboes.

In the new German national state, according to the composer, unlike the dispersed German ethnic groups of the former centuries, the principles of national equality should be fully distributed between the two sexes; and the formation of national culture is entrusted to the women to the equal extent as to the men. Agathe's aria

is calm and bright at the beginning, whilst it expresses true and strong happiness at its *E-dur* ending. Max's aria is quite opposite: it is fragmentary, with different changes of mood and gloomy insertions of Samiel's appearances with his renowned leitmotif of several timpani's strokes on the background of diminished seventh chord. The narration of female strength is opposed in the opera to the story of male indistinctness; in the new national project, according to Weber, the female narrative should be heard and got used of [5].

The fact that Agathe is expressed in the opera as a dramatic and serious heroine of a future national narrative, is additionally stressed by the presence her young friend Ännchen. In Ännchen's operatic cues, there are incessant signals of playfulness and comic elements, behind which there is an hidden idea of women's leadership in the establishment of a national matrimonial programmes. It is so skillfully masked by Weber in a cheerful arietta *Komm ein schlanker Bursch gegangen*⁷, as well as a number of other numbers of the opera, that, of course, none of the Saxon Royal censors understood the implicit meaning of the Ännchen's song: it was an acquaintance of a city boy and village girl that transformed into a gender national dialogue urgently needed in the German society. Moreover, the very name of Ännchen, the diminutive version of Anne, is an obvious Weber's gender defiance to the old German cultural traditions; earlier it was impossible to name an operatic heroine by her diminutive name, especially in the operatic agenda [5, p. 55]. The national cultural programme of *Der Freischütz* is thus largely expressed by means of the refractive prism of the social role of women in the new German national world.

Weber's last opera *Euryanthe* provides one of the most outstanding examples of musical gender narrative of the Romantic era. *Euryanthe* is one of the best German Romantic operas, it is an opera with the most subtle and elegant elaboration of the musical fabric [5]. However, just after the premiere it immediately ceased to attract the affection of the German and Austrian public and was soon excluded from the repertoire. One of the reasons of this was the general public's reluctance to recognise the legal rights of women in the new German national state being formed. As a result, the fate of *Euryanthe* remained pretty sad up to the open recognition of its undeniable merits by Wagner and Liszt, who gave it a clear preference to *Der Freischütz*, and *Oberon*; it was because of the Weber's development of the gender problem [24, p. 253]. Under the Weber's hand, heroine Euryanthe not only acquires the features of a female German patriot herself, although she is called «of the Savoy» (it would have been really absurd to place the opera's action in Germany and

⁴Kind F. *Der Freischütz und andere Werke*. Leipzig : Göschensche Verlagshandlung, 1843. S. 24.

⁵Weber C. M. *Der Freischütz*. Romantische Oper in drei Aufzügen. Dichtung von Fr. Kind. Wolfenbüttel : Verlag von Dolle, n. d. S. 37.

⁶Ibid. S. 23.

⁷Ibid. S. 33–36.

name the character, for example, «of the Saxon», given the utmost patriarchal ethnic specificity of the German States in the post-Napoléonic era). Through her sufferings, humiliation, and deprivation of civil rights caused by men, the main heroine is portrayed as a pure and decent embodiment of the construction of national legal relations, the legitimation of women's rights in the social institutions of family and marriage.

In this context, her husband count Adolar, a «positive hero», represents no less social injustice than «villainous» seducer and wanton count Lysiart. Through the prism of gender relations, the image of Lysiart becomes even more positively coloured than that of Adolar: starting with the desire to seduce and thereby permanently discredit Euryanthe, the former ends in love for her, while the latter, despite his ardent romantic feelings, condemns Euryanthe to death. With this play of operatic images in *Euryanthe*, Weber and his librettist female counterparty Wilhelmine von Chézy embody the idea of the urgent need to understand the inequality of the gender roles and possibilities in German national culture; and, consequently, to review the role of women in a purely masculine nationalist project: what was a rule for different dispersed German ethnic groups, should have been re-considered in the new unified German national project.

Euryanthe's kind and forgiving attitude towards her husband crowns the gender theme of the opera; and this theme was so successfully implemented as a cultural programme not only thanks to Weber, but also thanks to the librettist, German poet Wilhelmine Christiane von Chézy who was the first woman in German poetry to develop the «women's question». It was she who insisted on including the aria *Zu ihm!*⁸ in the opera, the symbol of female forgiveness, which was the direct source for Wagner's *Zu ihr!* in his *Tannhäuser*⁹. Euryanthe's aria is a cultural symbol of female forgiveness granted to any male's injustice on her part. Here Euryanthe is eager to forgive her husband Adolar completely who condemned her to a solitary death of starvation and wild animals in the wilderness. The phrase of *Tannhäuser* *Zu ihr!* («To her [Elisabeth]!») from the dialogue of *Tannhäuser* with the minstrels from the 1st act of Wagner's *Tannhäuser* is an illustration of male passionate feeling for home, nation and Fatherland. Wagner recognised that his musical phrase *Zu ihr!* was inspired by Weber's idea of *Zu ihm!*

In addition, Mme von Chézy clearly articulated a comprehensive gender principle in the first verses of *Euryanthe* (in No. 1, the words of women are «long live peace and order!»; they are almost completely identical to the words of the male knights «long live the women!»); thus the librettist summarised the development of gender themes in German Romantic opera of the first quarter of the XIX century.

Semantics of Wagner's representation of gender in the German national context. Finally, in his national concept, Richard Wagner created a new, complete and the most convincing version of the gender national narrative within Romantic operatic tradition.

All Wagner's great works from *Der Fliegende Holländer* to *Der Ring* tetralogy are building a mosaic in the gender field of fragments exactly matching each other, forming a gender cultural structure, encompassing almost all the arts and areas of socio-cultural activities. Wagner drew our attention to the key idea: a nation cannot be created at all without the equal participation of women along with men; and the very nature of cultural national projects should be directly connected with the gender equality.

Before Wagner, in many cultures, there was a symbolic relationship between the figure of mother and the concept of ethnic Fatherland which gave rise to such cultural symbols as «Mother Russia», «Mother Ireland», etc. Wagner created a different gender symbolic construction, namely «nation – wife», most often manifested in his own works in the form of a symbolic pair «Germany – lover». Here, the composer drew a brilliant parallel between the essence of marriage and the transformation of the ethnic group into a nation: when a man is leaving his parents, his entire new nature connects with his wife, and when a citizen is leaving dispersed ethnoses, he must fully bind himself to the ideology of the nation being formed [25, p. 331].

Thus, even the external features of national development receive gender symbolisation on Wagner's part. Therefore, the female images in his operas are created within the narrative of the unconditional superiority of women over men in almost all social spheres, including in the sphere of national identification. The disclosure of the theme of gender national space occupies an important place in almost every Wagner's opera.

Now we shall investigate the development of gender national topic in Wagner's operas on the basis of opera *Der Fliegende Holländer* («The Flying Dutchman»).

Senta, the main opera's heroine, is inseparable from the Dutchman's 400-year old dream of *Heimatland*, the concept used by Wagner in *Der Fliegende Holländer* in the sense of (1) national Fatherland as well; (2) national citizenship.

The *ethnicity* of the Hollander may be analytically derived from his name, but the captain could not belong to any *nation* by virtue of his plight. It reveals the deep implicit meaning of the opera: a person cannot exist without voluntary national self-identification so as not to condemn himself to the eternal suffering similar to the suffering of the Dutchman. Cosmopolitanism is an obvious evil for Wagner. This national identification, in turn, becomes possible only through the

⁸Weber C. M. *Euryanthe*. Leipzig : C. F. Peters, 1871. S. 129–130.

⁹Wagner R. *Tannhäuser*. Romantische Oper in drei Akten. Dresden : C. F. Meser, 1846. S. 69–70.

involvement of men in the system of women's symbolic power and through this power in national cultural strategies.

The torments of the Dutchman are beyond any description; Wagner created the image an eternal wanderer (seafarer) who is doomed not to be socialised until the end of the time because of the absence of a woman who would love him and give him the home, nation and Fatherland.

Let us remember the musical passage, when after another seven years of wandering in the seas, the Dutchman is descending to the land from his ship, the passage at the beginning of the famous Hollander's aria, where two French horns with two bassoons perform Hollander wanderings' leitmotif: only two notes on the background of decreasing harmonies of trombones and strings. The scene where the Hollander is descending to the land from his ship after another seven years of torments in the seas. We may see the Hollander wanderings' leitmotif performed by two French horns and two bassoons and consisting of two notes *g – fis* on the background of trombones and strings harmonies¹⁰. Do not you hear in these two notes the incredible sadness and melancholy, reproducing the constancy of the Dutchman grievous wanderings? Just two notes, but what hopelessness we are facing!¹¹

For the Dutchman, Senta's love for him is no longer just the satisfaction of his egoism, but an urgent need; without her love, he would not be able to live. In a symbolic way, Wagner describes this as the Dutchman's decision to go to the sea forever after Senta's unfaithfulness disclosure; and forget about God's forgiveness forever, never meet death and thus repulse any possibility of liberation from his acute sufferings. It is important that in the opera dissimilar with the legend, the Captain's meeting Senta is his last chance. Wagner argues that in a broader sense, for the nation to be healthy, for every man there should be only one woman as well as for every woman only one man; the mere question is whether they will meet and understand each other, join their lives or will have to suffer far from each other [25].

Senta's character symbolises the female willingness to help a man to socialise and fully self-identify as a member of a national community. Her feeling for the Dutchman is extremely symbolic and does not look like an ordinary love or passion. How can she love a Dutchman if she saw him a few minutes ago for the first time in her life? It is no coincidence that Wagner says about the fact that Senta «loved» the Dutchman during all her life on the basis of a sooted picture of the legendary Seafarer hanging on a wall. Thus, Wag-

ner reproduces Lacanian triple psychological structure [26, p. 132–135]:

1) a portrait of the Dutchman as the Lacanian Symbolic awakens Senta's truly female nature;

2) Senta's and Dutchman's first meeting occurred as the Lacanian Imaginary of the Dutchman; it conveys his willingness to obey Senta, to receive her gift of an ordinary earthly life and death, to get rid of the hell of immortality in the ocean;

3) the dramatic opera's ending as the Lacanian Real speaks of a paradoxical resolution of the conflict between Senta and the Dutchman; Senta's suicide emphasises her loyalty to the Dutchman *zum Tod*, «to the end», the loyalty which she swore to him at their betrothal. This makes the Dutchman's salvation possible.

Senta has her own fiancé before meeting the Dutchman, hunter Eric, whose figure is important in the opera. Eric reproduces the object of egoistic female love: Senta knows that he does not seek to submit to her power and love her to the oblivion of himself, in life and death, as it would do the Hollander. This notwithstanding, Wagner does not reduce Senta's choice just to flirtation and play with the hearts of men, as well as to any mercantile considerations. If she cared just for material welfare, she would be obviously guided not by thoughts of sacrifice to the suffering man, but would follow her father's advice, agreeing to «make love» for the Dutchman as disguise, but really to take possession of his immense treasures. Senta's choice was clearly predetermined in advance; in this regard, it was not a real choice, but it a priori contained death as a willingness to sacrifice herself for the man. Senta wanted to be for a beloved man nothing but a guide, a governor; in her love and offering of woman's power she manifests her desire to sacrifice her life stability, but to achieve full self-identification of the Dutchman.

When Senta points Erik to the portrait of the Dutchman in Act 2, she says:

*Fühlst du den Schmerz, den tiefen Gram,
mit dem herab auf mich er sieht?
Ach, was die Ruhe für ewig ihm nahm,
wie schneidend Weh' durch's Herz mir zieht!*¹²

*(Do you feel the grief, the deep sorrow,
with which he looks down at me?
Ah, how that which deprived him of peace for ever
sends a pang of woe through my heart!)*¹³

So, we face Senta's desire to be understood by the man whom she has not known yet but meeting with whom she is anticipating.

¹⁰Wagner R. Tannhäuser. Romantische Oper in drei Akten. Dresden : C. F. Meser, 1846. S. 76.

¹¹Ibid. S. 76.

¹²Wagner R. Der Fliegende Holländer [Electronic resource]. URL: http://www.impresario.ch/libretto/libwagfli_e.htm (date of access: 12.06.2018).

¹³Wagner R. The Flying Dutchman [Electronic resource]. URL: <http://www.opera-guide.ch/opera.php?id=409&uilang=de> (date of access: 14.06.2018).

The Dutchman is the cultural image of a man who gives himself into the hands of his beloved who, by including him in the system of her symbolic power, would make him a full participant in the symbolic exchange of national narrative. His submission to Senta is absolute; watching her with Erik, the Hollander founds himself before a choice: to leave Senta, i. e. to abandon his last hope of salvation in the name of absolute passionate attachment to her, or to inflict curse and death upon her, giving himself another opportunity of salvation which may be realised in the next seven years.

If he is saved, she will inevitably be cursed: all the women who swore allegiance to him and violated their oath, died in torments and were condemned to hell; and he has no doubt that the one for whom he was going to live, would also die. The Dutchman makes his choice:

*Wohl hast du Treue mir gelobt, doch vor dem Ewigen noch nicht; dies rettet dich! Denn wiss', Unsel'ge, welches das Geschick, das jene trifft, die mir die Treue brechen: ew'ge Verdammnis ist ihr Los! Zahllose Opfer fielen diesem Spruch durch mich! du aber sollst gerettet sein! Leb' wohl! Bahr' him, mein Heil, in Ewigkeit!*¹⁴

*(You plighted your troth to me, but not before Almighty God: this saves you! For know, unhappy maid, what is the fate awaiting those who break their vow to me: eternal damnation is their lot! Countless victims have suffered this sentence through me; but you shall escape. Farewell! All hope be lost for ever!)*¹⁵

So, despite Senta swore allegiance to the Hollander, he releases her oath. With the loss of his betrothed bride, he loses his national identification in project and new Fatherland. This is the ideal of man's love, love-in-obedience to the beloved, love for which one can agree to refuse his national identification; a sign of complete subordination of man, the willingness to give up his Ego in the name of the Super-Ego to be built by a woman within his project.

Wagner told Liszt and his other friends about the figure of the Dutchman that the characteristic of a man in its very general meaning is a passionate desire for peace, peace of the national determination given by a woman, his mother or wife, covering the soul among everyday adversities. But at the same time, a part of the man disappears, and maybe all the man, the willing-

ness to connect himself with the woman gives nation and home, but takes away his freedom, and changes his psychics [27, p. 87]. Wagner finds the expression of this male desire for national identification and home in the legend of Odysseus who for many years wandered through the seas, sighing at his people, his homeland and his faithful Penelope [27, p. 88]. In this context, it is significant to recall the words of the Dutchman at the end of his famous aria in the first act: *Ihr Welten, endet eure Lauf! Ew'ge Vernichtung, nimm mich auf!*¹⁶ I am specifically citing the words in German because of the ambiguity of an English translation. We may say: «Society (you people), leave your laughter! Eternal Nothing, devour me, take me away from here!» But it can also be translated as «You, the worlds», «You, the planets», «You, all the things», «You, being», «You, life», etc. The Dutchman wants to meet his death, his life without the end is much worse; but he understands that death is impossible without dedication to a woman and new home, new Fatherland, new nation.

The music of the finale of the Dutchman aria from the first act conveys the described meaning even better than the words.

With the words *Ihr Welten, endet eure Lauf*, i.e. in the exposition of the phrase which carries only the horror of aimless wandering through life, life without end (in *stringendo*), chromatically increasing in each measure sharp passages of the strings say that the denouement is close: either the final defeat of the man as a social being without nation, or the final victory and receiving a national identity. At the word *nimm* that precedes the resolution of a musical phrase, we see the diminished seventh chord *h-d-f-as*, which as any diminished seventh chord sounds ominous in itself, regardless of the melody. Finally, we face the resolved finale that is clear and positive: the *c-moll* aria ends in *C-dur* chord: *E flat* turns into *E*.

Let us pay attention, in the vocal part of the Dutchman, the last note is not *C*, i.e. the basis of the tonic chord, but this *E*, the third step of the new *C* major tonality! So, the dark aria ends with a light chord: this is a prototype of the fact that the possibility of a dark life of a cosmopolite man without nation should give way to the reality of a light new national existence received with the aid of a woman and family.

After the last chord of the aria itself, the leitmotif of the ship (flute, piccolo, trumpet in F and cello) sounds for the last time very loudly in the subdominant *F-dur*, it hints that the wandering terrible past of the Dutchman will not come back again¹⁷; and in this case, the Dutchman will lose a part of his Ego (symbolic death of the Hollander at the land with new nation and family

¹⁴Wagner R. Der Fliegende Holländer [Electronic resource]. URL: http://www.impresario.ch/libretto/libwagfli_e.htm (date of access: 12.06.2018).

¹⁵Wagner R. The Flying Dutchman [Electronic resource]. URL: <http://www.opera-guide.ch/opera.php?id=409&uilang=de> (date of access: 14.06.2018).

¹⁶Wagner R. Tannhäuser. Romantische Oper in drei Akten. Dresden : C. F. Meser, 1846. S. 96.

¹⁷Ibid. S. 97.

instead of his symbolic immortality at the sea, i. e. in the situation of his cosmopolitanism) due to his national super motivation. And then, once again we hear the ship leitmotif resolution into the *C-dur* chord of the full orchestra.

Then the Hollander's phrase is repeated *piano* in *E-dur* by all of his men-sailors; this reflects the transition from the reality of the individual psychics to the social national reality. In four bars, the passages of the violins again turn into *c-moll*, the main tonality of Hollander's aria; this reflects some sadness over lost opportunities of a man without family and national iden-

tification. At least, there are the final barely audible timpani tremolo at the first step of the tonic and the leitmotif of the ship (*ritenuto*) performed by a natural trumpet in *C*, but, which is very significant, without the third step *E flat*. So, the ending of the whole operatic number is light and positive.

In a series of Wagner's works, Senta is the first woman to sacrifice herself to the man and the nation that the Dutchman receives only with Senta's death: when Senta plunges into the sea, she clearly sees that his salvation is in obtaining his new national identity by him, and this salvation is impossible without her sacrifice.

Conclusion

The female question began to be seriously regarded and practically addressed only in the 1920-1930s when the Romantic and Postromantic musical traditions that led to the development of European national communities, had been basically formed. However, this problem first became extremely important and actual in the middle of the XIX century, at the time of the greatest rise of national consciousness of the Italians and Germans.

The classic example of the ultimate success of the use of Romantic opera for the national identity programme is Auber's *La muette de Portici* that on 25 August 1830 led to the formation of the new Belgian nation. While recognising this example as indisputable and relevant, this article focuses on the less obvious traditions of Romantic opera which demonstrated no less impressive results: Italian Romantic opera (Rossini, Bellini, Donizetti, Verdi) and German Romantic

opera in the traditions of C. M. von Weber and R. Wagner. In the article, the close attention is paid to the analysis of operas *I Capuletti ed I Montecchi*, *Il pirata*, *Anna Bolena*, *Lucia di Lammermoor*, *Maria Stuarda*, *Attila*, *Nabucco*, *Ernani*, *Il trovatore*, *Tannhäuser* and especially, *Der Freischütz*, *Euryanthe*, and *Der Fliegende Holländer*.

Romantic operas addressed emotional sphere much more than rational; for this reason they were greatly accepted and understood by women. These women became active in the processes of nation building inspired by political elites. Using Romantic operas as one of the cultural mechanisms of national construction, politicians and national theoreticians of emerging nations in the mid-XIX century, namely German and Italian nations, were able to include women in the processes of nation formation along with men, thus making their political strategies more effective in the society.

Библиографические ссылки

1. Шаров КС. Симуляция-игра отличительных национальных признаков в музыке. *Вопросы философии*. 2006; 7:45–56.
2. Slatin S. Opera and Revolution: La Muette de Portici and the Belgian Revolution of 1830 Revisited. *Journal of Musicological Research*. 1979;3:45–62. DOI: 10.1080/01411897908574506
3. Dechant H. *Dirigieren: Zur Theorie und Praxis der Musikinterpretation*. Wien: Herder; 1985. 448 S.
4. Adorno ThW. On the Problem of Musical Analysis. *Music Analysis*. 1982;1(2):32–45. DOI: 10.2307/854127
5. Adorno ThW. *Introduction to the sociology of music*. San Francisco: Continuum; 1997. 192 p.
6. Herder J. G. *On World History*. London: M. E. Sharpe; 1997. 318 p.
7. Актон Л. Принцип национального самоопределения. В: Актон Л, Бауэр О, Хрох М, Геллнер Э, Бройи Дж, Смит ЭД, и др. *Нации и национализм*. Переяславцева ЛЕ, Панин МС, Гнедовский МБ, переводчики. Москва: Праксис; 2002. с. 26–51.
8. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. В: Актон Л, Бауэр О, Хрох М, Геллнер Э, Бройи Дж, Смит ЭД, и др. *Нации и национализм*. Переяславцева ЛЕ, Панин МС, Гнедовский МБ, переводчики. Москва: Праксис; 2002. с. 52–120.
9. Benhabib S. *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Princeton: Princeton university press; 2002. 216 p.
10. Смит ЭД. Национализм и модернизм. Смирнов А, переводчик. Москва: Праксис; 2004. 466 с.
11. de Beauvoir S. *Le Deuxième Sexe*. Paris: Editions Gallimard; 1949. 395 p.
12. Smith AD. *National Identity*. Harmondsworth: Penguin; 1991. 226 p.
13. Lévi-Strauss C. *Elementary Structures of Kinship*. New York: Beacon Press; 1969. 541 p.
14. Stumpfl R. *Kultspiele der Germanen als Ursprung des Mittelalterlichen Dramas*. Berlin: Junker und Dünnhaupt; 1936. 448 S.
15. Boorstin DJ. *The Americans: the national experience*. New York: Random House; 1966. 517 p.
16. Шаров КС. Изобретение национальных традиций классическими композиторами XIX века. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2005;4:58–75.

17. Magee B. *Aspects of Wagner*. Oxford: Oxford university press; 1988. 102 p.
18. Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London: Sage; 1997. 157 p.
19. Stamatov P. Interpretive activism and the political uses of Verdi's operas in the 1840s. *American Sociological Review*. 2002;67(3):345–366.
20. Симон ХВ. *Сто великих опер*. Москва: Крон-Пресс; 1998. 864 с.
21. Sluga G. Identity, gender and the history of European nations and nationalisms. In: *Nations and Nationalism*. 1998;4(1):87–111. DOI: 10.1111/j.1354-5078.1998.00087.x
22. Стасов ВВ. *Статьи по музыке*. Москва: Музыкальная литература; 1974. 435 с.
23. Landes J. *Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution*. Ithaca: Cornell University Press; 1988. 296 p.
24. Warrack J. *Carl Maria von Weber*. London: Hamish Hamilton; 1968. 377 p.
25. Wagner R. *Art and Politics*. Lincoln: University of Nebraska Press; 1996. 376 p.
26. Lacan J. *Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis*. New York: Norton; 1998. 304 p.
27. Wagner R. *Opera and Drama*. Lincoln: University of Nebraska Press; 1995. 288 p.

References

1. Sharov KS. [Simulation-game of distinct national features in music]. *Voprosy filosofii*. 2006;7:45–56. Russian.
2. Slatin S. Opera and Revolution: la Muette de Portici and the Belgian Revolution of 1830 Revisited. *Journal of Musicological Research*. 1979;3:45–62. DOI: 10.1080/01411897908574506.
3. Dechant H. *Dirigieren: Zur Theorie und Praxis der Musikinterpretation*. Wien: Herder; 1985. 448 S. German.
4. Adorno ThW. On the Problem of musical analysis. *Music Analysis*. 1982;1(2):32–45. DOI: 10.2307/854127
5. Adorno ThW. *Introduction to the sociology of music*. San Francisco: Continuum; 1997. 192 p.
6. Herder J. G. *On World History*. London: M. E. Sharpe; 1997. 318 p.
7. Acton J, baron. [The Principle of national self-identification]. In: Acton J, Bauer O, Hroch M, Gellner E, Broyi J, Smith A, et al. *Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]*. Pereyaslavtseva LE, Panin MS, Gredovskii MB, translators. Moscow: Praksis; 2002. p. 26–51. Russian.
8. Bauer O. [National problem and social democracy] In: Acton J, Bauer O, Hroch M, Gellner E, Broyi J, Smith A, et al. *Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]*. Pereyaslavtseva LE, Panin MS, Gredovskii MB, translators. Moscow: Praksis; 2002. p. 52–120. Russian.
9. Benhabib S. *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Princeton: Princeton university press; 2002. 216 p.
10. Smith AD. *Natsionalizm I modernism [Nationalism and Modernity]*. Smirnov A, translator. Moscow: Praksis; 2004. 466 p. Russian.
11. de Beauvoir S. *Le Deuxième Sexe*. Paris: Editions Gallimard; 1949. 395 p. French.
12. Smith AD. *National Identity*. Harmondsworth: Penguin; 1991. 226 p.
13. Lévi-Strauss C. *Elementary Structures of Kinship*. New York: Beacon Press; 1969. 541 p.
14. Stumpfl R. *Kultspiele der Germanen als Ursprung des Mittelalterlichen Dramas*. Berlin: Junker und Dünnhaupt; 1936. 448 S.
15. Boorstin DJ. *The Americans: the national experience*. New York: Random House; 1966. 517 p.
16. Sharov KS. [The invention of national traditions by classic composers of the XIX century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofia*. 2005;4:58–75. Russian.
17. Magee B. *Aspects of Wagner*. Oxford: Oxford university press; 1988. 102 p.
18. Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London: Sage; 1997. 157 p.
19. Stamatov P. Interpretive activism and the political uses of Verdi's operas in the 1840s. *American Sociological Review*. 2002;67(3):345–366.
20. Simon HW. *Sto velikih oper [Hundred Great Operas]*. Moscow: Kron-Press; 1998. 864 p. Russian.
21. Sluga G. Identity, gender and the history of European nations and nationalisms. In: *Nations and Nationalism*. 1998;4(1): 87–111. DOI: 10.1111/j.1354-5078.1998.00087.x.
22. Stasov VV. *Stat'i po muzyke*. Moscow: Muzykal'naya literatura; 1974. 435 p. Russian.
23. Landes J. *Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution*. Ithaca: Cornell university press; 1988. 296 p.
24. Warrack J. *Carl Maria von Weber*. London: Hamish Hamilton; 1968. 377 p.
25. Wagner R. *Art and Politics*. Lincoln: University of Nebraska Press; 1996. 376 p.
26. Lacan J. *Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis*. New York: Norton; 1998. 304 p.
27. Wagner R. *Opera and Drama*. Lincoln: University of Nebraska Press; 1995. 288 p.

Received by editorial board 22.09.2018.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIOLOGICAL RESEARCHES

УДК 316.334.3:324

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

О. А. РУДЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается теоретико-методологическая специфика социологического подхода к анализу электорального поведения. Дается общая характеристика основных теоретических концепций таких исследователей, как А. Зигфрид, Ф. Гогель, Р. Арон, Ч. Мерриам, Д. Госнелл, П. Лазарсфельд, Б. Барельсон, С. Липсет, С. Роккан и др. Определяются положительные и отрицательные основания интеграции социологического и социально-психологического подхода ввиду схожих положений формирования электоральных предпочтений. Отмечается характер применения социологического подхода к анализу электоральных предпочтений в Республике Беларусь.

Ключевые слова: социологический подход; электоральное поведение; детерминанты выбора; социальная солидарность; политическая идентификация.

SOCIOLOGICAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF ELECTORAL BEHAVIOR: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL SPECIFICATION

O. A. RUDENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the theoretical and methodological specifics of the sociological approach to the analysis of electoral behavior. General characteristics of the main theoretical concepts of such researchers as A. Siegfried, F. Gogel, R. Aron, C. Merriam, D. Gosnell, P. Lazarsfeld, B. Barelson, S. Lipset, S. Rokkan and others are given. Positive and the negative grounds

---

Образец цитирования:

Руденко ОА. Социологический подход к анализу электорального поведения: теоретико-методологическая специфика. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:74–80.

For citation:

Rudenko OA. Sociological approach to the analysis of electoral behavior: theoretical and methodological specification. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:74–80. Russian.

Автор:

Ольга Анатольевна Руденко – аспирантка кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Д. К. Безнюк.

Author:

Olga A. Rudenko, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. olechka_13@mail.ru

for integrating the sociological and socio-psychological approach in view of similar provisions regarding the formation of electoral preferences. The nature of the application of sociological approach to the analysis of electoral preferences in the Republic of Belarus is noted.

Key words: sociological approach; electoral behavior; determinants of choice; social solidarity; political identification.

Одним из важных аспектов рассмотрения избирательных кампаний является анализ электорального поведения избирателей. Электоральное поведение можно рассматривать в качестве «комплексного политического участия граждан в формировании властных структур, включающего мнения, установки и ценности избирателей, а также модели их поведения как на момент выборов, так и в довыборный и послевыборный период» [1, с. 103].

Актуальность изучения данного феномена заключается в том, что электоральное поведение сегодня является одной из самых популярных форм участия населения в политической жизни страны и социально-политически значимым показателем развития демократических процессов в обществе.

Предпочтения избирателей традиционно изучаются в ходе эмпирических замеров, на основании которых в дальнейшем выстраиваются теоретические объяснительные схемы и модели. По результатам исследований избирательных кампаний,

ученые, в зависимости от школ, демонстрировали различные понимания специфики формирования и детерминации электоральных предпочтений. В социологической науке наиболее известными считаются три подхода, которые по-разному объясняют специфику электорального выбора: социологический, социально-психологический, рационально-инструментальный. Однако некоторые исследователи, к примеру И. В. Малашенко [2, с. 91–93] и Г. В. Пушкарева [3, с. 123–125], выделяют четвертый подход – когнитивный. Каждый из существующих подходов интерпретирует электоральный выбор с учетом тех факторов, которые служат основными причинами формирования этого выбора и которые оказывают на него определенное влияние. Систематическое осмысление специфики электорального выбора и его детерминирующих факторов в хронологической последовательности трех основных подходов может быть представлено в виде таблицы (см. таблицу).

Теоретико-методологические подходы к анализу электорального поведения

Подходы	Детерминанты выбора	Характеристика поведения избирателей
Социологический подход (1913–1940-е гг.)	Социальный статус и социальная принадлежность индивида	Экспрессивность
Социально-психологический подход (1960-е гг.)	Идентификация себя с политической партией	Экспрессивность
Рационально-инструментальный подход (1950-е гг.)	Ориентация избирателей на максимизацию выгод при минимизации издержек	Рациональность

Несмотря на то что традиционно в социологической науке выделяют три основных теоретико-методологических подхода, в рамках данной статьи рассмотрим только социологический подход и определим его теоретико-методологическую специфику.

Начало систематического осмысления проблематики электорального выбора в рамках социологического подхода, как правило, связывают с исследованиями колумбийской школы, проведенными под руководством П. Лазарсфельда в 1940-х гг. Однако первые работы, связанные с электоральной тематикой, проводились в рамках экологического направления. Так, французский исследователь А. Зигфрид в 1913 г. издал работу «Политическая картина Западной Франции в период III Республики» [4, р. 10–530], которая, по нашему мнению, является отправным пунктом исследований характера электоральных предпочтений. Данный период можно охарактеризовать как начало системного социологического обоснования специфики элек-

торальных предпочтений в Европе. Французский ученый в своей работе предпринял попытки обобщить постоянный характер поведения избирателей в различных регионах страны при нестабильной и часто меняющейся партийной структуре [5, с. 50–51]. С именем французского исследователя связано создание основ избирательной географии, которые в последующем были значительно дополнены рядом идей представителей экологической школы.

С одной стороны, последователи ориентации А. Зигфрида скептически относились к статистическим методам анализа электорального поведения, говоря об их несовершенстве и необходимости их существенного дополнения, с другой стороны, ученые все же не были готовы к полному отказу от устоявшихся методологических принципов, которыми руководствовался А. Зигфрид при анализе электоральных предпочтений избирателей во Франции.

Ученик и последователь А. Зигфрида Ф. Гогель говорил о необходимости пересмотреть базовые понятия при определении истинных электоральных предпочтений. Ф. Гогель говорил не об избирательной географии, а о социологии выборов, уделяя при этом особое внимание социально-структурным влияниям [6, с. 4]. Говоря иными словами, ученым был рассмотрен процесс формирования электоральных предпочтений в зависимости от типа поселения. Благодаря исследовательскому вкладу и поиску социально-структурных детерминант выбора Ф. Гогель по праву считается ученым, вклад которого в анализ феномена электорального поведения сыграл важнейшую роль в становлении экологического подхода.

Дальнейшее рассмотрение детерминант выбора характеризуется представлениями о специфике влияния на выбор избирателей территориальных факторов. К примеру, Р. Арон в своих трудах анализировал структурные характеристики социальных групп [6, с. 4], а не территориальные единицы, находящие свое отражение в рамках избирательной географии А. Зигфрида. Изучать специфические составляющие, характерные для социальных групп, Р. Арон предпочитал опросными методами в совокупности с уже апробированными методами экологического направления. Опросные методы существенно дополняли имеющийся методологический арсенал «экологической» школы и являются по сей день актуальной методологией многих электоральных исследований.

Таким образом, значимость и актуальность исследований представителей экологического направления для становления теоретико-методологических принципов анализа электорального поведения не вызывают сомнений. Ввиду описательного характера и статистического обоснования данных отрицать пространственные изменения электоральных предпочтений в рамках данного направления не приходится. Сегодня актуальность рассмотрения пространственной (например, региональной) специфики выбора не вызывает сомнения. Анализ предпочтений избирателей в региональном ключе дает не только срез мнений (симпатий или антипатий) по поводу определенной политической кандидатуры, но и может способствовать выработке более четкого курса, направленного на завоевание симпатий электората в будущих избирательных кампаниях.

Сегодня среди авторов бытует мнение об относительной значимости исследовательских выводов представителей экологического направления. Например, характеризуя географический подход к анализу электорального поведения, В. С. Каминский называет его «чисто описательным» подходом, который позволяет выявить «пространственные размытия поведения избирателей» [6, с. 4].

Начиная с 1920-х гг. на рассмотрение политических процессов накладываются бихевиористские

схемы интерпретации индивидуальных поведенческих аспектов, которые успешно заняли лидирующие позиции в объяснительных моделях многих американских исследователей. В совместной работе Ч. Мерриама и Д. Госнелла «Отказ от голосования: причины и методы контроля» ученые путем интервьюирования рассматривали причины отказа избирателей от голосования (абсентеизма) [2, с. 89].

Как мы можем заметить, начиная с 1920-х гг. основным методологическим вектором рассмотрения электорального поведения выступает количественная методология, которая в дальнейшем также широко используется при анализе конкретных избирательных кампаний. К числу такого рода исследований следует отнести работы колумбийской школы под руководством П. Лазарсфельда. В научной среде принято считать данные исследовательские практики основанием социологического подхода. Белорусский социолог С. В. Хамутовская, рассматривая социологический подход к анализу электорального поведения, начинает с исследований, проведенных группой ученых под руководством П. Лазарсфельда, и говорит о таком подходе как о «конкретно-социологическом» [7, с. 263].

Результаты исследования, проведенного на американских президентских выборах 1948 г. группой под руководством П. Лазарсфельда, позволили говорить о зависимости выбора избирателей от принадлежности к определенной социальной группе [8, р. 271–273]. Говоря иными словами, эмпирические данные показали, что избирателям не присущи сознательные политические предпочтения, выбор, который делает электорат в процессе голосования, опосредован социальным окружением каждого человека и принадлежностью его к большим социальным группам, данное обстоятельство может быть названо «выбор–солидарность». В нашем представлении «выбор–солидарность» лишен в своем основании сознательных политических устремлений избирателей, а акт участия в выборах и сам выбор связаны с экспрессивной оценкой происходящего.

Анализируя основания формирования электорального поведения представителей колумбийской школы, российский исследователь И. В. Малашенко отмечает, что выявленный тип поведения в ходе исследований под руководством П. Лазарсфельда получил название «экспрессивное поведение» [2, с. 90]. Данный тип поведения, по мнению П. Лазарсфельда, не является отрицательной характеристикой избирателя, напротив, автором отмечается то, что благодаря такого рода экспрессии в поведении избирателей и отсутствию сознательных политических предпочтений вырабатывается стабильная поддержка кандидатов или партий [8, р. 272]. Кроме отсутствующих сознательных политических устремлений избирателей, П. Лазарсфельд и Б. Барельсон в результате проведения совместных эмпирических исследований во время президентских

выборов в 1940-е гг. в Соединенных Штатах Америки выявили следующее:

1) люди, которые обладают более высоким социальным статусом, политически активнее тех, чей социальный статус находится ниже. При этом, как отмечают авторы, людям с более высоким социальным статусом присуща большая приверженность к конкретной политической системе;

2) мужчинам присуща большая активность в политической жизни страны, нежели женщинам. При этом отмечается опосредованность выбора женщин политическими предпочтениями мужчин, мнение последних выступает в роли незыблемого авторитета;

3) более экстремистский характер носит политическое участие молодежи, чем людей старших возрастов, которые, как отмечают авторы, отличаются спокойной и ответственной позицией;

4) городские жители политически активны и более включены в политический процесс, чем сельские [7 с. 264].

Исследовательская стратегия анализа электорального поведения в рамках социологического подхода прослеживается также в работах 1960-х гг. американских социологов С. Липсета и С. Роккана. Ученые привнесли в социологический подход ряд идей, оказавших значительное влияние на анализ электоральных предпочтений на Западе. Авторами была предложена модель рассмотрения процесса голосования в тесной связи с процессом формирования политических систем и соответствующих им политических структур. С. Липсет и С. Роккан предложили альтернативную теорию понимания процесса формирования электорального поведения на Западе, назвав ее «теория расколов».

Предложенная американскими социологами теория исходила из признания того, что различия между социальными группами способствуют возникновению политических конфликтов. По мнению американских социологов, становление электорального поведения обусловлено степенью влияния на него четырех возможных типов конфликта:

- 1) между центром и периферией;
- 2) государством и церковью;
- 3) городом и селом;
- 4) собственниками и рабочими [9, р. 50–51; 2, с. 90].

Любой из конфликтов способен породить раскол в обществе, который в дальнейшем будет определять электоральную поддержку партий или беспартийных кандидатов на выборах.

Как показали проведенные С. Липсетом и С. Рокканом эмпирические замеры, наиболее часто встречаемый тип раскола – дифференциация на собственников и рабочих. В обществах, в которых есть разделение по этническому или религиозному принципу, преобладают этнические и конфессиональные различия [7, с. 266].

В работе «Политический человек» С. Липсет, говоря о детерминации электорального поведения, ссылается на ряд факторов, отражающих не только индивидуальные особенности избирателей, но и объективные стороны общественной жизни в тесной связи с их рефлексивно-индивидуальным восприятием. Автор полагает, что специфика политического участия в демократических странах существенно отличается от специфики электоральных предпочтений в странах преследующих недемократические пути развития. Автором также отмечается связь уровня участия в выборах с доходом, образованием, возрастом, профессией и др. По мнению С. Липсета, социальные и демографические показатели позволяют ранжировать избирателей по социальному статусу, при этом автор говорит о наличии схожих или различных политических взглядов, например, у людей с одинаковыми экономическими возможностями может не быть одинаковых политических предпочтений и наоборот [10, с. 215–260].

Проанализировав электоральную социологию С. Липсета, российские ученые Е. Г. Корнильцева, А. Ю. Кузнецов и И. Е. Левченко, исходя из понимания С. Липсетом того, что «политическое участие является следствием влияния всей системы социальных условий и факторов», отмечают, что «социально ущемленные группы пассивны в политике и, в частности, в избирательной кампании» [11, с. 80].

В 1970-е гг. американские исследователи С. Верба и Н. Най дополнили социологический подход ресурсной, или среднеуровневой, теорией. Данная теория исходит из того, что политическое участие избирателей детерминировано социальным статусом. По данным эмпирических исследований было установлено, что более активная позиция в голосовании принадлежит представителям высшего и среднего классов, мужчинам, молодежи и людям с высоким уровнем образования [12, р. 336].

Неоспорим вклад представителей социологического подхода в анализ электорального поведения. Во-первых, представителями «экологической» школы были впервые заложены основания изучения электорального поведения. Исследователи «экологического» направления обратили внимание на детерминацию данного феномена различными факторами, к числу которых следует отнести особенности местности, в которой проживают избиратели. Во-вторых, исследователями были предприняты первые попытки апробации социологических методов при анализе электорального поведения, количественная методология, в частности, до сих пор является основанием многих электоральных исследований. В-третьих, представители социологического подхода стремились обосновать электоральное предпочтение с различных позиций и вычленили детерминанты электорального выбора: в рамках экологической школы это сосредоточенность на осо-

бенностях внешней среды, а в дальнейших исследованиях – особенности самих избирателей, в частности их социальная принадлежность и социальный статус. В-четвертых, при анализе различных аспектов электоральных предпочтений создаются различные по основаниям теории, которые мирно сосуществуют с уже имеющимися объяснительными схемами. По нашему мнению, сложилась и устоялась ситуация теоретико-методологического плюрализма в рамках данного подхода.

Сегодня исследователи пытаются объединить социологический и социально-психологический подходы. Появление социально-психологического подхода связывают с событиями 1960 г. и с деятельностью в этом направлении мичиганской школы. Сам по себе акт голосования в рамках данной школы рассматривается в тесной связи с психологическими процессами, присущими избирателям, впоследствии эти процессы становятся основными детерминантами политического выбора.

В рамках социально-психологического направления отдается предпочтение изучению поведения избирателей неотделимо от их близости к определенным партийным идеям, а также их идентификации с этими идеями и партийными лидерами. Как отмечает В. С. Каминский, в работах представителей социально-психологического подхода была использована «воронка причинности» [6, с. 5], т. е. модель рассмотрения электорального выбора с учетом совокупности факторов, которые могут оказать на него совокупное влияние. К числу таких факторов следует относить «партийную идентификацию, ориентацию на определенного кандидата и позицию по спорным политическим вопросам» [6, с. 5]. При наличии совокупного причинного характера электорального поведения партийную идентификацию можно отнести к основному доминирующему фактору. Как отмечает И. В. Охременко, партийная идентификация «определяет восприятие и оценку политической информации и поведения даже в случае отсутствия формального членства в данной партии» [13, с. 8]. Иными словами, можно говорить о том, что в рамках социально-психологического подхода предполагается голосование избирателя за ту политическую партию, к которой у него выработалось максимальное число положительных установок, в обратном случае избиратели голосуют в соответствии со своим формальным членством в политической партии или не голосуют вовсе.

Говоря о слиянии воедино социологического и социально-психологического подходов, необходимо искать схожие или различные основания для возможной реализации данного проекта, для интеграции. К основаниям, формирующим электоральные предпочтения, в социологической версии относится социальная принадлежность индивида и его социальный статус, а в рамках социально-

психологического подхода – партийная идентификация. Согласимся с мнением о том, что идея их объединения имеет право на существование. Это обусловлено, во-первых, тем, что в рамках данных подходов рассматривается «солидарность». В первом случае проявляется солидарность индивида к социальному окружению или социальной группе, во втором – к политической партии. Во-вторых, выбор избирателей в рамках указанных подходов лишен рациональных оснований и связан с наличием в поведении избирателей экспрессивности. В-третьих, в теоретических схемах данных подходов допускается влияние социально-экономического фактора при выборе стратегии голосования.

Объединение социологического и социально-психологического подходов может способствовать выработке интегрального подхода, с помощью которого можно будет комплексно подойти к изучению факторов, определяющих электоральный выбор. При этом, создавая интегральную версию, мы можем оказаться в ситуации недооценки эвристического потенциала отдельно взятых подходов, которые, развиваясь в разном направлении, пришли к схожим выводам относительно специфики формирования электоральных предпочтений.

Попытка объединить социологический и социально-психологический подходы проводится в статье К. А. Иваненко. Автором отмечается необходимость создания интегрального подхода ввиду неспособности существующих теорий предсказать истинные электоральные предпочтения. В качестве интегрального фактора, способного оказать влияние на электоральное поведение, К. А. Иваненко предлагает рассматривать общественное мнение [14, с. 78]. Общественное мнение, по мысли автора, является «индикатором состояния общества и регулятором общественных событий» [14, с. 78]. Согласимся с К. А. Иваненко в том, что интегральный фактор необходим, поскольку сегодня все сложнее выявить истинные предпочтения избирателей и причины их трансформаций.

В настоящее время вопросы, связанные с адаптацией социологической, социально-психологической и даже рационально-инструментальной версии к конкретному обществу, не перестают озадачивать ученых. Говоря об адаптации социологического подхода в белорусском обществе, можно говорить лишь о его условном применении. Как отмечает белорусский социолог С. В. Хамутовская, «данный подход был разработан для обществ с укоренившейся демократией и устоявшимися политическими структурами, институтами и связями, социальными расколами» [7, с. 268].

Сегодня в Республике Беларусь выбор избирателей может быть детерминирован различными обстоятельствами – от личных симпатий до идеологических размежеваний, – а говорить об исклю-

чительной роли социальной принадлежности и о социальном статусе белорусского избирателя в данном случае не приходится, тем более если речь идет о ситуации, связанной с социальной мобильностью населения. Следует отметить, что «теория расколов» также не совсем актуальна для белорусского общества. С. В. Хамутовской отмечается, что в белорусском обществе «не наблюдается резких границ между большими социальными группами, но есть дифференциация внутри них» [7, с. 268].

Условное применение социологического подхода к анализу электорального поведения актуально также ввиду полимотивированности избирателей, которая проявляется в неустойчивых ситуативных предпочтениях, возникающих под влиянием доминирующего мнения близкого окружения. Выявленная немецким ученым Э. Нозль-Нойман спираль молчания, связанная с тем, что избиратель может обладать мнением, отличающимся от господствующего в его окружении, позволяет говорить о наличии у избирателей скрытых истинных мотивов [15, с. 30–55].

Избиратель в такой ситуации стремится завуалировать истинные составляющие выбора, не пытается их публично демонстрировать и осознанно искажает те предпочтения, которые расходятся с мнением, бытующим в его близком окружении. Ситуация, при которой избиратель вынужден соглашаться с господствующим мнением, имея при этом собственное, может быть названа мобилизованной солидарностью. При такой ситуации результаты электоральных замеров в период избирательной кампании могут быть искажены, а истинные предпочтения завуалированы и растворены в господствующем мнении окружающих избирателя людей. Ситуация, при которой избиратель молчаливо соглашается (на словах) с большинством и демонстрирует совсем иное поведение непосредственно

в ситуации выбора (поведенческий аспект), может выступать причиной того, что отдельные политические силы в ходе голосования получают значительную поддержку электората не будучи при этом в лидерах в период довыборных электоральных замеров.

Сегодня применимость социологического подхода к изучению электорального поведения белорусских избирателей сочетается с необходимостью синтезировать его с теоретико-методологическими основаниями существующих (социально-психологического и рационально-инструментального) подходов. Данное обстоятельство может оказать значительное влияние на поиск ответов на вопросы, связанные с основаниями формирования электоральных предпочтений в конкретных ситуациях выбора.

Модификация существующей теоретико-методологической базы с дальнейшей ее практической апробацией также будет способствовать принятию релевантного управленческого решения как при прогнозе ситуаций, связанных с трансформацией электоральных предпочтений, так и в ситуации выработки механизмов, ориентированных на их формирование.

Попытки синтезировать социологический и социально-психологический подходы имеют свои плюсы и минусы. К плюсам можно отнести то, что комплексное понимание специфики формирования электоральных предпочтений с учетом схожих детерминант выбора, отмеченных в рамках существующих подходов, позволит получить более полную (релевантную) картину специфики выбора избирателей. Минусом же такого синтеза может являться ситуация «длительного» поиска интегрального фактора, который всецело позволяет делать вывод об истинных предпочтениях избирателей.

Библиографические ссылки

1. Руденко ОА. Электоральное поведение: понятия и структурные компоненты. *Труд. Профсоюзы. Общество*. 2018;2:102–105.
2. Малашенко ИВ. Изучение электорального поведения населения: сравнительный анализ зарубежных и отечественных историй. *Вестник Брянского государственного университета*. 2014;2:89–93.
3. Пушкарева ГВ. Изучения электорального поведения: контуры когнитивной модели. *Полис. Политические исследования*. 2003;3:120–130. DOI: 10.7976/jpps/2003.03.12.
4. Siegfried A. *Tableau politique de la France de l'Ouest*. Paris: A. Colin; 1913.
5. Желтов ВВ, Желтов МВ. К вопросу об анализе электорального поведения. Теория новых возможностей. *Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2011;3(12):48–63.
6. Каминский ВС. О теоретико-методологических подходах к изучению электорального поведения населения. *Социальное пространство*. 2017;1:1–12.
7. Хамутовская СВ. Конкретно-социологический подход к изучению электорального поведения населения: сущность и особенности. *Социологический альманах*. 2011;2:263–269.
8. Berelson B, Lazarsfeld P, McPhee W. *Voting: a Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*. Chicago: University of Chicago Press; 1954.
9. Lipset SM, Rokkan S. *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*. New York: Free Press; 1957.
10. Липсет М. *Политический человек. Социальные основания политики*. Гендель Е, Гайдамак В, Матешук А, переводчики. Москва: Мысль; 2016.
11. Корнильцева ЕГ, Кузнецов АЮ, Левченко ИЕ. Электоральная социология С. М. Липсета. *Дискуссия*. 2016;10:79–84.

12. Verba S, Nie S. *Participation in America: political democracy and social equality*. New York: Harper and Row; 1972.
13. Охременко ИВ. *Электоральное поведение: теория вопроса. Часть 1*. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета; 2002.
14. Иваненко КА. Социально-психологические детерминанты электорального поведения избирателя. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия. Психология, педагогика*. 2013;3:77–84.
15. Ноэль-Нойман Э. *Общественное мнение. Открытие спирали молчания*. Рыбакова ЛН, переводчик. Москва: Прогресс-Академия; 1996. Совместно с «Весь мир».

References

1. Rudenko OA. [Electoral behavior: concepts and structural components]. *Trud. Profsojuzy. Obshchestvo*. 2018;2:102–105. Russian.
2. Malashenko IV. [Study of electoral behavior of the population: a comparative analysis of foreign and domestic stories]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014;2:89–93. Russian.
3. Pushkaryova GV. The study of electoral behavior an our line of the cognitive model. *Polis. Political studies*. 2003;3:120–130. Russian. DOI: 10.7976/JPPS/2003.03.12.
4. Siegfried A. *Tableau politique de la France de l'Ouest*. Paris: A. Colin; 1913.
5. Zheltov VV, Zheltov MV. K voprosu ob analize elektoral'nogo povedeniya. *Teoriya novykh vozmozhnostei* [On the issue of analyzing electoral behavior]. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 2011;3(12):48–63. Russian.
6. Kaminsky VS. About the theoretical and methodological approaches to the study of electoral behavior of the population. *Social'noe prostranstvo*. 2017;1:1–12. Russian.
7. Khamutovskaya SV. The concrete-sociological approach to studying electoral behavior of the population: essence and features. *Sociologicheskii al'manah*. 2011;2:263–269. Russian.
8. Berelson B, Lazarsfeld P, McPhee W. *Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*. Chicago: University of Chicago Press; 1954.
9. Lipset SM, Rokkan S. *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*. New York: Free Press; 1957.
10. Lipset M. *Political man. The Social Bases of politics*. Baltimor: The Jons University Press; 1981.
Russian edition: Lipset M. *Politicheskii chelovek. Sotsial'nye osnovaniya politiki*. Gendel' L, Gaidamak B, Matashuk A, translators. Moscow: Mysl'; 2016. Russian.
11. Korniltseva EG, Kuznetsov AYu, Levchenko IE. Electoral Sociology by S. M. Lipset. *Diskussiya*. 2016;10:79–84. Russian.
12. Verba S, Nie S. *Participation in America: political democracy and social equality*. New York: Harper and Row; 1972.
13. Okhremenko IV. [Electoral behavior: the theory of the question]. Volgograd: Publish House of Volgograd State University; 2002. Russian.
14. Ivanenko KA. Social-psychological determinants of electoral behavior voting behavior]. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2013;3:77–84. Russian.
15. Noel-Neumann E. *Offentliche meinung. Die entdeckung der Schweigspirale*. Berlin: Ullstein; 1989.
Russian edition: Noel-Neumann E. *Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya*. Rubakova LN, translator. Moscow: Progress-Akademia; 1996. Co-publishing with «Ves' mir».

Статья поступила в редколлегию 28.07.2018.
Received by editorial board 28.07.2018.

УДК 303.4

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МЕДИАИССЛЕДОВАНИЙ

М. С. ТЕРЕЩЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены подходы к классификации медиаисследований на современном этапе развития. При помощи базовой модели коммуникации Г. Лассуэлла можно выделить классы исследований в соответствии с их предметной областью: исследования коммуникатора, сообщений, каналов, аудитории и эффектов коммуникации. Однако данный подход не учитывает взаимосвязь разных составляющих процесса коммуникации. Предлагается классифицировать медиаисследования, беря за основу запросы, которые могут исходить из конкретных социальных полей, взаимодействующих с медиапространством. Такой подход, ввиду принципиального понимания пересечения различных социальных полей, позволяет объяснить как мультизадачность медиаисследований, так и нарастающую необходимость разработать междисциплинарный подход к их пониманию. Также приводятся классификации по видам СМИ, методам сбора и анализа данных. Дается авторское определение медиаисследований.

Ключевые слова: медиаисследование; методы исследования; междисциплинарный подход; социальное поле; медиапространство; базовая модель коммуникации; СМИ.

ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF MEDIA RESEARCH

M. S. TERESCHENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the approaches to the classification of media research at the present stage of their development. Using the Lasswell's base communication model, one can distinguish research classes in accordance with their subject area: communicator, messages, communication channels, audience, and communication effects researches. However, this approach does not take into account the relationship between its different components and their relationship. The author also proposes to classify media research on the basis of requests that may come from specific social fields interacting with the media space. This approach, in view of the fundamental understanding of the intersection and interweaving of various social fields, makes it possible to explain both the multitasking of media research and the growing need for an interdisciplinary approach to understanding media research. Classifications by type of media and by methods of collecting and analyzing data are also provided. The article provides the author's definition of media research.

Key words: media research; research methods; interdisciplinary approach; social field; media space; basic communication model; media.

Образец цитирования:

Терещенко МС. К вопросу о классификации медиаисследований. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:81–85.

For citation:

Tereschenko MS. On the issue of classification of media research. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:81–85. Russian.

Автор:

Мария Сергеевна Терещенко – старший преподаватель кафедры социальной коммуникации факультета филологии и социальных наук.

Author:

Maria S. Tereschenko, senior lecturer at the department of social communication of the faculty of philosophy and social sciences.
tereschenkom@bsu.by
ORCID: 0000-0002-0372-6849

Пресса как средство массовой коммуникации получила распространение в конце XIX в. Этому способствовал целый ряд событий, среди которых основное место заняли рост грамотности населения и усовершенствование технологии печати. Можно говорить о том, что к концу XIX в. СМИ сформировались как социальный институт. Уже в самом начале XX в. влияние прессы на общество привлекало внимание социологов, которые начали исследовать это явление, процессы формирования общественного мнения и прочие вопросы. Данные исследования положили начало целому исследовательскому направлению, которое сейчас принято называть медиаисследованиями.

Первоначально исследователей волновали в основном вопросы теоретического характера: понимание феномена средств массовой коммуникации, анализ их воздействия на аудиторию. Еще в 1910 г. М. Вебер предложил выделить социологию прессы в отдельную отрасль социологического знания, в рамках которой он предложил изучать такие вопросы, как формирование общественного мнения, отношение к информации и анализ текстов [1, с. 12]. Его идеи не получили прямого развития, однако почти одновременно А. Смолл уже в первом учебнике по социологии предлагает изучать вопросы деятельности СМИ и формирования аудитории. При этом А. Смолл акцентировал внимание на необходимости проводить исследования не только теоретического, но и прикладного характера [1, с. 12].

С течением времени интерес к медиаисследованиям расширялся. В поле зрения исследователей попадало все больше различных предметных областей, разрабатывались новые методы исследования. На данный момент количество методов, предметных областей и областей применения медиаисследований очень широк. При этом авторы вкладывают свой смысл в слово «медиаисследование», это приводит к тому, что при обсуждении под медиаисследованиями могут подразумеваться совершенно разные явления и методы, а открывая книгу с подобным заголовком, сложно предположить заранее, о какой группе медиаисследований пойдет речь. В связи с этим мы считаем полезным осуществить попытку классифицировать медиаисследования.

Для удобства разделения всего поля медиаисследований на классы *по предметной области* изучения обратимся к базовой модели коммуникации Г. Лассуэлла. Согласно модели отправитель передает сообщение по определенным каналам получателю, при этом достигается определенный эффект [2, с. 154]. Таким образом, исследования фокусируются на изучении следующих основных групп вопросов:

- «Кто передает?»;
- «Что передает?»;
- «По каким каналам?»;
- «Кому?»;
- «Какой получен эффект?».

Рассмотрим каждую из групп.

К первой предметной области относятся исследования *коммуникатора*. Его можно рассматривать как в широком смысле – лицо или группа лиц, которые заинтересованы в коммуникации, – так и в узком – непосредственно автор медиатекста. Исследованию подлежат различные особенности отправителя сообщения. Это могут быть исследования социальных характеристик «заказчиков» и «исполнителей» коммуникации, а также выявление их целей и мотивов в коммуникации. Также исследуется квалификация коммуникаторов. Определенный интерес представляют и исследования отношений в экономическом, правовом, социальном и этическом контекстах между заказчиками и исполнителями отправки сообщений.

Ко второй группе относятся исследования *сообщений*. Содержательно медиатексты изучаются с точки зрения тематики и наполнения текстов и дискурса. Также анализируются стилистика и жанры текстов.

В рамках анализа *каналов коммуникации* изучается все их разнообразие, включая средства передачи. К данной группе исследований относятся анализ технических особенностей СМИ, изучение наличия у населения доступа к средствам, передающим сигнал, рассмотрение технических охватов и т. п. Следует упомянуть и изучение медиарынка – особенности структуры, конъюнктуры, динамики, характер взаимоотношений субъектов рынка, различные финансовые и экономические показатели работы СМИ.

Исследования *аудитории* предполагают изучение как количественных параметров аудитории различных медиа и ее социально-демографических параметров, так и поведения аудитории, ее предпочтений, касающихся и потребительского поведения, и образа жизни в целом.

Последний класс исследований, в соответствии с моделью Г. Лассуэлла, составляют исследования *эффектов* медиа. Они включают в себя изучение проблематики вопросов воздействия и эффектов СМИ, восприятия медиатекстов, их влияния на поведение аудитории и общественное мнение.

Несмотря на то что данная модель позволяет разделить на классы почти все виды медиаисследований, такая интерпретация выглядит несколько однобоко. Чаще всего в практике предметные области, выделенные по модели Г. Лассуэлла, пересекаются. Например, установить цели и мотивы коммуникатора невозможно без анализа передаваемых сообщений, исследования авторов сообщений (журналистской деятельности) тесно связаны с анализом медиарынков, а исследования эффектов медиа подразумевают исследования того, как медиатексты влияют на аудиторию. Чтобы дополнить картину, целесообразно рассмотреть медиаисследования и в других разрезах.

Для удобства воспользуемся пониманием *социальных полей* П. Бурдьё. В его интерпретации социальное пространство состоит из пересекающихся и переплетающихся социальных полей – политического, экономического, культурного, научного и др. Каждое поле определяется специфической силой – «ансамблем различий активных свойств, обуславливающих его специфику, его отличие от любого другого подпространства» [3, с. 569]. Поскольку каждое поле предполагает наличие определенной структуры позиций, распределяемых в соответствии с наличием и владением определенным циркулирующим в конкретном поле видом капитала, то и взгляд на одно и то же явление с позиции разных полей будет преломляться спецификой ценностей и потребностей, существующих в рамках конкретного поля. В случае со СМИ в зависимости от взаимодействующего поля будет меняться и ракурс понимания социального института, а также специфика проявляемого к изучению интереса.

Таким образом, массмедиа могут рассматриваться как искусство, культурный и социальный феномен, социальный институт, набор определенных технологий, сектор экономики и т. п. Соответственно, в исследовании этого явления заинтересованы искусствоведение, филология, история и философия, психология и социология, а также экономические и юридические науки, включая менеджмент и маркетинг, технические науки. В местах пересечения интересов различных полей возникают специфические виды медиаисследований, которые бывает сложно строго отнести к полю интересов отдельной науки, это приводит к появлению междисциплинарных исследований.

Технические науки рассматривают медиа как набор технологий и технических средств. Изучаются как технические и технологические компоненты и различия СМИ, так и вопросы обеспечения технических охватов и покрытия некоторых видов массмедиа.

Искусствоведение исследует СМИ с позиции возможности их рассмотрения как искусства. Интерес в данном случае может находиться в рамках анализа присутствия, динамики развития и появления новых жанров в СМИ, а также оценки стилистики и качества исполнения медиатекстов. Жанры могут пониматься в более широком смысле слова как определенный вид искусства, например, кинематограф, телевизионные программы, аудиоспектакли, написанный текст, визуальное искусство (в том числе оформление СМИ) и т. п. Развитие этого понятия связано в том числе и с техническими возможностями существования определенного жанра. В данном случае видим пересечение интересов с техническими науками. В другом смысле понятие «жанр» означает существование определенных формальных и содержательных отличий в медиа-

текстах. Например, это может быть изучение особенностей ведения репортажей или создания развлекательных шоу.

Исторический анализ обращается к исследованиям СМИ в их исторической динамике, связанной как с техническим, так и с содержательным развитием.

Филологические исследования касаются тематики, специфики, влияний и изменения словесности в массмедиа, а также стилистики и жанрового анализа устных и письменных текстов в СМИ.

Большой пласт медиаисследований – *культурологические исследования*. Основная проблематика касается понимания медиа как особой культуры, а также влияния СМИ на культуру, например изучения конструируемых стереотипов. Поднимается и проблематика этического и эстетического характеров. Широко распространены исследования, связанные с философией и лингвистикой, например семиотический и риторический анализы, дискурс-анализ, анализ фреймов и др.

Философскому анализу подвергается изучение самого феномена массовых коммуникаций, а также осмысление возникающих благодаря СМИ явлений и практик. Примерами могут выступить исследования феноменов массовой культуры, эффектов СМИ, различных дискурсивных практик в медиапространстве, конструирования реальности через СМИ и подобное.

Психологические медиаисследования включают в себя как изучение классической для этой науки категории восприятия медиа, так и образующихся на стыке социальной психологии и социологии вопросов воздействия СМИ.

Экономические науки проводят исследования с позиции понимания медиапространства как рынка. Изучается структура и субъекты медиарынка, его объемы и динамика, вопросы управления, а также экономические аспекты взаимовлияния и взаимосвязи медиарынка и других рынков. Поскольку значимым, а иногда и единственным источником доходов СМИ является реклама, взаимодействие медиарынка и рекламного рынка представляет особый интерес.

Юридические науки занимаются изучением проблематики правового регулирования деятельности СМИ и интеллектуальной собственности, вопросах цензуры и табу (видится связь с этикой и культурой). Поднимаются вопросы регулирования охраны права на частную жизнь. При этом правовое регулирование рынка напрямую влияет и на его экономику, поэтому данные вопросы неразрывно связаны с экономическим полем.

В поле зрения *социологии*, помимо некоторых упомянутых выше, попадают также вопросы, связанные со спецификой протекания некоторых социальных процессов и влиянием на них СМИ. Можно назвать такие темы, как формирование и управле-

ние общественным мнением, воздействие СМИ на аудиторию, поведение аудитории и ее отношение к определенным СМИ и источникам информации. Рассматривается влияние медиа на разные аспекты жизни социума (экологические и социальные проблемы, гендерное равенство и др.). Затрагиваются и темы, связанные с формированием определенного социального неравенства во взаимодействии индивидов и СМИ, – освоение медиа и медиаграмотность в разных поколениях, странах и т. п. Для достижения этих целей используются всевозможные методы количественных и качественных исследований, некоторые из них специально разрабатывались для проведения медиаисследований, например опросы, контент-анализ содержания, дискурс-анализ и др. Также социология призвана проводить многие исследования прикладного характера.

В целом можно заключить, что попытка рассмотреть структуру медиаисследований через социальные поля дает более объемное представление о комплексе ее предметных областей и методах изучения. Однако многие изучаемые вопросы и методы при этом получают статус междисциплинарных и не могут строго относиться к интересам только одной науки.

Еще с одного ракурса СМИ имеют важное значение в работе политической системы и бизнеса, а также в продвижении различных социальных технологий. Из определенных полей будут поступать запросы на исследование соответствующих прикладных аспектов их функционирования. Можно говорить о разделении прикладных медиаисследований в зависимости от направленности на *коммерческие, политические и социальные* сферы. Некоторые из исследований могут служить разным прикладным направлениям, например, рейтинговые исследования аудитории интересны как самим СМИ, так и бизнесу и политическим структурам. Другие исследования могут проводиться узко под конкретный запрос: медиаисследования в образовании, в библиотеках, политические коммуникации, электоральное поведение, конструирование в СМИ политической реальности и имиджа организации или политика, отношение аудитории к конкретному контенту, составление медиапортрета организации, личности или проекта и др.

Таким образом, большинство прикладных исследований можно рассматривать как частный случай тех видов анализа, которые рассмотрены в рамках различных социальных полей.

Стоит также отметить, что любые медиаисследования можно классифицировать по виду анализируемого СМИ (исследования прессы, радио, телевидения, интернета) и по методам сбора и анализа данных (описание, сравнительный анализ, кейс-стади, опросы общественного мнения, различные проективные методики, мониторинги, контент-анализ, дискурс-анализ, жанровый и семиотический анализы и др.).

В заключение отметим, что благодаря повсеместному распространению СМИ и их влиянию на все сферы жизни общества, медиаисследования, как класс исследований, также приобретают всеобъемлющий характер.

Тесное переплетение СМИ с разными социальными полями и комплексность вопросов, которые ставятся перед исследователями СМИ, приводят к тому, что все более сильные позиции занимают междисциплинарные изыскания. Таким образом, отнести определенные исследования только к одной из научных сфер не только сложно, но и не вполне правомерно.

Каждый из подходов к классификации медиаисследований хорошо объясняет лишь некоторые аспекты их многообразия. Тем не менее именно рассмотрение медиаисследований через призму социальных полей позволило получить дополнительное объяснение существования различных смыслов, вкладываемых исследователями в слово «медиаисследования», что приводит к некоторой путанице. В одних ситуациях это вызывает недопонимание в общении, а в других – взаимопонимание и использование одного языка учеными из разных областей знания.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно определить медиаисследования как совокупность исследовательских подходов, методов и практик теоретического и прикладного характера, объектом изучения которых является медиапространство как социальный феномен, социальный институт или отдельные его составляющие, а также взаимодействие медиапространства с другими социальными полями.

Библиографические ссылки

1. Щепилов КВ. *Медиаисследования и медиапланирование*. Москва: РИП-холдинг; 2005. 222 с.
2. Широканова АА. Модели коммуникации. В: Сергеева ОВ, Терещенко ОВ, редакторы. *Новые медиа: социальная теория и методология исследований*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2016. с. 154–156.
3. Шматко НА. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё. В: Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. Москва: Институт экспериментальной социологии; 2005. с. 554–574. Совместно с «Алетейя» (Санкт-Петербург).

References

1. Shchepilov KV. *Mediaissledovaniya i mediaplanirovanie* [Media Researches and Media Planning]. Moscow: RIP-holding; 2005. Russian.
2. Shirokanova AA. [Models of Communication]. In: Sergeeva OV, Tereschenko OV, editors. *Novye media: sotsial'naya teoriya i metodologiya issledovaniy* [New Media: Social Theory and Research Methodology]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2016. p. 154–156. Russian.
3. Shmatko NA. [«Social spaces» of Pierre Bourdieu]. In: Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Moscow: Institute for Experimental Sociology; 2005. p. 554–574. Co-publishing with «Aleteiya» (Saint Petersburg).

*Статья поступила в редколлегию 30.10.2018.
Received by editorial board 30.10.2018.*

УДК 316.74:316.776

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

А. В. КИРИЛЛОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Изменение роли религии в современном постсекулярном обществе приводит к трансформации отношений религии с государством и светским обществом, к разработке новых стратегий коммуникации с внешними и внутренними целевыми группами. Представлена попытка операционализации понятия «коммуникационная стратегия религиозной организации», предложены базовые схемы комплексного сравнительного анализа коммуникационных стратегий религиозных организаций, которые основываются на структурных моделях массовой коммуникации и учитывают степень доступа исследователя к внутренней информации религиозной коммуникации.

Ключевые слова: религиозные организации; коммуникационная стратегия организации; позиционирование религиозной организации; анализ коммуникационной стратегии.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING COMMUNICATION STRATEGIES OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS

A. V. KIRYLAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The changing role of religion in modern post-secular society leads to the transformation of its relations with the state and secular society. It requires new communication strategies for external and internal target groups of religious organizations. The article presents an attempt to operationalize the concept of communication strategy of religious organization. The author offers basic comparative analysis schemes of communication strategies of religion organizations, which are based on structural models of mass communication and take into account the degree of researcher access to the internal information of religious organization.

Key words: religious organizations; communication strategies; religious organization positioning.

Конец XX в. ознаменовался изменением взглядов социологов на место и роль религии в общественной и частной жизни. В конце 1980-х гг. американские ученые (Р. Старк, У. Бейнбридж, Л. И. Ианнаконе, П. Бергер и др.) поставили под сомнение положения теории секуляризации и, анализируя происходящие события в стране и мире, отмечали обратную тенденцию: расцвет религий, рост личной религиозности. Современные исследо-

ватели вслед за Ю. Хабермасом стали говорить о новом постсекулярном мире, в котором религиозное сотрудничает со светским, происходит переформатирование условий повседневности и существования веры, изменяются контекст и формы духовного поиска [1, с. 398]. Так, Д. Узланер отмечает: «Религия возвращается <...>, но она возвращается не на пустое место, а в ландшафт, сформированный процессами секуляризации. И так как мы находимся

Образец цитирования:

Кириллова АВ. Методологические аспекты изучения коммуникационных стратегий религиозных организаций. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019;1:86–90.

For citation:

Kirylava AV. Methodological aspects of studying communication strategies of religious organizations. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:86–90. Russian.

Автор:

Анастасия Владимировна Кириллова – старший преподаватель кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук, соискатель кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anastasiya V. Kirylava, senior lecturer at the department of social communication, faculty of philosophy and social science, competitor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
kirylava@gmail.com

внутри этого процесса, то до сих пор непонятно, какие именно формы примет это “возвращение”-исчезновение» [2].

Признавая ошибочность прогнозов середины XX в. об упадке и естественном исчезновении религии благодаря научному и технологическому прогрессу, П. Бергер утверждает, что ошибка заключалась в неточном определении причин и следствий, а также в неверной характеристике процессов современности: «Ошибка, я думаю, может быть описана как смешение категорий: современность – это не обязательно секулярность, но это обязательно плюрализация. Современность характеризуется распуццей множественностью внутри одного общества разных верований, ценностей, мировоззрений. Плюралистичность конечно же бросает вызов всем религиозным традициям, каждая должна справиться с фактом, что “все эти другие” не в далекой стране, а прямо у соседней двери» [3].

Плюрализация приводит к появлению «рынка идеологических проектов» и «рынка религий» [4], на которых любая религиозная организация становится конкурирующим субъектом, а в обществе формируется потребительская установка по отношению к религиозным организациям: «...человек начинает рассматривать религиозные идеи или обряды как товар (услуги), который он начинает оценивать по принципу “что это мне может дать”» [4]. Религиозные организации при таком подходе рассматриваются как «общественное предпринимательство» [5, с. 17], к ним все чаще применяется терминология и модели маркетинга и маркетинговых коммуникаций.

Рыночные и конкурентные отношения неизбежно связаны с маркетингом как социально-управленческим процессом, целью которого является «удовлетворение потребностей людей и организаций путем обеспечения свободного конкурентного обмена товарами и услугами» [6, с. 16] Взаимоотношения маркетинга и религии, религии и бизнеса – вопрос, который вызывает много дискуссий. До 1950-х гг. данный вопрос рассматривался в основном в контексте использования маркетингом религиозных терминов, символов и стереотипов для продвижения товаров и услуг. В 1999 г. П. Бергер в статье «Церковь как предприниматель» (*McJesus Incorporated*) меняет вектор и открыто заявляет о том, что «такие понятия, как “менеджмент” и “маркетинг” невозможно прямо перенести на церковную торговую деятельность, но в интересах самой церкви было бы разумно использовать некоторые представления и практические навыки, которые приходят из делового мира» [7]. Уже к концу XX в. многие религиозные организации, особенно новые движения, открыто привлекали к работе светских специалистов по продвижению, использовали маркетинговые модели, издавали учебники по продвижению новых церквей. Однако некорректно

применять к работе религиозной организации рыночные принципы и подходы и рассматривать ее как коммерческую или некоммерческую нерелигиозную организацию, поскольку само существование религиозной организации предполагает не столько удовлетворение потребностей человека и за счет этого достижение своих целей, но и изменение человека, которое часто идет вразрез с его желаниями и потребностями, т. е. существует конфликт между необходимостью действовать в конкурентной среде, где потребности и желания человека стоят на первом месте, и потребностью выполнять свою сакральную и социальную миссию.

Для религиозной организации как социального института роль субъекта рынка идей означает неизбежную трансформацию ее отношений как с внутренними (верующие, клир, поместные церкви, приходы и т. д.), так и с внешними целевыми группами (другие религиозные организации, коммерческие и общественные организации, социальные группы), особенно с государством, бизнесом и светским обществом. Помимо этого, технологические, экологические, мировоззренческие, социальные трансформации современного общества также требуют от религиозных организаций новых, в том числе коммуникационных, стратегий взаимодействия с целевыми группами.

В то же время изучение роли, места и деятельности религиозных организаций в обществе, исследование их стратегий коммуникации с внутренними и внешними целевыми группами, на наш взгляд, должны быть неотъемлемой частью корпуса исследований религии наряду с изучением религиозности населения, структуры и динамики религиозной жизни общества.

Сложность заключается в отсутствии методики проведения сравнительного анализа коммуникации религиозных организаций со светским обществом или другими целевыми группами, которая бы, с одной стороны, была применима к анализу деятельности религиозных организаций разных видов, а с другой – учитывала самобытность и социально-культурный контекст существования и деятельности каждой из них. Кроме того, каждая научная дисциплина использует понятие «стратегия» операционально, исходя из целей и задач конкретной области или организации. В теории управления определить и операционализировать понятие стратегии, определить этапы ее формирования, реализации и оценки пытались несколько крупных научно-практических школ, но они рассматривали коммерческие организации (в основном организации с собственным производственным циклом), а некоммерческие организации и организации, работающие с «идеологическими проектами», в том числе религиозные, оставались вне поле зрения, в связи с чем большая часть разработанных стратегий и терминологии им не подходит.

В то же время некоторые из авторов, например И. Ансофф, отмечали важность разработки стратегии для некоммерческих организаций, особенно эпохи перемен: «Открытое провозглашение новой стратегии становится необходимым и тогда, когда требования со стороны общества заставляют организацию резко менять свои ориентиры. Именно это происходит в наши дни во многих организациях вне предпринимательского сектора: церквях, университетах, государственном аппарате» [8, с. 30].

Попытку систематизировать определения, данные понятию «стратегия» разными школами управления, предпринял Г. Минцберг в статье «Пять “П” стратегии» (*Five Ps for Strategy*). Он выделил пять подходов:

- 1) стратегия как план (*plan*);
- 2) как паттерн (*pattern*);
- 3) как прием (*ploy*);
- 4) как позиция (*position*);
- 5) как перспектива (*perspective*) [9, с. 33–38].

По мнению автора, наиболее распространено понимание стратегии как плана, т. е. «вид сознательно и намеренно разработанной последовательности действий, путеводная линия (или ряд таких линий), которой придерживаются в конкретной ситуации» [9, с. 33].

Коммуникационная стратегия организации как понятие возникло в рамках теории и практики маркетинга и маркетинговых коммуникаций для обозначения *комплекса мер, инструментов продвижения продукта компании целевым аудиториям: покупателям и потребителям*. К сожалению, несмотря на активное развитие некоммерческих организаций в современном мире и на активное обсуждение важности и значимости внутренних и внешних коммуникаций организаций, понимание, определение и операционализация коммуникационной стратегии остаются в рамках этого подхода неизменными с 1850-х гг., либо коммуникационная стратегия определяется слишком узко, для каких-либо соответствующих целей (разработки рекламного сообщения, проведения корпоративного праздника и т. д.). В то же время наработки по теории и практике маркетинга и маркетинговых коммуникаций можно использовать для операционализации, описания, анализа и сравнения коммуникационных стратегий религиозных организаций [10, с. 52].

Также серьезным барьером для исследования коммуникационных стратегий религиозных организаций является то, что полноценный и системный анализ стратегии требует доступ к внутренним информационным ресурсам, а религиозные организации, как правило, представляют собой закрытую среду и исследователь не всегда имеет возможность получить такой доступ, поэтому необходимо существование методики, которая позволит на основе анализа открытых данных о внешней комму-

никации организации выявить ее коммуникационные стратегии. В такой ситуации мы говорим, скорее, не о выявлении, а о реконструкции коммуникативных стратегий, поскольку по внешним проявлениям нельзя с уверенностью сказать, являются ли коммуникативные действия представителей церкви стратегическими или операциональными, нецентрализованными.

Для операционализации понятия «коммуникационная стратегия» использовались структурные модели коммуникации Г. Ласуэла, Ч. Осгуда, У. Шрама, М. де Флера, а также определения и описания понятий «стратегия» и «коммуникационная стратегия», используемые в теории управления, теории и практике маркетинга.

Под коммуникационной стратегией религиозной организации будем понимать *систему коммуникационных решений религиозной организации, реализуемых в процессе коммуникации с целевыми группами*.

При наличии доступа к внутренним и внешним ресурсам религиозной организации, коммуникационная стратегия может быть реконструирована посредством описания и анализа следующих параметров:

- 1) цели (целей) коммуникации с целевыми группами (социальные, миссионерские, просветительские, политические, экономические и т. д.);
- 2) целевых групп («портрета», сегментации, обоснования выбора);
- 3) источника коммуникационной стратегии и источника коммуникации;
- 4) выбора каналов коммуникации с целевыми группами (телевидение, радио, печатные СМИ, интернет, мероприятия, городское пространство и т. д.);
- 5) содержания коммуникации: формат сообщений, их тематика, образы, персонажи, сюжеты и т. д.;
- 6) транслируемой позиции (оценка событий и явлений, описание отношения к обсуждаемым в обществе вопросам, группам, социальным институтам, обозначение роли и задач в обществе);
- 7) обратной связи с целевыми группами (анализ каналов обратной связи, значимость последней для организации, описание формы работы с мнением целевых групп).

Каждый из параметров раскрывается через последовательность вопросов, из ответов на которые складывается представление о коммуникационных стратегиях как об общей позиции религиозной организации и общем плане действий. Для системного анализа коммуникационной стратегии по данной схеме наиболее удачным будет применение метода обоснованной теории, который позволит реконструировать коммуникационные стратегии церкви и сопоставить декларируемые в документах стратегии с выявленными в результате анализа.

При отсутствии доступа к внутренним ресурсам организации необходимо для реконструкции коммуникационной стратегии использовать перекрестный анализ данных наблюдения и анализ текстов. Таким образом, исследователь изучает два корпуса данных: события и мероприятия, которые проводит религиозная организация для целевой группы, и все доступные тексты, авторами (источниками) которых также выступают представители церкви.

В данном случае коммуникационная стратегия реконструируется через следующие базовые параметры:

1) используемые каналы коммуникации (при наблюдении за традиционными новыми СМИ, при анализе текстов и места проведения мероприятий);

2) частота и объем публикаций в СМИ, частота проведения и длительность мероприятий;

3) вербальные, аудиовизуальные, композиционные составляющие текстов и оформления мероприятий.

Данные параметры позволяют оценить интенсивность коммуникации, охват точек доступа к целевым группам и объем используемого коммуникационного пространства. На данном этапе очень важно выяснить и зафиксировать также доступные для религиозной организации коммуникационные ресурсы, например наличие доступа к печатным СМИ, к радио и телевизионным эфирам, в противном случае исследователь сможет лишь зафиксировать положение вещей, но не объяснить и оценить их.

К другой группе базовых параметров относятся:

1) тематическое и жанровое распределение публикаций (проповедь, свидетельство, заявления, поздравления, новости и т. д.) и тематическое наполнение мероприятий;

2) декларируемые и транслируемые церковью ценности;

3) транслируемая позиция церкви по каждой из обсуждаемых тем;

4) роли и задачи церкви в обществе;

5) социальные группы и отдельные люди, которые упоминаются в текстах или вовлечены в мероприятия церкви;

6) риторические приемы убеждения, аргументации, дискуссии, используемые представителями церкви в публикациях и мероприятиях;

7) лексика, характерная для текстов публикаций и текстов, сопровождающих мероприятия церкви.

Данная группа параметров описывает содержание коммуникации религиозной организации с целевой группой.

В целом этих двух групп базовых параметров достаточно для того, чтобы реконструировать

и сравнить коммуникационные стратегии различных религиозных организаций, действующих на одной территории в единый промежуток времени.

Для более глубокого и всестороннего анализа коммуникационных стратегий и для повышения точности реконструкции к исследованию может быть добавлен анализ полуструктурированных или нарративных интервью служителей культа и последователей конфессии, а также текстов проповедей, молитв, бесед с верующими.

Описание данных параметров может сложиться в целостное представление коммуникационной стратегии религиозной организации только при условии проведения анализа связей между элементами стратегии и факторами, которые на них влияют – контекста. Последний включает в себя анализ тех условий, в которых осуществляет деятельность церковь, а также анализ ресурсов, которыми она обладает, анализ истории возникновения и развития самой церкви и ее вероучения.

Кроме того, нам представляется крайне важным проведение анализа официальной позиции, транслируемой открыто на официальных ресурсах церкви (сайтах, конфессиональных изданиях), с учетом выявленной в ходе анализа коммуникационной стратегии. Это позволит получить, с одной стороны, более полное представление о коммуникационных стратегиях, а с другой – определить степень согласованности и интегрированности коммуникационной политики религиозной организации, соответствие декларируемой позиции церкви транслируемой.

Таким образом, коммуникационная стратегия религиозной организации как система коммуникационных решений, реализуемых в процессе коммуникации с целевыми группами, может быть реконструирована через описание и анализ операциональных параметров, отражающих объем и интенсивность коммуникации, выбор каналов доступа к целевым группам, содержание коммуникации и контекста, в котором осуществляется взаимодействие церкви с целевыми группами. Несмотря на различия в подходах к анализу внутренних документов организации, ее внешних коммуникационных ходов, наиболее точная реконструкция коммуникационных стратегий требует использования комплекса методов сбора и анализа данных: наблюдение, интервью и анализ текстов. Изучение коммуникационных стратегий религиозных организаций позволит получить представление о позиции церковей в современном обществе, о характере межконфессиональных отношений, о взаимодействии церковей со светским обществом, государством, другими социальными группами и институтами.

Библиографические ссылки

1. Тейлор Ч. Секулярность и религия. Васильев А, переводчик. *Страницы*. 2014;18(3):395–410.
2. Узланер Д. Картография постсекулярного. *Отечественные записки* [Интернет]. 2013 [процитировано 10 марта 2017];1(52). Доступно по: http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo#_ftn6.
3. Berger P. *Secularization falsified* [Internet] [cited 2017 January 12]. Available from: <https://www.firstthings.com/article/2008/02/secularization-falsified>.
4. Узланер Д. Новое видение секуляризации. *Русский журнал* [Интернет]. 28 ноября 2008 [процитировано 12 февраля 2018]. Доступно по: <http://russ.ru/pushkin/Novoe-videnie-sekulyarizacii>.
5. Узланер Д. От секулярной современности к множественным: социальная теория о соотношении религии и современности. *Государство. Религия. Церковь*. 2012;1(30):8–32.
6. Ламбен Ж-Ж. *Стратегический маркетинг. Европейская перспектива*. Лифеляндчик БИ, Дунаевский ВЛ, переводчики. Санкт-Петербург: Наука; 1996.
7. Бергер П. Церковь как предприниматель. Потемкин АР, переводчик. *НГ-религии* [Интернет]. 6 августа 2003 [процитировано 13 марта 2017]. Доступно по: http://www.ng.ru/ng_religii/2003-08-06/7_strategy.html.
8. Ансофф И. *Стратегическое управление*. Москва: Экономика; 1989.
9. Минцберг Г, Куили Дж, Гошал С. *Стратегический процесс: концепции, проблемы, решения*. Санкт-Петербург: Питер; 2001.
10. Кириллова АВ. Коммуникационная стратегия религиозной организации как предмет социального исследования. В: Яскевич ЯС, редактор. *Социальные коммуникации в современном мире. Сборник научных статей по материалам работы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Белорусский государственный университет; 2018. с. 45–52.

References

1. Taylor Ch. [Secularity and religion]. Vasiliev A, translator. *Stranicy*. 2014;18(3):395–410. Russian.
2. Uzlaner D. Cartography of postsecular. *Otechestvennye zapiski* [Internet]. 2013 [cited 2017 March 10];1(52). Available from: http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo#_ftn6. Russian.
3. Berger P. *Secularization falsified* [Internet] [cited 2017 January 12]. Available from: <https://www.firstthings.com/article/2008/02/secularization-falsified>.
4. Uzlaner D. New vision of secularization. *Russian journal* [Internet]. 2008 November 28 [cited 2017 February 12]. Available from: <http://russ.ru/pushkin/Novoe-videnie-sekulyarizacii>. Russian.
5. Uzlaner D. From secular modernity «Multiole Modernities» social theory of the relation and modernity. *State. Religion. Church*. 2012;1(30):8–32. Russian.
6. Lamben J-J. *Le Marketing stratégique*. Paris: Ediscience International; 1986.
Russian edition: Lamben J-J. *Strategicheskii marketing. Evropeiskaya perspektiva*. Lifeliandchik BI, Dunoievskii VL, translators. Saint Peresburg: Nauka; 1996.
7. Berger P. *Church as entrepreneur*. Potemkin AR, translator [Internet]. 2003 August 6 [cited 2017 March 13]. Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2003-08-06/7_strategy.html. Russian.
8. Ansoff IH. *Strategicheskoe upravlenie*. Basinstouke: Palgrave Macmillan; 1979.
Russian edition: Ansoff IH. *Strategicheskoe upravlenie*. Moscow: Ekonomika; 1989.
9. Minzberg G, Ghoshal S, Lampel J, Quinn JB. *Strategic process: consepts, context, cases*. London: Pearson Education; 2003. Russian.
Russian edition: Minzberg G, Quinn JB, Ghoshal S. *Strategicheskii protsess: kontseptsii, problemy, resheniya*. Saint Petersburg: Piter; 2001. Russian.
10. Kirylava A. [Communication strategy of religious organization as a subject of social research]. In: Yaskevich YaS, editor. *Sotsial'nye kommunikatsii v sovremennom mire. Sbornik nauchnykh statei po materialam raboty Pervogo belorusskogo filozofskogo kongressa; 18–20 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Social communication in Modern world. Collection of Sciences articles on materials First Belarussian philosophical congress; 2017 October 18–20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 45–52. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.10.2018.
Received by editorial board 30.10.2018.

УДК 159.923(316.47)

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ СИТУАЦИИ ПРОВОКАЦИИ СОЦИАЛЬНО-СРАВНИТЕЛЬНОЙ РЕВНОСТИ

И. А. ФУРМАНОВ¹⁾, К. В. ЛЕПЕШКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлено психометрическое обоснование методики оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности. Приводятся данные определения надежности по критериям устойчивости и внутренней согласованности методики, по внутренней валидности методики, ее экологической валидности, дискриминативности отдельных пунктов.

Ключевые слова: социально-сравнительная ревность; когниции; эмоции; поведение.

THE QUESTIONNAIRE ASSESSMENTS PROVOKING SITUATION OF SOCIAL-COMPARISON JEALOUSY

I. A. FOURMANOV^a, K. V. LEPESHKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. A. Fourmanov (fourmigor@gmail.com)

The article presents the psychometric rationale of questionnaire assessments provoking situation of social-comparison jealousy. The data for determining the reliability by criteria of stability and internal coordination of questionnaire; by

---

Образец цитирования:

Фурманов ИА, Лепешко КВ. Методика оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:91–103.

For citation:

Fourmanov IA, Lepeshko KV. The questionnaire assessments provoking situation of social-comparison jealousy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:91–103. Russian.

Авторы:

Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук, **Ксения Витальевна Лепешко** – магистрантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – И. А. Фурманов.

Authors:

Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences. fourmigor@gmail.com. **Kseniya V. Lepeshko**, master's degree student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences. ksenia.lepeshko@gmail.com.

criteria of internal validity and ecological validity of questionnaire; by criteria of separate points discrimination of questionnaire are cited.

Key words: social-comparison jealousy; cognitions; emotions; behaviour.

Понимание и психологическая интерпретация многообразия контекстов активности и поведения индивидов невозможны без изучения процесса социального сравнения. Поэтому феномен социального сравнения продолжает оставаться одной из центральных тем социально-психологического исследования, он является основным процессом социального познания, а также фундаментальным психологическим механизмом, влияющим на суждения, переживания и поведение людей [1–9]. Большинство теорий в социальной психологии основываются на механизмах социального сравнения: модель сохранения самооценки, формирование Я-концепции и аттитюдов, научение через моделирование, различные механизмы малых групп (влияние большинства, влияние меньшинства, формирование групповых норм, принятие групповых решений, развитие межгрупповых отношений) [10].

Социальное сравнение имеет и прикладное значение. Благодаря процессу социального сравнения индивид формирует собственный Я-образ, корректирует и защищает Я-концепцию, поддерживает самооценку, узнает о собственных возможностях, общается и взаимодействует с другими людьми, получая информацию о себе и соотнося ее с собственными характеристиками, а также объясняет многообразие поступков и поведение других индивидов. Исходя из этого можно заключить, что социальное сравнение лежит в основе многих явлений и процессов. На интраперсональном уровне – это формирование Я-концепции, поддержание положительного образа Я; на интерперсональном – формирование аттитюдов, копинг-стратегий, различных навыков, представлений о референтных группах, а также о нормах и правилах поведения; на интергрупповом – формирование общих групповых норм и правил, конформизма, стремления к принятию единых решений, сплоченности и других межгрупповых отношений.

Феномен социального сравнения был введен в научно-психологический оборот Л. Фестингером, теория которого представляет собой набор общих и частных гипотез, раскрывающих процесс социального сравнения, где особое внимание уделяется мотивации получить точную информацию о самооценке, для чего индивид и использует социальные сравнения, а также выбрать подобного Другого для достижения данной цели [1].

Дальнейшее развитие теория социального сравнения получила в ряде исследований, которые подтвердили идеи Л. Фестингера относительно того, что социальные сравнения – это удовлетворяющие потребность в точных оценках себя и своей само-

сти сравнения какого-либо качества, способности или атрибута собственного Я и Другого.

Вместе с тем анализ исследований показал, что потребность в точной самооценке, которую постулировал Л. Фестингер, является не единственным мотивом социальных сравнений. Потребности в самосовершенствовании, повышении самооценки, совладании со стрессом (копинге), эффективной и быстрой обработке информации, а также в общении с Другими являются не менее существенными мотивационными факторами социальных сравнений [2; 3; 9; 11–15]. Следует отметить, что удовлетворение данных потребностей предполагает использование различных видов сравнения: восходящих, нисходящих и латеральных. Как нисходящие, так и восходящие сравнения могут вызывать позитивные и негативные аффекты, приводящие к различным последствиям.

Последствия социального сравнения могут выражаться в когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакциях на саму ситуацию сравнения и расцениваться как индикаторы. К когнитивным индикаторам относятся преуменьшение, осуждение объекта сравнения, его обесценивание или идеализирование, избегание сравнений или объекта сравнений, негативные мысли об объекте сравнения, игнорирование или искажение информации, полученной в результате сравнения. К эмоциональным индикаторам социального сравнения относятся как ревность, зависть, враждебность, состояние фрустрации, тревога, депрессия, гнев, страдание, так и вдохновение, надежда, радость. Поведенческие индикаторы – уход от сравнения, дистанцирование от объекта сравнения, уравнивание в способностях или навыках с объектом сравнения, стремление стать лучше. С нашей точки зрения, взаимодействие когнитивных и эмоциональных реакций будет предопределять поведенческое реагирование на ситуацию социального сравнения.

Результаты научных исследований указывают на то, что чаще эмоциональные последствия социального сравнения – это ревность и зависть [4; 6; 7; 16–20]. Особенно это касается тех ситуаций, которые представляют угрозу превосходству или равенству [6].

В толковых словарях понятия «ревность» и «зависть» часто рассматриваются как синонимы. В частности, Т. Ф. Ефремова определяет ревность как зависть к чужому успеху, нежелание делить что-либо с Другим [21]. В специализированных словарях ревность трактуется как чувство зависти к явным либо воображаемым успехам соперника [22, с. 180–181], как зависть к успехам или превосходству Другого,

как желание обладать чем-то, чем обладает Другой [23]. М. Орлов также приравнивает ревность к зависти: «ревность – это зависть в любовных отношениях» [24, с. 45], К. Л. Ерофеева определяет ревность как «зависть к какому-то субъекту (человеку, группе) из-за того, что некий значимый для ревнующего индивид вступает с ним в “Я-Ты” отношения» [25, с. 330]. Исходя из этого можно констатировать, что ревность практически приравнивается к зависти.

Однако ряд исследователей дифференцируют понятия «ревность» и «зависть». Ревность чаще всего определяют как страх потерять значимые для индивида отношения с другим человеком (или же как чувство, возникающее в результате реальной потери) из-за реального или воображаемого соперника, а зависть – как страстное желание индивида иметь тот атрибут, которого нет у него, но есть у другого человека [11; 26–29].

Анализ указанных выше определений позволяет заключить, что схожим для этих феноменов является то, что и ревность, и зависть всегда присутствуют в ситуации соперничества. Вместе с тем отмечается, что дифференциация понятий не имеет эвристической ценности [6]. Так, М. Сильвер и Дж. Сабини считают, что оба термина часто можно применить к одному и тому же аффекту без потери точности [4]. Это и стало основанием для того, чтобы различать типы ситуаций, в которых указанные чувства возникают независимо от того, какое из них субъект переживает и как определяет для себя [16]. Те ситуации, которые бросают вызов превосходству или равенству, являются причиной возникновения *социально-сравнительной ревности*, а те ситуации, которые угрожают привилегированности в отношениях, являются причиной возникновения *ревности в социальных отношениях*, примером которой служит романтическая ревность [16]. Ситуации, вызывающие данные переживания, различаются, как указывают С. А. Берс и Дж. Родин, количеством вовлеченных людей [16]. Социально-сравнительная ревность обычно появляется в результате реальной или предполагаемой конкуренции двух индивидов, возникшей из-за обладания конкурентом желаемым атрибутом, т. е. целевым объектом является не человек. В романтической ревности конкурент претендует на объект, а значит целевым объектом является другой человек [17]. Как указывает И. А. Фурманов, обе эти ситуации следует рассматривать как триадические [6]. Когда один человек сравнивает себя с Другим и видит несоответствие, он испытывает социально-сравнительную ревность, когда же отношениям со значимым человеком угрожает конкурент, имеет место романтическая ревность, поскольку возможна потеря этих отношений [4].

Таким образом, обобщив все вышеизложенное, можно констатировать, что под социально-сравнительной ревностью понимают чувства, мысли и действия, возникающие у одного индивида в том случае, когда другой пользуется большим успехом и, следовательно, материальными и нематериальными преимуществами (привилегиями, имуществом) [16–18; 29; 30]. Однако следует отметить, что указанное определение является плохо операционализированным, особенно по отношению к психологическим индикаторам данного переживания и поведения в ситуации.

Вместе с тем, анализ литературы позволил заключить, что социально-сравнительная ревность представляет собой социально-психологический концепт, охватывающий целый ряд различных форм эмоций и чувств, мыслей и социального поведения, по своему конструктивному построению он напоминает аттитюд [31]. Во-первых, социально-сравнительную ревность можно с полным основанием трактовать как некую предрасположенность воспринимать, оценивать, переживать и определенным образом действовать в каких-либо ситуациях или при взаимодействии с социальным объектом [32, с. 61]. Во-вторых, если исходить из трактовки аттитюда как состояния сознания индивида относительно некоторой социальной ценности [33, с. 227–228], то социально-сравнительную ревность может вызывать только тот атрибут, принадлежащий конкуренту, который обладает высокой ценностью, значимостью и затрагивает самооценку. В-третьих, если атрибуты, принадлежащие конкуренту, приравнивать к объекту, то можно предположить, что социально-сравнительная ревность, как и аттитюд, имеет трехкомпонентную структуру: когнитивный (восприятие, осознание, оценка атрибутов), аффективный (эмоциональная оценка атрибутов) и поведенческий (поведение по отношению к конкуренту, обладающему атрибутами) компоненты.

Сделанные предположения подкрепляются результатами ряда исследований (тем не менее немногочисленного). В частности, социально-сравнительная ревность предполагает различные *когнитивные реакции*. Например, М. Сильвер и Дж. Сабини отмечают, что один индивид воспринимает другого как завистливого или ревнивого, когда видит его попытки унижить, обесценить роль кого-то с целью повысить собственную самооценку [4]. Также Дж. Б. Брайсон указывает на то, что индивид, испытывающий социально-сравнительную ревность, может желать свести счеты с объектом сравнения или получить социальную поддержку [34]. П. Сэловей и Дж. Родин указывают, что объект сравнения может идеализироваться или, наоборот, вызывать негативные мысли [35].

Проведенные исследования также позволяют выявить некоторые *эмоциональные реакции*, входящие в социально-сравнительную ревность. Так, П. Сэловей и Дж. Родин обнаружили, что люди, испытывавшие в процессе проведения исследования социально-сравнительную ревность, были склонны чувствовать себя подавленными, тревожными и злыми при взаимодействии с объектом сравнения [35]. М. Микулинсер определил, что моделирование эпизода социально-сравнительной ревности вызывало депрессию, гнев и чувство обиды, тревогу и угрозу самооужению, фрустрацию [30]. А. Тессер отмечает: когда сравниваемый объект подобен сравниваемому, у первого возникает тревога и депрессия, ощущение угрозы самооценке [8]. С. А. Берс и Дж. Родин считают гнев одной из эмоций наиболее сильно связанных с ревнивым поведением [16].

Анализ литературы позволил определить и многообразие *поведенческих стратегий* при возникновении социально-сравнительной ревности. В частности, рассматривают:

- стратегию самосовершенствования – действия направляются на то, чтобы стать лучше и опередить Другого в чем-либо [2–4; 12–14];
- стратегию уравнивания – действия направляются на то, чтобы стать таким же, как объект сравнения, или достигнуть его уровня [4; 12; 35];
- стратегию избегания деградации (при нисходящих сравнениях) – индивид желает или делает все, чтобы не стать хуже Другого [2];
- стратегию уклонения – индивид ищет возможность уйти от сравнения [12; 13; 15].

Таким образом, можно заключить, что социально-сравнительная ревность возникает у одного индивида, когда он видит, что Другой пользуется большим успехом и, следовательно, нематериальными и материальными превосходством, достижениями или имуществом. Кроме того, социально-сравнительную ревность более точно можно охарактеризовать как совокупность связанных между собой негативных эмоций и мыслей, направленных на когнитивное переструктурирование ситуации, а также как готовность к действиям, направленным на совладание со сложившейся ситуацией.

Проанализировав работы по данной тематике, можно констатировать, что многие вопросы и аспекты социального сравнения до сих пор являются раскрытыми не в полной мере. В частности, можно обоснованно заключить, что зарубежные исследования социального сравнения фрагментарны и недостаточно системны. Также результаты исследований не позволяют сформировать представление о феномене социально-сравнительной ревности как о целостной структуре, включающей в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты.

Тщательный и всесторонний анализ литературы дал основания утверждать, что феномен социаль-

но-сравнительной ревности никак не представлен в русскоязычном научно-исследовательском пространстве ни на теоретическом, ни на методологическом, ни на методическом уровнях. Единственной работой методического плана является исследование П. Сэловей и Дж. Родин, в котором проводилось сопоставление оценок ситуаций, провоцирующих возникновение ревности в социальных отношениях (романтической ревности) и социально-сравнительной ревности [17].

Фрагментарность исследований и научная неразработанность целого ряда вопросов, связанных с изучением феномена социально-сравнительной ревности, потребовали разработать диагностический инструментарий, позволяющий всесторонне оценить ситуацию провокации социально-сравнительной ревности.

Конструирование методики включало в себя следующие этапы:

- 1) разработка заданий;
- 2) оформление теста;
- 3) пилотажное исследование;
- 4) анализ заданий;
- 5) проверка на надежность и валидность методики.

Разработка заданий. Процедура разработки заданий методики включала в себя следующие шаги.

1. Изучение феноменологии социально-сравнительной ревности и условий ее возникновения.

При разработке стимульного материала диагностического инструментария были использованы следующие дефиниции и понятия:

- провокация – что-то подстрекающее, стимулирующее реакцию, в особенности негативную [23];
- ситуация – комплексное целое, представляющее паттерны множественных физических, временных и психологических стимулов, детерминирующих реакции на специфические события [36];
- ситуация провокации – стимульное событие, активизирующее сильное внутреннее состояние, при котором наблюдатель оценивает событие как угрожающее [37];
- ситуация провокации ревности – ситуация, которая интерпретируется как угроза самооценке, материальным и нематериальным ценностям, несправедливость.

В качестве оснований для разработки методики оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности, были проанализированы 24 провоцирующие ситуации в исследованиях П. Сэловей и Дж. Родин [17]. В результате комбинаторного анализа, включающего в себя сопоставление оценок, полученных по семибалльной шкале, переживаний ревности (зависти), гнева, печали и фрустрированности были отобраны 15 ситуаций. Они представляют собой утверждения, касающиеся сравнения индивидом себя с Другим, превосходящим

его в плане обладания какими-либо атрибутами, способностями или качествами, что провоцирует конкуренцию и приводит к возникновению социально-сравнительной ревности. Существенным недостатком представленных П. Сэловей и Дж. Родин ситуаций являлось то, что в них отсутствовали ситуации сравнения с внешностью и физическими кондициями Другого, хотя на важность данного параметра указывают многочисленные исследования межличностной аттракции и романтической ревности. В связи с этим в перечень были добавлены три ситуации, касающиеся сравнения по параметру «внешность».

2. Независимый прямой перевод ситуаций, вызывающих социально-сравнительную ревность, двумя переводчиками: профессиональным переводчиком-лингвистом и психологом, хорошо владеющим английским языком.

3. Обсуждение вариантов перевода, редактирование формулировок и обсуждение с экспертом-психологом версий ситуаций на русском языке. Для

того чтобы смысл утверждений был более понятен респондентам, формулировки некоторых пунктов были несколько изменены и расширены, прежде всего за счет конкретизации ситуаций.

Оформление теста. На основе анализа проведенных исследований феномена социально-сравнительной ревности [16–18; 29; 30; 35] и в соответствии с методологическими основаниями исследования, рабочая версия опросника «Оценка ситуации провокации социально-сравнительной ревности» включала в себя 18 ситуаций (табл. 1) и 4 блока заданий:

- 1) оценка вовлеченности;
- 2) когнитивная оценка по критериям значимости, заслуженности, справедливости, правильности, объективности [2; 16; 17; 35; 38];
- 3) эмоциональная оценка по 10 дифференциальным эмоциям [39; 40];
- 4) поведенческая оценка по трем стратегиям: восходящие сравнения, латеральные сравнения, уход от ситуации (см. приложение).

Таблица 1

Ситуации провокации социально-сравнительной ревности

Table 1

Provocative situations of social-comparison jealousy

№ п/п	Ситуация
1	Кто-то красивее, чем Вы
2	Кто-то имеет более впечатляющие результаты, чем Вы
3	Кто-то лучше выглядит, чем Вы
4	Кто-то более общителен и уверен в себе, чем Вы
5	Кто-то реализует свои потенциальные возможности лучше, чем Вы
6	Кто-то имеет фигуру лучше, чем у Вас
7	Кто-то более популярен, чем Вы
8	Кто-то выглядит более счастливым, чем Вы
9	Кто-то является более обеспеченным, чем Вы
10	Кто-то менее умный, чем Вы, получает более высокие оценки
11	Вы делаете ту же самую работу, что и кто-то, и при этом получаете меньше, чем он или она
12	Кто-то занимает высокое положение благодаря деньгам родителей или их высокому статусу
13	Кто-то покупает себе что-то, что Вы хотели, но не можете позволить себе купить
14	Кто-то более умный, чем Вы
15	Кто-то более талантливый, чем Вы
16	Вы должны учиться (работать), в то время как Ваш одноклассник (коллега) празднично проводит время
17	Кто-то добивается каких-то результатов через манипуляции, в то время как Вы старательно работаете для этого
18	Кто-то получает работу, которую Вы хотели получить

Обработка результатов сводилась к суммированию оценок по критериям: «значимость», «заслуженность», «справедливость», «правильность», «объективность» (когнитивные); «волнение», «радость», «удивление», «печаль», «гнев», «отвращение», «презрение», «страх», «стыд», «вина» (эмоциональные); «восходящее сравнение», «латеральное сравнение», «уход от ситуации» (поведенческие).

Таким образом, в каждом блоке оценке подвергались все 18 ситуаций провокации социально-сравнительной ревности.

Для оценки ситуаций по исследуемым параметрам использовались дихотомические шкалы.

Пилотажное исследование. Проводилось на группе, состоящей из 70 респондентов, в целях уточнения или исключения неясных, двусмысленных и других утверждений, вызывающих вопросы.

Анализ заданий. После проведения пилотажного исследования были внесены некоторые уточнения в утверждения, вызывающие вопросы.

Проверка на надежность и валидность методики. Методика «Оценка ситуации провокации социально-сравнительной ревности» была подвергнута статистическому анализу в соответствии с психометрическими требованиями, которые включали в себя ряд процедур.

Определение надежности по критерию устойчивости. Надежность методики проверялась по параметру стабильности изучаемого признака, который

позволил определить, насколько устойчив и стабилен признак, который измерялся. С этой целью использовался прием «тест-ретест». После проведения двух тестирований были рассчитаны коэффициенты корреляции между пунктами опросника первого и второго измерения, а также проведен анализ достоверности различий в показателях двух измерений по каждому пункту. Результаты корреляционного анализа позволили установить наличие умеренных и высоких положительных корреляций (r) от 0,40 ($p \leq 0,001$) до 0,80 ($p \leq 0,001$) (табл. 2).

Кроме того, сравнительный анализ позволил констатировать, что между пунктами методики при первом и втором измерении не существовало статистически значимых различий (табл. 3).

Таким образом, полученные в результате проведения двух этапов тестирования данные соответствуют психометрическим требованиям и свидетельствуют об устойчивости и надежности методики.

Определение надежности по критерию внутренней согласованности методики. Внутренняя согласованность – характеристика теста, указывающая на однородность задания с точки зрения изучаемого признака [41]. Для установления внутренней согласованности методики был применен расчет коэффициента α Кронбаха. Согласно точки зрения Л. Ф. Бурлачука, коэффициент α Кронбаха в том случае, когда вопросы измеряют один и тот же признак, будет приближен к единице [41].

Таблица 2

Корреляция между показателями опросника при первом и повторном тестировании («тест-ретест»)

Table 2

Correlation between questionnaire indicators at the first and repeated testing (test-retest)

Пункты методики	Коэффициент корреляции, r	Уровень значимости, p
Частота встречаемости с ситуациями	0,604	<0,001
Когнитивный компонент		
Значимость	0,618	<0,001
Заслуженность	0,396	<0,001
Справедливость	0,447	<0,001
Правильность	0,447	<0,001
Объективность	0,451	<0,001
Эмоциональный компонент		
Волнение	0,469	<0,001
Радость	0,645	<0,001
Удивление	0,636	<0,001
Печаль	0,635	<0,001
Гнев	0,676	<0,001
Отвращение	0,738	<0,001
Презрение	0,667	<0,001

Окончание табл. 2
Ending table 2

Пункты методики	Коэффициент корреляции, r	Уровень значимости, p
Страх	0,719	<0,001
Стыд	0,729	<0,001
Вина	0,737	<0,001
Поведенческий компонент		
Восходящее сравнение	0,705	<0,001
Латеральное сравнение	0,775	<0,001
Уход от ситуации	0,593	<0,001

Расчет коэффициента α Кронбаха позволил выявить высокую внутреннюю согласованность по когнитивному, эмоциональному и поведенческому компонентам социально-сравнительной ревности (табл. 4).

Определение внутренней валидности методики. Внутренняя валидность методики проверялась по-

средством алгоритма «Корреляция с суммарным баллом»: подсчитывались коэффициенты корреляции между оценками 18 ситуаций по каждому критерию и суммарным баллом по соответствующему оцениваемому параметру внутри каждого блока. Использовался коэффициент корреляции Пирсона, так как шкалы являются количественными.

Таблица 3

Достоверность различий между шкалами опросника при первом и повторном тестировании

Table 3

Reliability of differences between questionnaire scales at the first and repeated testing

Пункты методики	Достоверность различий, p	Критерий t Стьюдента
Частота встречаемости с ситуациями	0,423	0,803
Когнитивный компонент		
Значимость	0,323	-0,990
Заслуженность	0,662	-0,438
Справедливость	0,675	-0,420
Правильность	0,601	-0,523
Объективность	0,584	0,549
Эмоциональный компонент		
Волнение	0,330	-0,976
Радость	0,242	1,172
Удивление	0,577	-0,558
Печаль	0,133	-1,506
Гнев	0,239	-1,181
Отвращение	0,339	0,959
Презрение	0,394	-0,854
Страх	0,336	-0,963
Стыд	0,616	-0,502
Вина	0,682	-0,411
Поведенческий компонент		
Восходящее сравнение	0,776	0,285
Латеральное сравнение	0,913	-0,109
Уход от ситуации	0,975	-0,031

Результаты показали, что каждый пункт методики имеет высокую диагностическую значимость и умеренно коррелирует с суммарным баллом по частоте встречаемости с ситуациями и по каждому когнитивному («значимость», «заслуженность», «справедливость», «правильность», «объективность»),

эмоциональному («волнение», «радость», «удивление», «печаль», «гнев», «отвращение», «презрение», «страх», «стыд», «вина») и поведенческому («восходящее сравнение», «латеральное сравнение», «уход из ситуации») критериям в пределах от 0,20 до 0,70 при значимости на уровне $p < 0,001$.

Таблица 4

**Коэффициент α Кронбаха
 для каждого пункта опросника**

Table 4

**Coefficient α Kronbaha
 for each point of a questionnaire**

Пункты методики	Коэффициент α Кронбаха
Когнитивный компонент	
Значимость	0,782
Заслуженность	0,874
Справедливость	0,872
Правильность	0,907
Объективность	0,862
Эмоциональный компонент	
Волнение	0,867
Радость	0,856
Удивление	0,805
Печаль	0,874
Гнев	0,823
Отвращение	0,789
Презрение	0,805
Страх	0,864
Стыд	0,840
Вина	0,841
Поведенческий компонент	
Восходящее сравнение	0,863
Латеральное сравнение	0,791
Уход из ситуации	0,843

Определение экологической валидности методики. Экологическую валидность В. Н. Дружинин определяет как «вид внешней валидности, которая показывает соответствие процедуры и условий лабораторного исследования “естественной” реальности» [42].

Для определения экологической валидности был использован частотный анализ, который показал, что респонденты более чем в 50 % случаев встречались с ситуациями, провоцирующими социально-сравнительную ревность (табл. 5).

Определение дискриминативности отдельных пунктов методики. Дискриминативность – «различающая способность теста в целом, а также отдельного тестового пункта, задания, указывающая на способность разделять испытуемых по уровню выполнения» [41, с. 220]. Согласно Л. Ф. Бурлачуку, определение дискриминативности достигается с помощью корреляции каждого задания с общим баллом всего теста: чем выше коэффициент корреляции, тем лучше дискриминативность задания [41].

Таблица 5

Частота вовлеченности в ситуации провокации
социально-сравнительной ревности

Table 5

Frequency of involvement into provocative
situations of social-comparison jealousy

№ п/п	Ситуации	Частота, %
1	Кто-то красивее, чем Вы	95,4
2	Кто-то имеет более впечатляющие результаты, чем Вы	93,8
3	Кто-то лучше выглядит, чем Вы	92,3
4	Кто-то более общителен и уверен в себе, чем Вы	86,0
5	Кто-то реализует свои потенциальные возможности лучше, чем Вы	91,3
6	Кто-то имеет фигуру лучше, чем у Вас	90,8
7	Кто-то более популярен, чем Вы	93,8
8	Кто-то выглядит более счастливым, чем Вы	75,4
9	Кто-то является более обеспеченным, чем Вы	92,3
10	Кто-то менее умный, чем Вы, получает более высокие оценки	74,9
11	Вы делаете ту же самую работу, что и кто-то, и при этом получаете меньше, чем он или она	69,7
12	Кто-то занимает высокое положение благодаря деньгам родителей или их высокому статусу	76,9
13	Кто-то покупает себе что-то, что Вы хотели, но не можете позволить себе купить	72,3
14	Кто-то более умный, чем Вы	90,8
15	Кто-то более талантливый, чем Вы	88,7
16	Вы должны учиться (работать), в то время как Ваш одноклассник (коллега) празднично проводит время	67,7
17	Кто-то добивается каких-то результатов через манипуляции, в то время как Вы старательно работаете для этого	64,6
18	Кто-то получает работу, которую Вы хотели получить	59,0

Результаты показали, что наиболее высокий коэффициент корреляции (0,70) встречается в когнитивном критерии справедливости и правильности. В эмоциональном критерии наиболее высокий коэффициент корреляции имеют эмоции радости (0,69), печали (0,64), презрения (0,68). В поведенческом блоке такая реакция, как восходящее сравнение, имеет наиболее высокий коэффициент корреляции (0,66). Можно заключить, что полученные данные свидетельствуют о наиболее высокой различительной способности указанных пунктов методики.

Таким образом, методика оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности была подвергнута ряду психометрических процедур, в ходе которых было установлено следующее:

- методика является надежной по критерию внутренней согласованности, а также по критерию устойчивости измеряемого признака;
- показатели методики обладают характеристиками внутренней и экологической валидности;
- пункты методики имеют умеренную различительную способность.

Все вышеизложенное дает основание заключить, что разработанная методика может быть использована для изучения когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций в ситуациях провокации социально-сравнительной ревности, а также применяться в качестве базового психодиагностического инструмента в психологической практике для изучения и дифференцирования личностных профилей индивидов, переживающих ревность в различных ситуациях социального сравнения.

Фрагменты блоков опросника

I. Ответьте, пожалуйста: сталкиваетесь ли Вы в жизни с такими ситуациями?

№ п/п	Ситуация	Да	Нет
1	Кто-то красивее, чем Вы		
2	Кто-то имеет более впечатляющие результаты, чем Вы		
3	Кто-то лучше выглядит, чем Вы		
4	Кто-то более общителен и уверен в себе, чем Вы		
5	Кто-то реализует свои потенциальные возможности лучше, чем Вы		

II. Представьте себе, что Вы столкнулись в жизни с перечисленными ниже ситуациями. Оцените, пожалуйста, *каждую из этих ситуаций* по их значимости, заслуженности, справедливости, правильности, объективности для Вас.

Итак, ситуация, когда...

«+» – ответ «да», «-» – ответ «нет»

№ п/п	Ситуация	Значимо	Заслуженно	Справедливо	Правильно	Объективно
1	Кто-то красивее, чем Вы					
2	Кто-то имеет более впечатляющие результаты, чем Вы					
3	Кто-то лучше выглядит, чем Вы					
4	Кто-то более общителен и уверен в себе, чем Вы					

III. Представьте себе, что Вы столкнулись в жизни с перечисленными ниже ситуациями. Оцените, пожалуйста, свои переживания, которые вызвала бы *каждая из этих ситуаций*.

Итак, ситуация, когда...

«+» – ответ «да», «-» – ответ «нет»

№ п/п	Ситуация	Волнение	Радость	Удивление	Печаль	Гнев	Отвращение	Презрение	Страх	Стыд	Вина
1	Кто-то красивее, чем Вы										
2	Кто-то имеет более впечатляющие результаты, чем Вы										
3	Кто-то лучше выглядит, чем Вы										
4	Кто-то более общителен и уверен в себе, чем Вы										

IV. Представьте себе, что Вы столкнулись в жизни с перечисленными ниже ситуациями. Выберите, пожалуйста, *одно действие*, которое Вы предприняли бы в *каждой из этих ситуаций*. Свой ответ обведите кружком – «О»

Итак, ситуация, когда...

1. Кто-то красивее, чем Вы:

- а) буду стараться стать красивее, чем он/она;
- б) буду стараться стать таким же красивым, как он/она;
- в) ничего не буду делать.

2. Кто-то имеет более впечатляющие результаты, чем Вы:

- а) постараюсь добиться еще более впечатляющих результатов, чем он/она;
- б) постараюсь добиться таких же впечатляющих результатов, как он/она;
- в) ничего не буду делать.

3. Кто-то лучше выглядит, чем Вы:
  - a) сделаю все, чтобы выглядеть значительно лучше, чем он/она;
  - b) сделаю все, чтобы выглядеть так же, как он/она;
  - c) ничего не буду делать.
4. Кто-то более общителен и уверен в себе, чем Вы:
  - a) буду стараться стать более общительным и уверенным в себе, чем он/она;
  - b) буду стараться стать таким же общительным и уверенным в себе, как он/она;
  - c) ничего не буду делать.
5. Кто-то реализует свои потенциальные возможности лучше, чем Вы:
  - a) постараюсь превзойти его/ее;
  - b) постараюсь сравняться с ним/ней;
  - c) ничего не буду делать.

Библиографические ссылки

1. Festinger L. A theory of social comparison processes. *Human Relations*. 1954;7:117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
2. Taylor SE, Buunk BP, Aspinwall LG. Social comparison, stress, and coping. *Personality and Social Psychology bulletin*. 1990;16(1):74–89. DOI: 10.1177/0146167290161006.
3. Corcoran K, Crusius J, Mussweiler T. Social comparison: motives, standards, and mechanisms. In: Chadee D, editor. *Theories in social psychology*. Oxford: Wiley–Blackwell; 2011. p. 119–139.
4. Silver M, Sabini J. The perception of envy. *Social Psychology*. 1978;41:105–117. DOI: 10.2307/3033570.
5. Самойленко ЕС. *Проблемы сравнения в психологическом исследовании*. Москва: Институт психологии Российской академии наук; 2010. 416 с.
6. Фурманов ИА, Лепешко КВ. Операционализация понятия ревность социального сравнения. В: Ракицкая АВ, Митрофанова ОГ, редакторы. *Актуальные проблемы психологии развития личности*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Я. Купалы; 2017. с. 325–327.
7. Jaremko ME, Lindsey R. Stress–coping abilities of individuals high and low in jealousy. *Psychological Reports*. 1979;44:547–553. DOI: 10.2466/pr0.1979.44.2.547.
8. Tesser A, Collins JE. Emotion in social reflection and comparison situations: intuitive, systematic, and exploratory approaches. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988;55:695–709.
9. Wilson E, Benner LA. The effects of self-esteem and situation upon comparison choices during ability evaluation. *Sociometry*. 1971;34:381–397.
10. Янчук ВА. *Введение в социальную психологию*. Минск: АСАР; 2005. 800 с.
11. Wills A, Suls J. *Commentary: neo-social comparison theory and beyond*. *Social comparison. Contemporary social comparison theory and research*. New York: Lawrence Erlbaum; 1991.
12. Wood JV. Theory and research concerning social comparisons of personal attributes. *Psychological bulletin*. 1989;106:231–248.
13. Buunk BP, Collins RL, Taylor SE, VanYperen NW, Dakof GA. The affective consequences of social comparison either direction has its ups and downs. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999;59(6):1238–1249.
14. Martin MC, Kennedy PF. Advertising and social comparison: consequences for female preadolescents and adolescents. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1980;9:320–340. DOI: 10.1002/mar.4220100605.
15. Wood JV, Giordano-Beech M. Strategies of social comparison among people with low self-esteem: self-protection and self-enhancement. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994;67(4):713–731.
16. Bers SA, Rodin J. Social-comparison jealousy: a developmental and motivational study. *Journal of Personal and Social Psychology*. 1984;47(4):766–779. DOI: 10.1037/0022-3514.47.4.766.
17. Salovey P, Rodin J. The differentiation of social-comparison jealousy and romantic jealousy. *Journal of Personal and Social Psychology*. 1986;50(6):1100–1112. DOI: 10.1037/022-3514.50.6.1100.
18. Kamphoff CS, Gill DL, Huddleston S. Jealousy in sport: exploring jealousy’s relationship to cohesion. *Journal of Applied Sport Psychology*. 2005;17:290–305. DOI: 10.1080/10413200500313578.
19. Aspinwall LG, Taylor SE. Effects of social comparison direction, threat, and self-esteem on affect, self-evaluation, and expected success. *Journal of Personal and Social Psychology*. 1993;64(5):708–722. DOI: 10.1037/022-3514.64.5.708.
20. Crocker J, Thompson L, McGraw K. Downward comparison, prejudice, and evaluations of others: effects of self-esteem and threat. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987;52(4):907–916. DOI: 10.1037/022-3514.52.5.907.
21. Ефремова ТФ. *Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. Том 2*. Москва: Русский язык; 2000. 1084 с.
22. Мур БЭ, Файн БД, редакторы. *Психоаналитические термины и понятия*. Боковикова АМ, Гриншпун ИБ, Фильц А, переводчики. Москва: Независимая фирма «Класс»; 2000.
23. Matsumoto D, editor. *The Cambridge dictionary of Psychology*. New York: Cambridge University Press; 2009. 271 p.
24. Орлов ЮМ. *Стыд. Зависть*. Москва: Слайдинг; 2005. 96 с.
25. Ерофеева КЛ. Зависть: философский аспект проблемы. *Личность. Культура. Общество*. 2008;1:328–335.
26. Бескова ТВ. Зависть и ревность: критерии сходства и различия понятий. В: Волохонская МС, Микляева АВ, редакторы. *Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции*. Москва: СВВТ; 2012. с. 58–65.
27. Neu J. *Jealous thoughts*. Los Angeles: University of California press; 1980. p. 425–463.
28. Spielman PM. Envy and jealousy: an attempt at clarification. *Psychoanalytic quarterly*. 1971;40:59–82.

29. Namid M. The relationship of self-esteem with jealousy in athletes and neurotic patients of Behbahan province. *Annals of Biological Research*. 2013;4(8):191–195.
30. Mikulincer M, Bizman A. An attributional analysis of social-comparison jealousy. *Journal of motivation and emotion*. 1989;13(4):320–345.
31. Фурманов ИА, Лепешко КВ. Ревность социального сравнения как аттитюд. *Право. Экономика. Психология*. 2017; 3(8):101–106.
32. Мещеряков БГ, Зинченко ВП, редакторы. *Большой психологический словарь*. Санкт-Петербург: АСТ; 2008. Совместно с «Прайм-еврознак».
33. Андреева ГМ. *Социальная психология*. Москва: Аспект Пресс; 2001.
34. Bryson JB. *Situational determinants of the expression of jealousy*. San Francisco: Lawrence Erlbaum; 1977. 376 p.
35. Salovey P, Rodin J. Some antecedents and consequences of social-comparison jealousy. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984;47:780–792.
36. Furnham A, Argyle M. *The psychology of social situations*. Oxford: Oxford University Press; 1981. 548 p.
37. Barlett C, Witkower Z, Mancini C, Saleem M. Breaking the link between provocation and aggression: the role of mitigating information. *Aggressive behavior*. 2016;42:555–562. DOI: 10.1002/ab.21650.
38. Suls J, Tesch F. Students preferences for information about their test performance: a social comparison study. *Journal of Applied Social Psychology*. 1978;8(2):189–197. DOI: 10.1111/j.1559-1816.1978.tb00776.x.
39. Изард КЭ. *Психология эмоций*. Санкт-Петербург: Питер; 2008. 484 с.
40. Фурманов ИА. Методика оценки эмоционального состояния. В: *Здоровье студенческой молодежи: достижения науки и практики на современном этапе. Материалы II Международной научно-практической конференции; 2000; Минск, Беларусь*. Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка; 2000. с. 38–39.
41. Бурлачук ЛФ. *Психодиагностика*. Санкт-Петербург: Питер; 2003. 351 с.
42. Дружинин ВН. *Экспериментальная психология*. Санкт-Петербург: Питер; 2000. 320 с.

References

1. Festinger L. A theory of social comparison processes. *Human relations*. 1954;7:117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
2. Taylor SE, Buunk BP, Aspinwall LG. Social comparison, stress, and coping. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1990;16(1):74–89. DOI: 10.1177/0146167290161006.
3. Corcoran K, Crusius J, Mussweiler T. Social comparison: motives, standards, and mechanisms. In: Chadee D, editor. *Theories in social psychology*. Oxford: Wiley–Blackwell; 2011. p. 119–139.
4. Silver M, Sabini J. The perception of envy. *Social Psychology*. 1978;41:105–117. DOI: 10.2307/3033570.
5. Samoilenko ES. *Problemy sravneniya v psichologicheskom issledovanii* [Problem of comparison in psychological research]. Moscow: Psychology Institute of Russian Academy of Sciences; 2010. 416 p. Russian.
6. Fourmanov IA, Lepeshko KV. [Operationalization concepts social-comparison jealousy]. In: Rakitskoy AV, Mitrofanovoy OG, editors. *Aktualnyie problemy psichologii razvitiya lichnosti*. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2017. P. 325–327. Russian.
7. Jaremko ME, Lindsey R. Stress-coping abilities of individuals high and low in jealousy. *Psychological reports*. 1979; 44:547–553. DOI: 10.2466/pr0.1979.44.2.547.
8. Tesser A, Collins JE. Emotion in social reflection and comparison situations: intuitive, systematic, and exploratory approaches. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988;55:695–709.
9. Wilson E, Benner LA. The effects of self-esteem and situation upon comparison choices during ability evaluation. *Sociometry*. 1971;34:381–397.
10. Yanchuk VA. *Vvedenie v sotsialnyuyu psichologiyu* [Introduction in social psychology]. Minsk: ASAR; 2005. 800 p. Russian.
11. Wills A, Suls J. *Commentary: neo-social comparison theory and beyond*. *Social comparison. Contemporary social comparison theory and research*. New York: Lawrence Erlbaum; 1991.
12. Wood JV. Theory and research concerning social comparisons of personal attributes. *Psychological bulletin*. 1989;106: 231–248.
13. Buunk BP, Collins RL, Taylor SE, VanYperen NW, Dakof GA. The affective consequences of social comparison either direction has its ups and downs. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999;59(6):1238–1249.
14. Martin MC, Kennedy PF. Advertising and social comparison: consequences for female preadolescents and adolescents. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1980;9:320–340. DOI: 10.1002/mar.4220100605.
15. Wood JV, Giordano-Beech M. Strategies of social comparison among people with low self-esteem: self-protection and self-enhancement. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994;67(4):713–731.
16. Bers SA, Rodin J. Social-comparison jealousy: a developmental and motivational study. *Journal of Personal and Social Psychology*. 1984;47(4):766–779. DOI: 10.1037/0022-3514.47.4.766.
17. Salovey P, Rodin J. The differentiation of social-comparison jealousy and romantic jealousy. *Journal of Personal and Social Psychology*. 1986;50(6):1100–1112. DOI: 10.1037/022-3514.50.6.1100.
18. Kamphoff CS, Gill DL, Huddleston S. Jealousy in sport: exploring jealousy's relationship to cohesion. *Journal of Applied Sport Psychology*. 2005;17:290–305. DOI: 10.1080/10413200500313578.
19. Aspinwall LG, Taylor SE. Effects of social comparison direction, threat, and self-esteem on affect, self-evaluation, and expected success. *Journal of Personal and Social Psychology*. 1993;64(5):708–722. DOI: 10.1037/022-3514.64.5.708.
20. Crocker J, Thompson L, McGraw K. Downward comparison, prejudice, and evaluations of others: effects of self-esteem and threat. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987;52(4):907–916. DOI: 10.1037/022-3514.52.4.907.
21. Efremova TF. *Novyyi slovar russkogo yazyka. Tolkovno-obrazovatelnyiy. Tom 2* [New Russian dictionary. Sencible-educational. Volume 2]. Moscow: Russkii yazyk; 2000. 1084 p. Russian.
22. Mura BE, Fayna BD, editors. *Psihoanaliticheskie terminy i ponyatiya* [Psychoanalytic terms and concepts]. Bokovikova AM, Grinshpuna IB, Filtsa A, translators. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass»; 2000. Russian.

23. Matsumoto D, editor. *The Cambridge dictionary of Psychology*. New York: Cambridge University Press; 2009. 271 p.
24. Orlov YuM. *Styid. Zavist* [Shame. Envy]. Moscow: Slayding; 2005. 96 p. Russian.
25. Erofeeva KL. [Envy: philosophical aspect at a problem]. *Lichnost. Kultura. Obschestvo*. 2008;1:328–355. Russian.
26. Beskova TV. [Envy and jealousy: criteria of similarity and distination of concepts]. In: Volohonskaya MS, Miklyaeva AV, editors. *Integrativnyiy podhod k psilogii cheloveka i sotsialnomu vzaimodeystviyu lyudey. Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Integrative approach to human psychology and social integration. Materials of II All-Russian scientific practical conference]. Moskva: SVIVT; 2012. p. 58–65. Russian.
27. Neu J. *Jealous thoughts*. Los Angeles: University of California press; 1980. p. 425–463.
28. Spielman PM. Envy and jealousy: an attempt at clarification. *Psychoanalytic quarterly*. 1971;40:59–82.
29. Hamid M. The relationship of self-esteem with jealousy in athletes and neurotic patients of Behbahan Province. *Annals of Biological Research*. 2013;4(8):191–195.
30. Mikulincer M, Bizman A. An attributional analysis of social-comparison jealousy. *Journal of motivation and emotion*. 1989;13(4):320–345.
31. Fourmanov IA, Lepeshko KV. [Social-comparison jealousy as attitude]. *Pravo. Ekonomika. Psihologiya*. 2017;3(8):101–106. Russian.
32. Mescheryakova BG, Zinchenko VP, editors. *Bolshoy psilogicheskiy slovar* [The big psychological dictionary]. Moscow, Saint Petersburg: AST; 2008. Co-publishing with «Praim-Evroznak». Russian.
33. Andreeva GM. *Sotsialnaya psilogiya* [Social psychology]. Moscow: Aspekt press; 2001. Russian.
34. Bryson JB. *Situational determinants of the expression of jealousy*. San Francisco: Lawrence Erlbaum; 1977. 376 p.
35. Salovey P, Rodin J. Some antecedents and consequences of social-comparison jealousy. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984;47:780–792.
36. Furnham A, Argyle M. *The psychology of social situations*. Oxford: Oxford University Press; 1981. 548 p.
37. Barlett C, Witkower Z, Mancini C, Saleem M. Breaking the link between provocation and aggression: the role of mitigating information. *Aggressive behavior*. 2016;42:555–562. DOI: 10.1002/ab.21650.
38. Suls J, Tesch F. Students preferences for information about their test performance: a social comparison study. *Journal of Applied Social Psychology*. 1978;8(2):189–197. DOI: 10.1111/j.1559-1816.1978.tb00776.x.
39. Izard KE. *Psihologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. Saint Petersburg: Piter; 2008. 484 p. Russian.
40. Furmanov IA. [Technique of emotional stete estimation]. In: *Zdorove studencheskoy molodezhi: dostizheniya nauki i praktiki na sovremennom etape. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 2000; Minsk, Belarus* [Student health: Material II International scientific-practical conference; 2000; Minsk, Belarus]. Minsk: Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University; 2000. p. 38–39. Russian.
41. Burlachuk LF. *Psihodiagnostika* [Psychodiagnosics]. Saint Petersburg: Piter; 2003. 351 p. Russian.
42. Druzhinin VN. *Eksperimentalnaya psilogiya* [Experimental psychology]. Saint Petersburg: Piter; 2000. 320 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 23.10.2018.
Received by editorial board 23.10.2018.

УДК 316.776

ПРОВОКАТИВНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

А. С. СОЛОДУХО¹⁾, А. В. ЛОЗОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается история возникновения понятия «провокативность» и хронология его употребления в русскоязычных научных источниках. На основании анализа психологических публикаций, содержащих термин «провокативность», выводятся три основных значения термина в зависимости от контекста употребления: провокативность может рассматриваться в качестве полного синонима к термину «провокационность» в нейтральной коннотации; в качестве психологического воздействия, обладающего стимулирующим потенциалом (антонима к термину «провокационность» в негативной коннотации); в качестве гипонима по отношению к термину «манипулятивность» в нейтральной коннотации. Предлагается авторское определение понятия «провокативность» в контексте интернет-коммуникации.

Ключевые слова: провокативность; провокационность; провокация; стимул; манипуляция; интернет-коммуникация.

PROVOCATIVENESS IN INTERNET COMMUNICATION: THE PROBLEM OF CONCEPT DEFINING

A. S. SALADUKHA^a, A. V. LAZOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. V. Lazouski (lozovskiy.1992@mail.ru)

This article examines the history of the concept of «provocativeness» and the chronology of its use in Russian-language scientific sources. Based on the analysis of psychological publications which texts contained the term «provocativeness», the three main meanings of this term are highlighted (depending on the context of its use): in the texts of various authors, the term «provocativeness» can be considered as a synonym for the phrase «motivating for reaction» in neutral connotation, as a psychological effect with a stimulating potential (in positive connotation), as well as a hyponym for the term «manipulative» in neutral connotation. The author's definition of the concept «provocativeness» in the context of Internet communication is proposed.

Key words: provocativeness; provocation; incentive; manipulation; Internet communication.

Провокативность является характерной чертой некоторых категорий пользователей интернета середины 2010-х гг., в частности контент-мейкеров (блоггеров, видеоблоггеров, интернет-журналистов и др.) и интернет-троллей. Однако прежде, чем дать определение понятию «провокативность в ин-

---

Образец цитирования:

Солодухо АС, Лозовский АВ. Провокативность в интернет-коммуникации: проблема определения понятия. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019;1:104–109.

For citation:

Saladukha AS, Lazouski AV. Provocativeness in internet communication: the problem of concept defining. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;1:104–109. Russian.

Авторы:

Александр Сергеевич Солодухо – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Александр Валерьевич Лозовский – преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Aliaksander S. Saladukha, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

asoloduho@gmail.com

Aliaksander V. Lazouski, lecturer at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

lozovskiy.1992@mail.ru

тернет-коммуникации», необходимо рассмотреть историю возникновения и специфику употребления данного термина в научных публикациях.

Термин «провокация» произошел от латинского *provocatio*, которое в прямом переводе обозначает «вызов» [1]. Несмотря на то что по версии М. Фасмера данное понятие присутствовало в тезаурусе русского языка со времен правления Петра I [2, с. 372], активное использование термина «провокативность» носителями языка началось лишь в конце первого десятилетия XX в. в связи с широким освещением в прессе Российской империи так называемого дела Азефа (в рамках которого был разоблачен революционер, являвшийся при этом сотрудником Департамента полиции). Из стенограммы речи, произнесенной государственным деятелем П. Столыпиным в 1909 г., следует, что участники революционного движения характеризовали термином «provokator» как тайно внедрившихся в революционную группу полицейских, так и их информаторов [3, с. 189–190]. Позже, в 1920–30-х гг., термин «provokator» стал использоваться в советской государственной прессе и советской литературе как синоним к терминам «предатель» и «подлец» [4, с. 96, 269–270]. Данное обстоятельство нашло отражение в толковых словарях русского языка, вышедших в первой половине XX в. (в частности, в словарях Д. Ушакова и С. Ожегова), закрепив за понятием «провокация» стойкую негативную коннотацию в бытовом общении. В то же время термин «provokatsionnyy» начал использоваться в советской прессе первой половины XX в. в качестве синонима к термину «возмутительный».

В 2017 г. филолог С. Тумский проанализировал специфику употребления термина «провокация» в контекстах современных русскоязычных научных публикаций в сфере политологии, юриспруденции, философии и лингвистики. Результаты исследования показали, что исследователи зачастую описывают провокацию как преднамеренное, многоэтапное, потенциально неочевидное для провоцируемого действие, призванное поставить адресата в ситуацию, сопряженную с определенным риском (и, следовательно, потенциальным ущербом), при этом происходит провокация объекта на совершение определенных действий [5, с. 3].

Как отмечает культуролог Т. Шеметова, ни в латинском языке, ни в современных европейских языках понятие «провокация» не рассматривается исключительно в негативном контексте [6, с. 12–13]. Аналогично исследователи А. Дмитриев и А. Сычев указывают на то, что «в большинстве европейских языков слово “провокация” имеет нейтральный смысл и обозначает всякое действие, нацеленное на вызов ответной реакции», однако «в отечественной традиции провокация понимается преимущественно в негативном значении: как манипулятивная деятельность, которая паразитирует на доверии

и использует подстрекательство, предательство и обман ради нанесения противнику как можно большего ущерба» [7, с. 296]. По нашему мнению, наиболее приближенная к истине версия возникновения в русском языке термина «провокативность» – стремление авторов избавиться понятие «провокация» от негативной коннотации.

В 1974 г. американские психотерапевты Ф. Фаррелли и Д. Брандсма выпустили книгу *Provocative Therapy*, которая в 1996 г. была переведена и опубликована издательством «Екатеринбург» под названием «Provokatsionnaya terapiya». Однако русскоязычные последователи Ф. Фаррелли стали называть себя «provokatsionnyimi terapevtami», вероятно, опасаясь, что по ряду причин название «provokatsionnyy terapevt» привлечет к себе гораздо меньший интерес клиентов. Стоит отметить, что в 2012 г., когда словосочетание «provokatsionnyy terapevt» стало устоявшимся, данная работа была официально переиздана компанией «Е-Принт» под названием «Provokatsionnaya terapiya» [8].

Представляется невозможным установить, когда и кем именно был впервые употреблен неологизм «provokatsionnyy», однако известно, что уже в 2001 г. он использовался в названии научной статьи психолога Е. Морозовой [9]. В июне 2003 г. в газете «Коммерсантъ. Деньги» было опубликовано интервью с Ф. Фаррелли, содержащее в себе словосочетание «provokatsionnaya terapiya» [10]. В том же году вышла монография исследователя В. Степанова, в названии которой употреблялся термин «provokatsionnyy» [11], а также статья Е. Карпиевич и Т. Красновой, в тексте которой также присутствовал данный термин [12, с. 43]. Перечисленные обстоятельства указывают на то, что в период с 1996 по 2003 г. термины «provokatsionnyy» и «provokatsionnyy» начали использоваться носителями русского языка наряду с терминами «provokatsionnyy» и «provokatsionnyy».

В период с 2004 по 2005 г. вышли две статьи и диссертация В. Степанова (2004, 2005), а также статья и диссертация Е. Морозовой (2005), каждая из работ содержала термин «provokatsionnyy» в названии. В период с 2006 по 2010 г. вышли еще как минимум двенадцать научных статей, в названии которых обнаруживается слово «provokatsionnyy». Это работы В. Степанова (2006, 2008, 2009), А. Енина (2006, 2008, 2009, 2010), Н. Кошкарновой (2007, 2008, 2009), Е. Хуртовой (2007) и С. Сорокиной (2008). В 2013 г. с употреблением данного термина в названии вышли работы А. Енина, Е. Гусевой, Н. Сюевой, А. Штеба, а в 2014 г. – В. Степанова, А. Зобовой. В публикациях, вышедших в 2015 г., упоминаются такие словосочетания, как «provokatsionnyy diskurs» (А. Козлов, И. Саженин), «provokatsionnaya taktika» (Н. Кошкарнова), «provokatsionnyy zhest» (З. Мелосик, Т. Шкудляр) и др. Филолог Л. Икитян выпустила три ста-

ть с употреблением термина «провокативный» в названии в 2016 г. и одну в 2017 г. Также в 2017 г. исследователи А. Дмитриев и А. Сычев опубликовали монографию, посвященную изучению провокации как феномена, в работе термин «провокативный» и его производные встречаются 26 раз, а «провокационный» и его производные – 102 раза [6]. Таким образом, мы можем констатировать, что в период с 2001 по 2017 г. термин «провокативный» начал активно использоваться исследователями, работающими в направлениях психологии, философии и филологии.

Проведенный нами анализ научных публикаций, относящихся к теме психологии и содержащих в своих текстах термин «провокативность» либо его производные, позволил выявить три основных значения понятия в зависимости от контекста употребления его различными исследователями.

В текстах первой группы авторов понятие «провокативность» синонимично понятию «провокационность» в нейтральном контексте. В данном случае термин обладает нейтральной коннотацией и характеризует некое явление (например, действие или высказывание), содержащее в себе провокацию, т. е. побуждающее объект провокации к определенной, заранее ожидаемой провокатором реакции. Провокативность либо провокационность при этом рассматривается авторами не как совершение вредоносных действий, приводящих исключительно к нанесению урона провоцируемому, а, напротив, в рамках концепции провокативной психотерапии Ф. Фаррелли [8] и схожей с ней концепции провокативной педагогики А. Енина [13] как действие, при котором объект провокации (в частности, клиент либо обучающийся) побуждается провокатором к размышлениям, приводящим, как ожидает провокатор, адресата к обретению самостоятельности в суждениях и действиях. Впрочем, исследователи не характеризуют «провокативность» как исключительно позитивное явление, что указывает на возможность некачественного провокативного терапевта либо педагога нанести вред клиенту либо обучающемуся. В статьях Е. Хуртовой и Н. Сюевой понятие «провокативный» в большинстве случаев используется как элемент устоявшихся словосочетаний, характерных для дискурса в рамках метода Ф. Фаррелли (таких как «провокативная коммуникация», «провокативный терапевт» и др.) [14; 15]. В работе А. Зобовой, равно как и в труде А. Козлова и И. Саженина, термин «провокативность» может быть заменен на термин «провокационность» без значительных семантических потерь [16; 17]. Возможно, авторы не пожелали использовать последний из-за связанной с ним негативной коннотации либо пришли к выводу о том, что термин «провокационный» будет вносить в их тексты двусмысленность (к примеру, выражение «провокационный дискурс» может трактоваться читателем неодно-

значно, т. е. либо как дискурс, включающий в себя разнообразные контексты, связанные с феноменом провокационности как свойства некоего объекта, либо как дискурс, способный спровоцировать человека, наблюдающего за его протеканием со стороны, на некое действие). В работе А. Дмитриева и А. Сычева термины «провокативный» и «провокационный» используются как равноценные синонимы, при этом оба они употребляются преимущественно в нейтральной коннотации и являются взаимозаменяемыми: исследователи используют каждый термин в сочетании с такими понятиями, как «поведение» или «действие», при этом смысл словосочетаний остается неизменным. Кроме того, в самом тексте не приводится указаний на какое-либо семантическое различие между терминами «провокативный» и «провокационный» [7].

В текстах второй группы авторов понятие «провокативность» антонимично понятию «провокационность» в негативном контексте (когда под последним подразумевают деятельность, наносящую объекту провокации ущерб). В данной трактовке термин «провокация» обладает позитивной коннотацией и рассматривается в качестве стимулирующего и развивающего фактора. Основоположником такого подхода является психолог Е. А. Морозова, интегрировавшая понятие «провокативность» в социальную психологию в 2005 г. Согласно одному из определений автора провокативность представляет собой «психологическое воздействие, которое вызывает напряжение, фрустрацию», но при этом «как по намерениям провоцирующей стороны, так и по результату не несет разрушительных негативных последствий для объекта воздействия» и «способствует позитивным изменениям, обладает стимулирующим потенциалом» (т. е. выполняет функцию «катализатора развития») [18, с. 19–21]. Аналогичной точки зрения придерживается психолог С. Е. Сорокина, которая использует концепцию Е. А. Морозовой в качестве одного из элементов теоретического базиса своего исследования [19]. Работа психолога Е. С. Гусевой демонстрирует, что провокативность способна не только выступать в качестве коммуникативной стратегии и метода социального-психологического воздействия, но и выполнять художественно-выразительную и смыслообразующую функции [20]. Оптимистичного взгляда на понятие провокационности придерживается также психолог А. Полонников, описывая методологическую концепцию «педагога как трикстера», в рамках которой провокация выступает преимущественно в качестве стимула для развития навыков и способностей обучающихся [21, с. 276–283].

Наконец, в текстах третьей группы авторов понятие «провокативность» является гипонимом по отношению к понятию «манипулятивность» в нейтральном контексте. Провокация в этом случае рассматривается либо как частный случай манипу-

ляции, либо как действие, содержащее в себе элементы манипуляции (при этом понятие манипуляции может трактоваться автором в максимально общем смысле, включающем в себя не только злонамеренные действия манипулятора, но и бытовые действия, лежащие в основе социальной интеракции). Провокативность, понимаемая в первую очередь как манипулятивный акт, подразумевает наличие у провокатора заранее продуманного плана действий и намеренность на исполнение данного плана. К примеру, в работах филолога В. Степанова понятие «провокация» зачастую указывает на речевую конструкцию как на стимул, намеренно применяемый одним участником коммуникации к другому для того, чтобы вызвать у последнего определенную, заранее ожидаемую первым реакцию (о чем сам объект провокации не догадывается) [22]. Исследователь рассматривает речевую провокацию как способ описания отношений между репликами в рамках диалога: когда реплика одного участника коммуникации направлена на то, чтобы вызвать (спровоцировать) ответную реакцию другого участника коммуникации в качестве реплики [23, с. 177]. Примером провокации такого типа может являться фрагмент диалога покупателя с продавцом, в рамках которого покупатель при помощи речевых конструкций манипулирует поведением продавца (провоцируя его передать определенный товар в обмен на деньги), либо фрагмент взаимодействия кондуктора и пассажира в транспорте, в рамках которого первый провоцирует второго предъявить проездной талон. Аналогичного взгляда на родственность понятия «провокация» понятию «манипуляция» (и, следовательно, близости понятий «провокация» и «манипулятивность») придерживается филолог Н. Кошкарлова: схожесть обнаруживается при анализе косвенного провокативного общения, которое, согласно автору, «выражается посредством речевых актов намека, запроса информации, этикетных речевых актов (изначально выгодных для адресанта и адресата – комплиментов, благодарностей, извинений и т. д.)». Такая завуалированная, тайная провокация (являющаяся, по сути, манипуляцией) противопоставляется исследователем прямой провокации, речевые акты которой содержат «эксплицитное выражение намерения адресанта вызвать у собеседника желаемое психологическое состояние» [24, с. 51].

В дополнение к перечисленным выше определениям понятия «провокация» необходимо предложить еще одно, отражающее специфику употребления данного термина в условиях дискурса психологии интернет-коммуникации. Согласно нашим наблюдениям, пользователи русскоязычных интернет-ресурсов зачастую употребляют термин «провокация» для обозначения стремления провокатора вызвать определенную реакцию у объекта провокации при помощи воздействия

на его эмоциональное состояние. В зависимости от условий употребления данный термин может иметь нейтральную (указание на стремление к провоцированию) либо негативную (выражение пренебрежения говорящего по отношению к материалу, автор которого, как считает говорящий, стремился спровоцировать определенную реакцию реципиентов) коннотацию. Зачастую термин «провокация», если он применяется для характеристики качества того или иного интернет-контента, указывает на то, что говорящий интерпретировал некий элемент данного контента как «свидетельство» стремления провокатора вызвать у аудитории (на которую рассчитан контент) некую реакцию.

Важно отметить семантическое различие между понятиями «провокационность» и «провокация» в контексте интернет-коммуникации. Термин «провокационный», в зависимости от контекста, констатирует, что определенное действие провокатора потенциально способно вызвать либо уже вызвало у реципиента некую ответную реакцию. Термин «провокация» указывает в первую очередь на осознанное стремление актора совершить действия, которые спровоцируют реципиента на определенную, заранее ожидаемую актором ответную реакцию.

В дополнение к этому термин «провокация» подразумевает, что провокация может как достигать поставленной провокатором цели (т. е. вызывать у объекта провокации прогнозируемую провокатором и выгодную ему реакцию), так и не достигать ее (т. е. игнорироваться объектом провокации либо вызывать у него реакцию, которая невыгодна провокатору).

Интернет-пользователи по умолчанию считают, что, прежде, чем опубликовать определенный материал, автор должен сформулировать идею. После этого он осознанно воплощает ее в виде некоего сообщения (в текстовой, графической, аудиальной либо аудиовизуальной форме), а затем намеренно выкладывает информацию в открытый доступ. Следовательно, действия актора в интернет-коммуникации обычно рассматриваются другими участниками как намеренные (исключая ситуации, когда пользователь заранее предупреждает других участников об обратном, например, о взломе своего аккаунта).

К признакам, на основании которых участник интернет-коммуникации может заключить, что создатель контента стремился спровоцировать реципиентов на определенную реакцию, относим следующие:

- 1) использование автором тем, способных побудить зрителей к переживанию определенных эмоций (темы одиночества, печали и утраты могут спровоцировать у реципиента чувство жалости, а тема несправедливости, в зависимости от пода-

чи, может также провоцировать жалость либо гнев и т. д.);

2) высказывание автором мнения, не соответствующего контексту ситуации (критика рок-музыки на сайте поклонников данного направления, злорадство либо критика популярного человека в комментариях к новости о его гибели);

3) высказывание автором мнения, которое противоречит моральным нормам современного общества и с высокой долей вероятности будет воспринято отрицательно большинством его представителей (оправдание насилия над домашними животными, утверждение об исключительной пользе потерь военного и гражданского населения в результате Второй мировой войны для предотвращения перенаселения Земли в середине XX в.);

4) инструкция либо открытый призыв к совершению определенных действий (просьба поставить под запись «лайк», распространить некое сообщение либо помочь со сбором денежных средств и др.);

5) унижение или оскорбление конкретного пользователя интернет-коммуникации либо определенной группы людей, объединенной как минимум одним признаком.

Таким образом, в работах русскоязычных исследователей термин «провокативность», в зависимости от контекста употребления, может выступать в качестве синонима к термину «провокационность», в качестве характеристики «психологического воздействия, обладающего стимулирующим потенциалом», и в качестве гипонима по отношению к термину «манипулятивность». Предложенная нами четвертая характеристика рассматривает понятие «провокативность» в контексте интернет-коммуникации как «стремление провокатора к вызову определенной реакции у объекта провокации при помощи воздействия на его эмоциональное состояние» (при этом подразумевается, что провокатор действует намеренно, с целью достичь заранее ожидаемых результатов).

Библиографические ссылки

1. Дворецкий ИХ. *Латинско-русский словарь*. Москва: Русский язык; 1976.
2. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка. Том 3*. Турбачев ОН, переводчик. Москва: Прогресс; 1987.
3. Столыпин ПА. Речь о деле Азефа, произнесенная в Государственной Думе 11 февраля 1909 года, в ответ на запросы № 51, 52. В: Фельштинский ЮГ, редактор. *Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911 гг.* Москва: Молодая гвардия; 1991.
4. *История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)*. Москва: Правда; 1938.
5. Тумский СВ. Провокация как социальное действие: определение феномена в контексте кроссдисциплинарного анализа. *Социодинамика*. 2017;8:1–11.
6. Шеметова ТН. Искусство провокации и идеальный провокатор. *Обсерватория культуры*. 2014;1:11–17.
7. Дмитриев АВ, Сычев АА. *Провокация: социофилософские очерки*. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга; 2017.
8. Фаррелли Ф, Брандсма Д. *Провокативная терапия*. Кучиния П, переводчик. Екатеринбург: Е-Принт; 2012.
9. Морозова ЕА. Провокативность как метод социально-психологического воздействия (на примере авангардного искусства). В: Кондратьев МЮ, Сачкова ЕМ, редакторы. *Социально-психологические проблемы образования: вопросы теории и практики. Часть 2*. Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет; 2001. с. 28–41.
10. Алеева Е. Консультация в духе провокации. *Коммерсантъ. Деньги* [Интернет]. 16 июня 2003 [процитировано 29 сентября 2018]. 23(428). Доступно по: <https://www.kommersant.ru/doc/388873>.
11. Степанов ВН. *Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации*. Санкт-Петербург: Роза мира; 2003.
12. Карпиевич ЕФ, Краснова ТИ. Задачи и способы организации работы с текстом (на основе таксономии Б. Блума). *Работа с текстом. Выпуск 1*. Минск: ПроPILEI; 2003. с. 21–46. (Современные технологии университетского образования).
13. Енин АВ. Психология «Провокативной педагогики»: некоторые аспекты теории и методики. *Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки*. 2009;2:252–255.
14. Хуртова ЕА. Провокативная психотерапия в психологии управления: мотивирование персонала. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология»*. 2007;2:134–138.
15. Сюзева НВ. Провокативные приемы при формировании антикоррупционного сознания. *Образование и наука*. 2013;3:46–57. DOI: 10.17853/1994-5639-2013-3-46-57.
16. Зобова АА. Провокативность медиапространства: аксиологический аспект. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2014;1:434–438.
17. Козлов АЕ, Саженин ИИ. Провокативный дискурс как объект лингвистического анализа. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2015;5:142–155. DOI: 10.15293/2226-3365.1505.13.
18. Морозова ЕА. *Социально-психологическое исследование художественной провокативности (на примере современного авангардного искусства)* [диссертация]. Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет; 2005.
19. Сорокина СЕ. Акмеологический потенциал провокативности. *Вестник Костромского государственного университета*. 2008;2:170–174.
20. Гусева ЕС. Художественная провокативность: метод-прием-цель (на примере музыкальных текстов и художественных проектов современного искусства). *Обсерватория культуры*. 2013;4:47–52.
21. Полонников АА. *Дискурс-анализ событий образования. Критическое исследование*. Минск: Белорусский государственный университет; 2013.

22. Степанов ВН. *Провокативный дискурс массовой коммуникации* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2005.
23. Степанов ВН. Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики. *Московский лингвистический журнал*. 2003;6(2):157–180.
24. Кошкарлова НН. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2009;10:48–52.

References

1. Dvoretzkiy IH. *Latinsko-Russkiy Slovar* [Latin-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk; 1976. Russian.
2. Vasmer M. *Russisches etymologisches wörterbuch. Banden 3*. Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag; 1953. Russian edition: Vasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka. Chast' 3*. Turbachov ON, translator. Moscow: Progress; 1987.
3. Stolypin PA. [A speech on Y. Azef's case, delivered in the State Duma on February 11, 1909, in response to inquiries No. 51, 52]. In: Fel'shtinskii YuG, editor. *Polnoe sobranie rechey v Gosudarstvennoi Dume i Gosudarstvennom sovete, 1906–1911 gg.* [The complete collection of speeches at the State Duma and State Council, 1906–1911]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1991. Russian.
4. *Istoriya Vsesoyuznoy Communisticheskoy partii (bolshevikov)* [History of the All-Union communist party (Bolsheviks)]. Moscow: Pravda; 1938. Russian.
5. Tumskiy SV. [Provocation as a social act: definition of the phenomena in a context of crossdisciplinary analysis]. *Sotsiodinamika*. 2017;8:1–11. Russian.
6. Shemetova TN. [Art of provocation and perfect provocateur]. *Observatory of culture*. 2014;1:11–17. Russian.
7. Dmitriev AV, Sychev AA. *Provokatsiya: sotsiologicheskoye ocherki*. [Provocation: socio-philosophical essays]. Moscow: Center of social forecasting and marketing; 2017. Russian.
8. Farrelly F, Brandsma JM. *Provocative therapy*. Cupertino: Meta publications; 1975. Russian edition: Farrelly F, Brandsma JM. *Provokativnaya terapiya*. Kuchinina L, translator. Ekaterinburg: E-Print; 2012.
9. Morozova EA. [Provocativeness as a method of social and psychological influence (on the basis of avant-garde art)]. In: Kondrat'ev MY, Sachkova EM, editor. *Sotsialno-psichologicheskiye problemye obrazovaniya: voprosy teorii i praktiki. Chast' 2*. [Social and psychological problems of education: questions on theory and practice. Part 2]. Moscow: Moscow State University of Psychology and Pedagogy; 2001. p. 28–41. Russian.
10. Aleeva E. The consultation in the spirit of provocation. *Kommersant. Den'gi* [Internet]. 2003 June 16 [cited 2018 September 29]. 23(428). Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/388873>. Russian.
11. Stepanov VN. *Provokativnyy diskurs sotsialno-kulturnoy kommunikatsii* [Provocative Discourse of the Sociocultural Communication]. Saint Petersburg: Roza mira; 2003. Russian.
12. Karpievich EF, Krasnova TI. [Tasks and Ways of the Organization of Work with the Text (On the Basis of B. Blum's Taxonomy)]. *Rabota s tekstom. Chast' 1* [Work with the text. Issue 1]. Minsk: Propilei; 2003. p. 21–46 (Modern technologies of university education). Russian.
13. Enin AV. Psychology of provocative pedagogy: some aspects of theory and methodology. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2009;2:252–255. Russian.
14. Khurtova E. Provocative therapy in management: motivation. *The bulletin of the Samara Humanitarian Academy. A series of «Psychology»*. 2007;2:134–138. Russian.
15. Syuzeva NV. Provocative methods of Non-Corrupt Consciousness Formation. *The education and sciences journal*. 2013;1:46–57. Russian. DOI: 10.17853/1994-5639-2013-3-46-57.
16. Zobova AA. Provocativeness of media space: an axiological aspect. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014;1:434–438. Russian.
17. Kozlov AE, Sazhenin II. Provocative discourse as an object of linguistic investigation. *Novosibirsk State Pedagogical University bulletin*. 2015;5:142–155. Russian.
18. Morozova EA. *Sotsialno-psichologicheskoe issledovanie khudozhestvennoy provokativnosti (na primere sovremennogo avantgardnogo iskusstva)* [Sociopsychological research of an art provocativeness (on the basis of modern avant-garde art)] [dissertation]. Moscow: Moscow State University of Psychology and Pedagogy; 2005. Russian.
19. Sorokina SE. [Acmeological Potential of Provocativeness]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;14(2):170–174. Russian.
20. Guseva ES. Artistic provocativeness: method – technique – purpose as exemplified by musical texts and contemporary art projects. *Observatory of culture*. 2013;4:47–52. Russian.
21. Polonnikov AA. *Diskurs-analiz sobityy obrazovaniya. Kriticheskoe issledovanie* [Discourse-analysis of the events in education field. Critical research]. Minsk: Belarussian State University; 2013. Russian.
22. Stepanov VN. *Provokativnyi diskurs massovoi kommunikatsii* [Provocative Discourse of Mass Communication] [dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 2005. Russian.
23. Stepanov VN. [Provocative Question from the Pragmalinguistic Position]. *Moscow Journal of Linguistics*. 2003;6(2):157–180. Russian.
24. Koshkarova NN. [Linguistic mechanisms of verbal aggression in mass media]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. 2009;10:48–52. Russian.

УДК 159.923.33

ПРОЦЕСС ВИКТИМИЗАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

О. Ю. РОГАТЕНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрено понимание виктимизации как процесса превращения индивида в жертву неблагоприятных обстоятельств жизнедеятельности. Раскрыты структура виктимизации и ее уровни. Описаны особенности криминогенной и виктимогенной ситуаций. Выделены факторы виктимизации белорусов на основе анализа научных разработок в данном направлении. Рассмотрены последствия виктимизации.

Ключевые слова: виктимизация; структура виктимизации; виктимность; жертва; факторы виктимизации; социальная среда; криминогенная и виктимогенная ситуации.

PROCESS OF VICTIMIZATION AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

O. Y. ROHATSEN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The conception of victimization as a process of turning an individual into a victim of unfavorable circumstances of life was considered in the article. The structure of victimization and its levels were disclosed. Features of criminogenic and victimogenic situations were described. The factors of victimization of Belarusians were identified according to the analysis of scientific developments in this direction. The consequences of victimization were also considered in the article.

Key words: victimization; structure of victimization; victimity; victim; factors of victimization; social environment; criminogenic and victimogenic situations.

В обществе постоянно совершаются разнообразные преступления, причиняющие существенный материальный, моральный, физический и социальный ущерб как отдельным гражданам, так и социальным группам или обществу в целом. Преступления приводят к дестабилизации социальной жизни, затрудняют развитие социума, делают граждан жертвами.

Виктимизация (от лат. *viktima* – жертва) в узком смысле представляет собой процесс и результат

превращения лица в жертву преступных посягательств (В. Д. Ривман) [1, с. 80]. Социальная педагогика толкует виктимизацию шире: «процесс и результат превращения человека или группы людей в тот или иной тип жертвы неблагоприятных условий социализации» [2, с. 14]. Представители клинической социологии в виктимизации усматривают «культурно-генетическую» и «социогенетическую» природу и связывают ее с дефицитарной (от лат. *deficit* – недостает), недостаточной, ограниченной

Образец цитирования:

Рогатень О.Ю. Процесс виктимизации как социально-психологическое явление. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:110–116.

For citation:

Rohatsen OY. Process of victimization as a socio-psychological phenomenon. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:110–116. Russian.

Автор:

Олег Юрьевич Рогатень – аспирант кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Oleg Y. Rohatsen, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences. f9lhwcq@mail.ru

социализацией, приводящей к психоэмоциональному неблагополучию, социальной деструкции личности, ее дезадаптации [3, с. 21].

Термин *victimization* означает приобретение статуса потерпевшего или регистрацию в качестве потерпевшего, т. е. виктимизация – это процесс превращения человека в жертву преступления, конечный результат данного процесса.

Виктимизация обусловлена сложным комплексом детерминирующих факторов. Виктимологическая ситуация, как единый процесс, состоит из обстоятельств формирования личности с повышенными виктимными качествами, конкретной предпреступной ситуации, самого преступления и его последствий, в которых реализуется индивидуальная виктимность. Виктимологическая и криминологическая ситуации взаимосвязаны, поскольку практически на всех этапах они совпадают, отличаясь лишь точками зрения преступника и жертвы. Кроме того, потенциальная жертва часто принимает участие в формировании намерений потенциального преступника в рамках начального аспекта виктимологической и криминологической ситуаций, т. е. создает благоприятные условия для причинения вреда: совершает неэтичные или провокационные поступки, находится в наркотическом или алкогольном опьянении, не проявляет должную осторожность и т. д.

Виктимизация является глубоким кризисом личности и характеризуется утратой упорядоченных представлений о миропорядке, атакой самого себя как автономной личности, возникновением трудностей с самоутверждением, самоконтролем, независимостью, социальным взаимодействием. Сокращению масштабов виктимизации, предупреждению и снижению преступности в определенной степени может способствовать фиксация данных факторов и воздействие на них со стороны правоохранительных органов и других общественных структур.

Если виктимность является предрасположенностью индивида к тому, чтобы стать жертвой неблагоприятных обстоятельств жизнедеятельности, то виктимизация – это реализованная виктимность. Иными словами, виктимность – причина, а виктимизация – следствие [4]. Разделение на причины и следствия достаточно условно, поскольку последствия одного явления (например, субъект терпит насилие со стороны семьи) могут стать причиной другого (данный субъект сам становится насильником).

К проблеме виктимизации обращались такие науки, как криминология, виктимология, педагогика, кризисная психология и др.

С этимологической и предметно-содержательной точки зрения виктимизация является «социально детерминированным, опосредованным личностью и обусловленным деструктивным взаимодействием личности с социальной средой процессом причинения ей (личности) физического, матери-

ального, морального и другого вреда посредством уголовно-противоправных деяний» [5, с. 37]. Причинение вреда является следствием криминализации общества, неразрывно связанной с виктимизацией [6, с. 20].

Если рассматривать виктимизацию как общую совокупность всех преступлений, повлекших за собой причинение вреда конкретному индивиду или какой-либо общности, то понимание виктимизации будет соответствовать пониманию преступности как меры обобщения человеческой деструктивности [1, с. 80].

Виктимизация обладает определенной структурой, в которую на индивидуальном уровне входят такие элементы, как субъект и объект виктимизации, субъективная (эмоционально-волевая) и объективная (ситуативная) стороны виктимизации. На массовом уровне в структуру виктимизации входят аналогичные элементы в виде определенных суммарных выражений наиболее типичных качеств индивидуальной виктимности.

Субъектом индивидуальной виктимизации всегда является физическое лицо, непосредственная жертва преступления (потерпевший), а массовой виктимизации – множество, совокупность жертв индивидуальной виктимизации. Объект виктимизации – это охраняемые уголовным законодательством общественные блага и ценности, подвергнувшиеся в результате виктимизации социально нежелательным изменениям из-за совершенного преступления [1, с. 81–82].

Объективная сторона виктимизации включает в себя следующие элементы ситуации: место, время и способ причинения вреда, провокационное поведение потерпевшего, содействие и противодействие виктимизации, ее последствия. Иными словами, объективная сторона – это все то, что существует вне субъекта виктимизации, хотя в ряде случаев напрямую или косвенно от него зависит. К субъективной стороне относятся мотивы, цели, умысел или неосторожное поведение потерпевшего, которые приводят к причинению ему вреда. Субъективными также являются восприятие, осознание и отношение к результатам виктимизации со стороны самого потерпевшего [1, с. 82].

Виктимизация осуществляется на определенных уровнях. К первому уровню относятся физические лица (непосредственно жертвы преступлений), ко второму – семьи, к третьему – коллективы и организации, к четвертому – население различных районов и регионов (по Л. Франку) [7, с. 110–111]. Тем не менее если множество физических лиц в ходе виктимизации приобретут схожие качества поведения, то для каждого индивида из этого множества другой индивид будет лишь элементом виктимологической ситуации, т. е. к каждому члену данного множества следует подходить как к индивидуальной жертве [5, с. 51].

Для более глубокого понимания виктимности следует рассмотреть первичную и повторную виктимизации. Первичную определяет непосредственно само преступление, а повторная обусловлена реакцией потерпевшего на первичную виктимизацию, что влечет за собой причинение повторного вреда. Причинами повторной виктимизации являются действия ближайшего окружения потерпевшего (родственников, знакомых, коллег), из-за которых он вынужден вновь переживать преступление и его последствия; действия (или бездействие) правоохранительных органов, являющиеся, по мнению потерпевшего, незаконными, нетактичными и т. п.; несовершенство законодательства, при котором потерпевший сталкивается с формализацией или неурегулированностью [8, с. 117].

Выделяют следующие факторы виктимизации этнических групп:

- объективные факторы – особенности исторического развития, этнокультурные условия, специфика социальной, экономической и политической жизни;

- мезофакторы – этническое самосознание, особенности национального характера;

- субъективные факторы – психологические свойства людей, влияющие на их способность к адаптации [9, с. 27].

Ученые уделяли немало внимания объективным факторам виктимизации (А. В. Мудрик, В. Д. Ривман) и мезофакторам (Г. В. Гатальская, Ю. Б. Чернявская). Исследований субъективных факторов виктимизации в научной литературе не так много, поскольку они малодоступны и носят скрытый характер.

В системе виктимизации Н. А. Барановский выделяет следующие факторы:

- криминогенность личности преступника, его образ жизни и предпреступное поведение;

- виктимогенность личности жертвы, ее образ жизни и предвиктимное поведение;

- деструктивность социального взаимодействия преступника и жертвы;

- совокупность виктимогенных и криминогенных социально-ситуативных обстоятельств [10, с. 69].

Каждый из факторов является детерминантой виктимизации. По данным уголовной статистики и криминологических исследований, ведущая роль в процессе виктимизации часто принадлежит преступнику. К типичным криминогенным чертам личности относятся:

- низкий уровень образования и общей культуры;
- утрата социально-профессионального статуса;
- социальная дезадаптация и отчужденность;

- конфликтность, эгоцентризм, слабоволие, импульсивность, раздражительность и другие асоциальные психологические качества;

- тяга к аморальному и противоправному образу жизни;

- нравственный и правовой нигилизм;

- неуверенность в себе и высокий уровень тревожности;

- различные психические аномалии (депрессивность, неврозы, внутриличностные конфликты и т. п.) [10, с. 72].

Деструктивные взаимодействия индивида и других людей, социальных групп и общества закономерно и неизбежно порождаются деформированностью личности в совокупности с социально дезорганизованным образом жизни ближайшего окружения. Такая деструктивность может возникать как на стадии формирования личностных качеств и социализации индивида, так и непосредственно перед совершением преступления и виктимизацией.

Виктимогенность жертвы и ее предвиктимное поведение обусловлены, как правило, асоциальным образом жизни. Потенциальные жертвы часто испытывают тягу к спиртному, склонны к проституции и бродяжничеству, авантюризму и агрессии, социальной замкнутости и маргинальности. К провоцирующему предвиктимному поведению относятся также оскорбления, замечания, супружеские измены, участия в драке, конфликтность, конформизм, пассивность, мазохизм и т. п. Если имеет место преступление против личности, то предвиктимное поведение потерпевшего характеризуется во многих случаях отсутствием понимания последствий своих действий и пренебрежением мерами предосторожности. Ярким примером являются изнасилования тех женщин, которые ведут себя безрассудно и двусмысленно. Пострадавшие от хулиганства также часто сами провоцируют нападавших, находясь в нетрезвом виде в неподобающих местах.

Исследователем Н. А. Барановским был проведен социологический опрос, в ходе которого преступники, совершившие насилие, показали, что имеют «право на насилие» в таких случаях, как насилие над ними или их близкими, оскорбление их или близких, драка и ссора, измена, а также в ситуациях, когда возникает необходимость помочь приятелю, если «слова не помогают» или если преступнику были сделаны замечания [10, с. 91]. Названные формы поведения являются виктимогенными, поскольку провоцируют насильственные преступные действия.

Еще одной детерминантой виктимизации, как было указано, является деструктивность социального взаимодействия жертвы и преступника. Так, предвиктимные взаимоотношения часто характеризуются наличием межличностных конфликтов, при которых сталкиваются противоположные и несовместимые интересы жертвы и преступника. Подобные конфликты могут возникать как ситуативно (например, в сфере досуга), так и накапливаться (характерно для семейно-бытовых отношений). Виновыми в возникновении таких ситуаций могут быть и преступники с их потребностью к самоутвержде-

нию, стремлением властвовать, и сами жертвы, проявляющие виктимогенные черты, и обе стороны.

Последний фактор – совокупность виктимогенных и криминогенных социально-ситуативных обстоятельств – отражает обстоятельства конкретной жизненной ситуации, влияющей на процесс виктимизации. К таким обстоятельствам относятся особенности места, времени, природных и социальных условий (жилище, общественные места, зоны отдыха и т. п.), технические и другие средства. Так, виктимизации граждан может способствовать отсутствие технических средств или материальных возможностей для собственной защиты, ночное время суток, нахождение вблизи группы преступников, доступность огнестрельного оружия и т. д. От подобных обстоятельств во многом зависит мотивация, планирование, принятие решения совершить преступные действия.

Вышеперечисленные факторы определяют различные типы виктимизации:

- личностно-криминогенная виктимизация, т. е. доминирование преступной активности и криминогенных качеств личности преступника;
- личностно-виктимогенная виктимизация – доминирование асоциальных качеств личности и образ жизни жертвы;
- виктимизация личностно-социального взаимодействия – конфликтное или иное деструктивное взаимодействие жертвы и преступника;
- ситуационная виктимизация, обусловленная обстоятельствами той или иной жизненной ситуации [10, с. 103].

Неотъемлемой частью структуры виктимизации является виктимологическая ситуация и ее составляющие. Ситуация – это «совокупность обстоятельств сложившегося или реально возможного взаимодействия лица и внешних для него обстоятельств в тот или иной определенный момент времени» [1, с. 84].

В нравственном формировании личности как положительном, так и отрицательном, определяющую роль играет микросреда субъекта, включающая в себя родителей, родственников, друзей и др. Близкие люди сознательно или неосознанно создают условия быта, в которых развивается личность. Внешние воздействия, различные по характеру и интенсивности, преломляются через индивидуальные психофизические особенности субъекта и становятся его привычками, потребностями, критериями нравственных ценностей.

Ситуация, в которой оказываются преступник и жертва, редко бывает объективно нейтральной, поскольку каждая из сторон вовлекается в нее с определенными личностными установками и представлениями, сформированными ранее. Г. Гентинг отмечал, что «в некотором смысле жертва создает преступника» [2, с. 44]. Во многих ситуациях действия преступника являются в той или иной

степени результатом вклада потерпевшего в формирование личности преступника. Взаимоотношения потенциальных преступника и жертвы могут содержать в себе те или иные элементы зарождения предстоящего криминального разрешения конфликта еще задолго до самого преступного акта.

По мнению В. Д. Ривмана, различные объективные и субъективные обстоятельства, факторы и зависимости (как связанные, так и не связанные с жертвой), составляющие в своей совокупности предысторию преступления, значительно шире обстоятельств, относящихся непосредственно к самому преступлению [1, с. 86–87]. В связи с этим различают личностно-формирующую, предкриминальную (жизненную), посткриминальную, криминогенную и криминологическую ситуации. Их можно охарактеризовать следующим образом:

- личностно-формирующая ситуация, в состав которой входят различные факторы, условия и обстоятельства, оказавшие решающее влияние на преступника, на становление его личностных характеристик и общественно опасных установок;
- предкриминальная ситуация – совокупность обстоятельств, непосредственно предшествующих преступлению, и взаимодействие жертвы и личностных качеств преступника. Данная ситуация может быть как кратковременной (несколько секунд), так и сравнительно длительной (несколько лет), причем жертва может стать ее участником как на самом отдаленном этапе, так и непосредственно в момент преступления;
- криминальная ситуация – обстоятельства, при которых было совершено само преступление;
- посткриминальная ситуация – совокупность всех обстоятельств, характеризующих поведение преступника и жертвы (если она осталась жива) после преступления, т. е. последствия преступления, его квалификация и оценка;
- криминогенная ситуация – этап развития предстоящей криминологической ситуации до момента совершения преступления, она включает в себя личностно-формирующую и предкриминальную ситуации;
- криминологическая ситуация – совокупность всех вышеперечисленных обстоятельств, а рассматривается как единый причинно связанный процесс [1, с. 87].

Подобным образом классифицируется и виктимологическая ситуация:

- личностно-формирующая виктимная ситуация – система факторов, условий и обстоятельств, влияющих на формирование у потенциальной жертвы виктимных качеств;
- предкриминальная виктимная ситуация – обстоятельства, непосредственно предшествующие преступлению и взаимодействующие с личностными качествами жертвы;

- криминально-виктимная ситуация – обстановка, при которой совершается преступление и причиняется вред;

- посткриминальная виктимная ситуация – особенности поведения жертвы после преступления и совокупность обстоятельств, влияющих на ее положение [1, с. 88].

Индивидуально-психологические особенности людей, влияющие на способность адаптироваться к различным условиям жизнедеятельности, рассматривает М. А. Одинцова. К таким особенностям автор отнесла тип ролевой виктимности, жизнестойкость, смысловые ориентации, уровень сформированности тех или иных преодолевающих стратегий поведения. Объективными факторами, согласно М. А. Одинцовой, являются этнокультурные условия, особенности исторического развития, социальной, экономической и политической жизни народов [9, с. 29]. Таким образом, очевидна чувствительность субъективных виктимогенных факторов к различным явлениям в общественной, социальной, экономической и политической жизни.

Неблагоприятные условия социализации, способствующие появлению различных типов жертвы, достаточно разнообразны.

Исследования субъективных факторов виктимизации, проведенные М. А. Одинцовой, показали, что «в поведении белорусов в большей мере выражена игровая роль жертвы как единица анализа добровольных, взаимовыгодных, легко принимаемых членами межличностного взаимодействия ролевых отношений, детерминированных сложным сочетанием разнообразных форм виктимной активности (среди которых инфантильность, зависимость, манипулятивность, беспомощность, неkritичность и др.), имеющих в своей основе скрытую мотивацию и гармонично вписывающихся в проигрываемую ситуацию» [11, с. 80].

В Республике Беларусь к научной разработке вопросов виктимологии и виктимологической профилактики целенаправленно обратились лишь в начале 1990-х гг. Существенную роль в активизации данного процесса сыграло проведение в Москве в 1993 г. Международного семинара по проблеме латентной преступности. В рамках семинара был озвучен вывод о том, что для любой посткоммунистической страны в период перехода к рыночным отношениям характерен резкий рост преступности (криминальный бум). Этот вывод применим и к состоянию преступности в Республике Беларусь, где в указанный период, по причинам разрыва экономических связей с республиками бывшего СССР, отсутствия собственных источников сырья (нефти, газа, угля, металла и т. д.), резкого социального расслоения населения, инфляции и много другого возник социально-экономический кризис, преодоление которого требовало принятия активных упреждающих мер по недопущению дальнейшего

снижения уровня жизни части граждан, усугубления социального расслоения и возникновения соответствующих бурных процессов криминализации и виктимизации. Главная задача комплекса этих мер заключалась в стабилизации социально-экономического положения, реализации действенных антикризисных программ, постепенном улучшении уровня жизни граждан, усилении борьбы с преступностью.

Формированию менталитета жертвы и усвоению соответствующих личностных установок в данном контексте способствует самоидентификация индивида с игровой ролью жертвы. Иными словами, игровая роль жертвы содержит в себе установки, свойственные представлениям о жертве, и является интегративной характеристикой образа жизни людей, полностью принявших данную роль и не умеющих жить по-другому. Такие люди принимают роль жертвы как собственную систему норм и ценностей. Э. Крепелин, в свою очередь, отмечал, что легкому принятию позиции жертвы способствует возможность получить выгоду: «Я – пострадавший, и мне должны!» [12, с. 214].

Последствия виктимизации наносят вред как самой личности, так и обществу в целом. Для потерпевших последствия могут быть физиологические, эмоциональные, поведенческие, мировоззренческие.

К физиологическим последствиям относятся телесные повреждения различной степени, утомление и усталость, головокружение, потеря сна и аппетита, трудности с дыханием, тревожность и т. д. К таким последствиям часто приводит внутрисемейное насилие, являющееся продолжительным по времени и прочно укоренившимся в отношениях между членами семьи. При этом однажды совершенное насилие часто повторяется в более жестком виде. В связи с этим выделяют эпизодические жертвы (ущерб был нанесен однократно) и рецидивные (ущерб был нанесен более одного раза).

Эмоциональными последствиями насилия являются гнев, стыд, горе, страх, обида, чувство вины, печаль, ярость и т. п. Так, многие жертвы приобретают устойчивый страх того, что случившееся может повториться. Например, изнасилованные женщины начинают опасаться всех мужчин, а стыд мешает им обратиться в правоохранительные органы, где они будут вынуждены говорить о произошедшем. Чувство обиды или злости на преступника часто сопровождается желанием отомстить, порождает ответную агрессию. Гнев может быть направлен не только на преступника, но и на близких людей, которые не оказали необходимой поддержки. Комплекс вины, полученный из-за преступления, может привести к разнообразным навязчивым состояниям, например к чрезмерной замкнутости, пугливости, агрессивности, причем данный комплекс может усугубляться обвинениями со стороны близких («сам виноват»). Многие люди, испытывающие эмоцио-

нальные последствия насилия, в дальнейшем больше подвержены алкоголизму и наркомании, проявляют суицидальные наклонности.

К поведенческим последствиям относятся, например, замешательство, паника, утрата чувства собственной безопасности. Жертва в поисках причин, по которым возникла такая ситуация, может много раз возвращаться к анализу обстоятельств, при которых произошло преступление. Некоторые потерпевшие могут замкнуться в себе, минимизировать контакты с людьми, перестать выходить из дома. Другие же, напротив, любыми способами стараются отвлечься от случившегося и делают вид, что ничего не произошло. Бездна наказанности преступников может вызвать у жертвы агрессивное поведение, накопление отрицательных эмоций и желание отомстить. Во многих случаях преступники являются латентными жертвами преступлений в далеком прошлом либо жертвами, не получившими должной компенсации за причиненный им ущерб.

Мировоззренческие последствия характеризуются как совокупность трех взаимосвязанных кризисов, а именно кризиса восприятия себя («кто я теперь?»), кризиса понимания («во что теперь верить?»), кризиса взаимоотношений («кому можно доверять?»). Каждому индивиду свойственно стремление контролировать свою жизнь, а преступление, в котором он выступает жертвой, подрывает такую потребность, поскольку его жизнью начинает распоряжаться кто-то другой. Даже спустя много лет после преступления потерпевший может быть не в состоянии контролировать свои воспоминания и эмоции. Подобная утрата контроля над жизнью часто приводит к деморализации жертвы и чувству униженности. Необходимость в том, чтобы чувствовать себя в безопасности, основана на потребности человека верить в упорядоченность мира, в котором он живет, в то, что любые события закономерны и их можно объяснить. Поиск ответов на вопросы о причинах преступления направлен на восстановление миропорядка и упорядочение мировоззрения, а попытка жертв обвинить себя в сложившейся ситуации является лишь одним из способов получить эти ответы. Самообвинение также является способом сохранить автономию, поверить в то, что человек сам распоряжается своей жизнью и не допустит повторения собственных ошибок. Кризис взаимоотношений заключается в том, что происходит подрыв чувства взаимосвязи с теми людьми, благодаря которым формировалась и подтверждалась значимость личности. После происшествия жертвы преступлений могут не только отчуждаться

от близких и друзей, но и начать подозрительно относиться ко всем окружающим людям [13; 14].

При анализе конкретных обстоятельств различных категорий преступлений следует тщательно определять обстоятельства виктимологического характера, которые способствовали их совершению. Важна виктимологическая мера, направленная на предупреждение преступлений, она заключается в широкой правовой пропаганде среди населения. Известны многочисленные случаи, когда преступления совершаются не только в связи с наличием у потерпевших отрицательных черт характера, но и из-за их правовой неосведомленности. Целесообразным видится разработка на этой основе специальных памяток, содержащих полезные советы, касающиеся того, как избежать участи стать жертвой конкретного вида преступления (например, памятка для водителя автомобиля, рассказывающая о мерах предохранения от угона; памятка для граждан, в которой описаны условия, способствующие совершению квартирных краж, и т. д.). К специальным виктимологическим мерам предупреждения преступности (виктимологической профилактики) относятся также воспитательная и предупредительная работа правоохранительных и других государственных органов и общественных организаций с лицами, предрасположенными в определенных условиях к тому, чтобы стать жертвами преступлений. Основным направлением этой работы является в первую очередь нейтрализация или положительное изменение виктимогенных качеств личности в целях уменьшения степени индивидуальной виктимности. Если человек уважает закон и принятые в обществе моральные принципы, то благодаря этому можно резко снизить возможность возникновения виктимогенной ситуации, в которой такому гражданину будет причинен физический, имущественный и моральный вред.

Для предупреждения виктимизации населения следует проводить широкую разъяснительную работу с использованием интернета, наглядной агитации, печати, радио, кино, телевидения о том, как любое лицо может стать жертвой преступлений из-за собственного поведения. Использование стенгазет, фотовитрин, листовок, плакатов, статей в газетах, а также на интернет-порталах, в радио- и телепередачах с рекомендациями об элементарных правилах поведения в тех или иных жизненных ситуациях способствует повышению бдительности граждан, формированию более критичного отношения к собственным поступкам и поведению лиц, с которыми они вступают в контакт.

Библиографические ссылки

1. Ривман ВД. *Криминальная виктимология*. Санкт-Петербург: Питер; 2002.
2. Журлова ИВ. *Социально-педагогическая виктимология*. Мозырь: Мозырьский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина; 2010.

3. Руденский ЕВ, Руденская ЮЕ. Социальное разъединение общества в качестве фактора виктимизации. *Медицина и образование в Сибири*. 2006;2:31–42
4. Сухарев АА. Психологические факторы личностной виктимности. *Наука – образованию, производству, экономике. Материалы 19 (66) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов 13–14 марта 2014 г.; Витебск, Беларусь*. [Интернет] [процитировано 28 августа 2018]. Доступно по: <https://lib.vsu.by/xmlui/handle/123456789/5332>.
5. Малкина-Пых ИГ. *Виктимология. Психология поведения жертвы*. Санкт-Петербург: Питер; 2017.
6. Гаптелганьев РГ. Виктимизация как процесс реализации криминальной виктимности. *Российский следователь*. 2010;23:19–22
7. Франк ЛВ. *Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии*. Душанбе: Ирфон; 1977.
8. Решетников ММ. *Психическая травма*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Восточно-европейский институт психоанализа; 2006.
9. Одинцова МА. Психологический анализ факторов виктимизации белорусов и россиян. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология»*. 2012;45:26–31.
10. Барановский НА. *Введение в виктимологию*. Минск: Амалфея; 2002.
11. Одинцова МА, Семенова ЕМ. Преодолевающие стратегии поведения белорусов и россиян. *Культурно-историческая психология*. 2011;3:75–81.
12. Крепелин Э. *Введение в психиатрическую клинику*. Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний; 2007.
13. Полубинский ВИ. Криминальная виктимология и виктимность. *Научный портал МВД России*. 2010;2:69–77.
14. Христенко ВЕ. *Психология поведения жертвы*. Ростов-на-Дону: Феникс; 2004.

References

1. Rivman VD. *Kriminal'naya viktimologiya* [Criminal Victimology]. Saint Petersburg: Piter; 2002. Russian.
2. Zhurlova IV. *Sotsial'no-pedagogicheskaya viktimologiya* [Socially-pedagogical Victimology: a course of lectures]. Mozyr: Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin; 2010. Russian.
3. Rudensky EV, Rudenskaya YuE. [Social separation of society as a factor of victimization]. *Journal of Siberian medical sciences*. 2006;2:31–42. Russian.
4. Sukharev AA. Psychological factors of personal victimism. *Sciences for education, production, economics. Materials of 19 (66) Regional scientific-practical conference of lecturers, scientific researchers and postgraduate students; 2014 March 13–14; Vitebsk, Belarus* [Internet] [cited 2018 April 28]. Available from: <https://lib.vsu.by/xmlui/handle/123456789/5332>. Russian.
5. Malkina-Pykh IG. *Viktimologiya. Psikhologiya povedeniya zherty* [Viktimologiya. Psychology of a victim's conduct]. Saint Petersburg: Piter; 2017. Russian.
6. Gaptelganiev RG. Victimization as a process of realizing criminal victimity. *Rossiiskii sledovatel'*. 2010;23:19–22. Russian.
7. Frank LV. *Poterpevshie ot prestupleniya i problemy sovetskoi viktimologii* [Victims of crime and the problems of Soviet victimology]. Dushanbe: Irfon; 1977. Russian.
8. Reshetnikov MM. *Psikhicheskaya travma* [Mental trauma]. 2nd edition. Saint Petersburg: East-European Institute of Psychoanalysis. 2006. Russian.
9. Odintsova MA. [Psychological analysis of the factors of victimization of belarusians and russians]. *Bulletin of the South Ural State University. Series «Psychology»*. 2012;45:26–31. Russian.
10. Baranovskiy NA. *Vvedenie v viktimologiyu* [Introduction to victimology]. Minsk: Amalfee; 2002. Russian.
11. Odintsova MA, Semenova EM. [Overcoming the strategies of behavior of Belarusians and Russians]. *Cultural and historical psychology*. 2011;3:75–81. Russian.
12. Krepelin E. *Vvedenie v psikhiatricheskuyu kliniku* [Introduction to the psychiatric clinic]. Moscow: BINOM. Laboratoria znaniy; 2007. Russian.
13. Polubinsky VI. [Crime victimology and victimity]. *Nauchnyi portal MVD Rossii*. 2010;2:69–77. Russian.
14. Khristenko VE. *Psikhologiya povedeniya zherty* [Psychology of a victim's conduct]. Rostov-on-Don: Phoenix; 2004. Russian.

Статья поступила в редакцию 24.09.2018.
Received by editorial board 24.09.2018.

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ СТИЛЯ ВОЖДЕНИЯ АВТОМОБИЛЯ

Н. С. АСТРЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выполнен теоретико-эмпирический анализ взаимосвязи личностных факторов и стилей вождения автомобиля. Проведен теоретический анализ понятия «стиль вождения автомобиля». Проанализированы исследования личностных факторов стиля вождения автомобиля (психотизм, невротизм, тревожность, общительность и др.). Описаны полученные результаты эмпирического исследования: сила и характер корреляционной взаимосвязи между стилями вождения автомобиля (диссоциативный, опасный, агрессивный, высокоскоростной, безаварийный, терпеливый, тревожный, осторожный) и личностными характеристиками, формами агрессии (физическая и вербальная агрессия, гнев и враждебность) вне зависимости от пола водителя. Определены различия стилей вождения автомобиля в зависимости от уровня агрессивности водителя. Полученные результаты позволяют изучить предрасположенность водителей к опасным либо агрессивным действиям на дороге и тем самым увеличить безопасность всех участников дорожного движения.

Ключевые слова: стиль вождения автомобиля; личностные факторы; агрессивность; уровень агрессивности.

PERSONAL FACTORS OF THE DRIVING STYLE

N. S. ASTREYKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the theoretical and empirical analysis of relationship between personal factors and driving style. The main part of the theoretical analysis of the concept of «driving style of the car», personal factors of the driving style (psychotism, neuroticism, anxiety, etc.). The obtained results of the empirical investigation are described: the strength and nature of the correlation relationship, regardless of gender, between driving styles (dissociative, risky, angry, high-velocity, distress-redaction, patient, anxious, careful) and personal characteristics, forms of aggression; differences in driving styles, depending on the level of driver's aggression. The received results allow to study dangerous and aggressive actions of drivers on the road, and so, to increase traffic safety for all road users.

Key words: driving style; personal factors; aggression; level of aggression.

Введение

На современном этапе социально-экономического и научно-технического развития в Республике Беларусь одним из актуальных направлений изучения поведения водителей на дороге является исследование стиля вождения автомобиля. Повышенный интерес к данной проблеме объясняется

тем, что с ростом автомобильного парка в стране значительно возросло число дорожно-транспортных происшествий, большинство из которых происходят по вине водителей.

Русскоязычными психологами изучаются лишь некоторые аспекты поведения водителей на до-

Образец цитирования:

Астрейко НС. Личностные факторы стиля вождения автомобиля. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:117–124.

For citation:

Astreiko NS. Personal factors of the driving style. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:117–124. Russian.

Автор:

Наталья Сергеевна Астрейко – аспирант кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Natalia S. Astreyko, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
astra_tasha@mail.ru

роге, а именно гендерные особенности управления автомобилем (А. И. Донцов, А. И. Кабалевская) и проблемы опасного стиля вождения транспортных средств (В. Е. Петрова, Ю. И. Лобанова). В зарубежных исследованиях широко разработаны вопросы агрессивного вождения автомобиля (С. К. Балогун, Дж. Л. Деффенбачер, Р. Л. Дукер, О. Яненкова), влияния родительских установок на стиль вождения (Б. Скотт-Паркер, О. Таубман-Бен-Ари), поведения пожилых водителей за рулем автомобиля (Б. Харе, Т. Лагонен), особенностей гендерного поведения водителей (Б. Харе, Дж. Виверс) и др.

В ряде психологических исследований раскрываются факторы, влияющие на действия водителей и принимаемые ими решения в текущей изменяющейся дорожной ситуации, учитываются индивидуальные особенности личности и поведенческие реакции водителей при взаимодействии с другими

водителями и с остальными участниками дорожного движения. Под стилем вождения понимают сложную комбинацию действий водителя с учетом конкретных условий движения (дорожное покрытие, погодные условия и др.) и индивидуальных навыков (ускорение, торможение, поворот транспортного средства и др.) [1], личностных характеристик (мотивы и ценности) и ситуационных переменных (настроение, стресс и др.) [2].

В исследовании проблемы безопасности дорожного движения (аварийности) первостепенное значение имеет анализ содержания и результатов деятельности водителей, а также детальное рассмотрение личностных детерминант, влияющих на принятие определенных решений в дорожных ситуациях. Это обусловлено тем, что работа водителя относится к сложным видам человеческой деятельности, в процессе которой осуществляется управление источником повышенной опасности.

Анализ понятия «стиль вождения автомобиля»

Отсутствует единая точка зрения на понимание и определение стиля вождения автомобиля. Наблюдается тенденция к отождествлению таких понятий, как «стиль управления автомобилем», «стиль деятельности водителя» и «стиль вождения автомобиля».

Под стилем управления Б. Д. Ефремов и Ю. В. Оверин понимают особенности осуществления водителем воздействий на рычаги управления автомобилем. Ученые выделяют следующие стили управления автомобилем: начинающий, опытный водитель, спортивный водитель. С технической точки зрения они различаются по особенностям открытия угла заслонки, набору скорости, затратам топлива, т. е. по специфике работы водителя с педалями «газ», «сцепление» и «тормоз» [3].

Стиль управления В. Е. Петров рассматривает как постоянную характеристику, определяющуюся не только специальными знаниями, умениями и навыками вождения, но и индивидуальными качествами личности водителя. Под стилем управления транспортным средством понимается «относительно устойчивая совокупность приемов и технических действий водителя, а также его личностных особенностей, связанных с приведением транспортного средства в движение, процессом самого движения вплоть до остановки в соответствии с дорожной ситуацией, предназначением и техническими возможностями транспортного средства» [4].

Поведение водителя во время движения зависит от индивидуального стиля вождения автомобиля, обусловленного индивидуальным стилем деятельности. Так, Е. А. Климов отмечает, что «стиль деятельности – это устойчивая система индивидуально-своеобразных приемов и способов, которая формируется у человека в целях оптимального

уравновешивания собственной индивидуальности с внешними условиями деятельности» [5]. Ученый указывает на то, что люди с различными индивидуально-типологическими особенностями нервной системы, способностями и личностными чертами добиваются одинаковой эффективности при выполнении одной и той же деятельности. Исходя из этого, стиль вождения автомобиля определяется не только техническими, но и психологическими факторами.

Исследователь Т. А. Полянова обращает внимание на то, что стиль и стратегии деятельности водителя чрезвычайно близки и входят в систему саморегуляции деятельности как ее проявления, выполняя функцию приспособления субъекта к условиям и целям этой деятельности [6]. Оба названных феномена зависят как от типологических свойств нервной системы и темперамента, так и от личностных особенностей субъекта. Водительская деятельность, в свою очередь, связана с управлением автомобилем, его местоположением в транспортном потоке, с обработкой информации об изменяющейся дорожной ситуации. Общение между участниками дорожного движения сводится к информированию других водителей о собственных намерениях, а также к демонстрации отдельных знаков вежливости (дорожного этикета). Однако на практике общение водителей на дороге включает в себя и элементы нецивилизованного влияния (например, физическую и вербальную агрессии). Поведение водителей определяется выбором опасных, разрешенных или запрещенных маневров. При этом вождение осуществляется на фоне определенных эмоциональных переживаний, которые изменяются в связи с новыми возникающими обстоятельствами в деятельности, поведении и общении.

Вождение Е. В. Козлов определяет «как многокомпонентную деятельность водителя автомобиля, направленную на обеспечение движения автотранспортного средства с учетом его технических возможностей, соблюдением правил дорожного движения и интересов других его участников, а также на обеспечение правильного местоположения транспортного средства на дороге и заданного маршрута движения» [7, с. 3–10].

Совокупность характерных средств деятельности и взаимодействий, присущих группе водителей с определенными социально-психологическими характеристиками, можно обозначить как стиль вождения [8]. Согласно О. Таубман-Бен-Ари под стилем вождения понимается совокупность привычных для водителя методов езды (передвижения), включающих в себя выбор скорости, маневренность, обычные для человека уровни внимательности и уверенности при управлении автомобилем

[9, с. 324]. По мнению Ю. И. Лобановой, «стиль вождения – это типичные, устоявшиеся (привычно своеобразные) особенности дорожного поведения водителя, а также система способов и средств осуществления им деятельности, типичные для водителя эмоциональные переживания и взаимодействия с другими участниками дорожного движения, предопределяющие уровень безопасности (аварийности) водителя (с одной стороны) и определяемые рядом устойчивых и переменных факторов (с другой)» [20, с. 104].

Проанализировав существующие определения и обобщив различные подходы к данной проблеме, можно заключить, что стиль вождения автомобиля – это совокупность характерных способов действий водителя во время управления автомобилем, обусловленных рядом личностных и ситуационных факторов, определяющих уровень безопасности (аварийности) на дороге.

Личностные факторы стиля вождения автомобиля

Анализ литературы по проблеме личностных детерминант стиля вождения автомобиля показал, что общепринятая система факторов отсутствует. Широко изучались и анализировались влияния данных факторов на стиль и безопасность вождения автомобиля в зарубежных исследованиях, основанных на взятых из отдельных государств примерах (Дж. Л. Деффенбачер, Б. Д. Эдвардс, М. Ишибаши, О. Яненкова, Б. Харе, Т. Лаюнен, Д. Паркер, О. Таубман-Бен-Ари, С. М. Викенс, Дж. Вонг и др.). В отечественной социальной психологии данная проблема затрагивалась частично (С. В. Бонкало, А. И. Донцов, Е. И. Железнов, А. И. Кабалева, Е. В. Казьмина, Ю. И. Лобанова, М. И. Петрова). В качестве факторов стиля вождения автомобиля рассматриваются личностные характеристики водителей, социально-культурные аспекты, технические характеристики транспортного средства [11].

Исследуя стиль вождения автомобиля, Ю. И. Лобанова предлагает разделить факторы на две группы: устойчивые (индивидуально-типологические свойства и личностные особенности водителя) и переменные (техническое состояние автомобиля, подготовка водителя, социальные регуляторы, особенности дорожной среды, психофизиологическое и эмоциональное состояние водителя). По мнению ученого, наиболее значимыми факторами, определяющими безопасность дорожного движения, являются рискованность/безопасность, планирование/импульсивность, уверенность при парковке, культура дорожного поведения, отношение к средствам обеспечения безопасности [8].

Психологические особенности водителей, осуществляющих профессиональное управление транспортным средством изучали С. В. Бонкало и М. И. Петрова [12]. В связи с этим было проведено исследо-

вание, цель которого – выявление связи, с одной стороны, между стилем вождения водителя и культурой поведения на дорогах, и с другой – между психологическими особенностями личности водителя (экстраверсия, нейротизм, психотизм), темпераментом, характером, общим уровнем общительности, склонностью к конфликтам.

Результаты изучения степени выраженности экстраверсии-интроверсии, нейротизма и психотизма позволяют говорить о том, что для 46,66 % работников транспортного предприятия характерны рассудительность и доброжелательность [12]. Они миролюбивы, осмотрительны, достаточно решительны. Необходимо отметить, что у 80 % обследованных работников транспортного предприятия были зафиксированы высокие оценки по шкале «психотизм», что свидетельствует о возможности неадекватного эмоционального реагирования на раздражители.

Исследователь Т. А. Полянова выявила взаимосвязь индивидуально-психологических характеристик профиля СМИЛ (стандартизированный многофакторный метод исследования личности) водителя и применяемых им тактик вождения автомобиля [6]. Обобщенный профиль СМИЛ водителя, придерживающегося в профессиональной деятельности стратегии скорейшего прохождения маршрута, характеризуется пиками по шкалам «импульсивность», «аутизм» и «активность». Была установлена повышенная тревожность водителей (7-я шкала профиля СМИЛ) при проезде перекрестков, т. е. самых сложных и опасных участков дороги.

Локус контроля, тревожность и настроение А. М. Бревнер предлагает рассматривать как факторы, влияющие на управление транспортным средством и реагирование на стрессовые ситуации на

дороге [13]. Управление транспортным средством может вызывать как чувство расслабления, так и чувство тревоги или гнева, что более вероятно в постоянно изменяющейся дорожной ситуации. Локус контроля водителей представляет собой обобщенное субъективное ожидание того, что человек в какой-то мере в состоянии контролировать сложившуюся дорожную ситуацию и последующие действия.

Большинство водителей испытывают тревогу во время вождения, так как управление автомобилем сопряжено с определенной степенью риска и аварийностью [13, с. 54]. Высокий уровень тревожности влияет на восприятие, мышление и реакцию водителя, как следствие, совершается непреднамеренное нарушение правил дорожного движения, неадекватное реагирование на действия других водителей, принимаемые решения становятся более импульсивными. По мнению А. М. Бревер, важным фактором, влияющим на стиль вождения, является ощущение того, что водитель в своем автомобиле сохраняет анонимность [13]. Было установлено, что данное ощущение слабеет, когда водитель испытывает эмпатию к другим водителям, предпринимающим агрессивные действия.

Ученые М. А. Регана, С. Халлетт и С. П. Гордонб предлагают рассматривать невнимательность и отвлеченность водителя как факторы, влияющие на безопасность дорожного движения и аварийность [14]. Водительская невнимательность характеризуется совершением действий, провоцирующих аварийную ситуацию, а также недостаточной сосредоточенностью и невниманием к обстановке на дороге. Невнимательность водителя включает в себя ряд элементов: отсутствие внимания, недостаточное и поверхностное внимание, выбор нерелевантной информации, ориентирование внимания на внутренние мысли и мечты, участие в несвязанных с вождением мероприятиях, сонливость.

Взаимосвязь поведения водителей и такой личностной черты, как тревожность выявили С. Паурабдиан и Х. Азмун [15]. Под тревожностью исследователи понимают существенную негативную и разрушительную психологическую проблему. Особенно важно изучение негативного воздействия тревоги на соответствующие умственные и психологические функции водителей, которые впоследствии приводят либо к ошибкам в принимаемых решениях, либо к дорожно-транспортным происшествиям. Изучение тревожности водителей не перестает быть актуальным, так как количество несчастных случаев, правонарушений и аварий, совершенных по вине водителей, составляет основную часть дорожно-транспортных происшествий.

Стиль вождения, считает О. Таубман-Бен-Ари, связан с такими личностными характеристиками, как самооценка, необходимость в контроле, поиск ощущений и экстраверсия [9]. Самооценка рассма-

тривается как один из основных психологических факторов стиля вождения. Так, была установлена положительная взаимосвязь самооценки и адаптивных (осторожный и терпеливый) стилей вождения автомобиля, а также отрицательная связь этого фактора с неадаптивными (диссоциативный и опасный) стилями вождения. Потребность в контроле положительно связана с агрессивным и осторожным стилями вождения, а это значит, что чем выше у водителя потребность в контроле над происходящей ситуацией, тем больше его действия принимают агрессивный (гнев, агрессия, враждебность по отношению к другим участникам дорожного движения) или осторожный (тщательное планирование действий) характер.

По результатам исследования О. Таубман-Бен-Ари, поиск новых ощущений положительно коррелирует с опасным и высокоскоростным стилями вождения и отрицательно – с осторожным стилем вождения автомобиля. Следовательно, чем выше склонность водителя к поиску новых ощущений, тем больше вероятность того, что он будет предпринимать рискованные (опасные) действия и управлять автомобилем на высокой скорости и, соответственно, совершать меньше осторожных действий. Были установлены отрицательные взаимосвязи между экстраверсией и диссоциативным и тревожным стилями вождения автомобиля. Значит, чем выше экстраверсия, тем ниже склонность водителя к совершению необдуманных действий, к ощущению беспокойства во время вождения.

Как отмечает Б. Д. Эдвардс, взаимосвязь нарциссизма и агрессии молодых водителей объясняет проявление агрессивного поведения при управлении транспортным средством [16]. В исследовании было выявлено, что нарциссизм и агрессия являются значительными предикторами агрессивного вождения. Однако агрессия – более сильный предиктор, нарциссизм, в свою очередь, связан с агрессивностью водителя и в повседневной жизни. Кроме того, агрессивное вождение стало значительным предиктором аварий и нарушений правил дорожного движения. В результате было установлено, что молодые водители с высокой, но нестабильной самооценкой реагируют более агрессивно в ситуациях провокации агрессии, что способствует уменьшению эффективности вождения.

Таким образом, в результате анализа зарубежной и отечественной литературы, посвященной изучению личностных факторов, влияющих на стиль вождения автомобиля, можно выделить такие факторы, как *психотизм, невротизм, тревожность, общительность, экстраверсия-интроверсия, поиск ощущений, импульсивность, локус контроля*. Основной методикой сбора данных о личности водителя был выбран «Психодиагностический тест» В. М. Мельникова и Л. Т. Ямпольского [17].

Методы и организация исследования

Ранее проведенные исследования позволили выявить, что стиль вождения автомобиля зависит от личностных факторов (психологических характеристик водителя). В целях проверки данного предположения было проведено изучение взаимосвязи личностных факторов и стилей вождения автомобиля.

В качестве метода исследования был выбран опрос (анкетирование). Выборка для данного исследования состояла из 384 человек (194 мужчины и 190 женщин) в возрасте от 18 до 76 лет (средний возраст 28,8 года). Все респонденты являлись водителями категории «В» (водители, управляющие легковым автомобилем с разрешенной массой не более 3,5 тонн и количеством мест для сидения до 8 согласно перечню категорий водительских прав Республики Беларусь). Полученные данные подвергались статистической обработке при помощи программы *SPSS Statistics 17.0*.

Для проведения исследования использовались следующие методики:

- многофакторный опросник стиля вождения О. Таубман-Бен-Ари в адаптации И. А. Фурманова и Н. С. Астрейко, состоящий из 8 шкал: диссоциативный, терпеливый, опасный, агрессивный, высокоскоростной, безаварийный, тревожный, осторожный стили вождения [18];

- опросник агрессивности А. Басса и М. Перри в адаптации И. А. Фурманова, направленный на диагностику агрессивности, который состоит из 4 шкал (29 пунктов) и оценивает следующие формы агрессивных реакций: физическая и вербальная агрессии, гнев, враждебность [19];

- психодиагностический тест В. М. Мельникова, Л. Т. Ямпольского, состоящий из 174 пунктов сгруппированных в 14 шкал, 10 шкал нижнего уровня описывают невротизм, психотизм, депрессию, совесть, эстетическую впечатлительность, женственность, расторможенность, общую активность, робость (стеснительность), общительность; шкалы верхнего уровня – психическую неуравновешенность, асоциальность, интроверсию и сензитивность [17].

Результаты и их обсуждение

Вне зависимости от пола были выявлены следующие взаимосвязи между психологическими характеристиками и показателями стилей вождения автомобиля. Положительная корреляционная связь между диссоциативным стилем вождения автомобиля и невротизмом ($r = 0,12; p \leq 0,05$), психотизмом ($r = 0,21; p \leq 0,01$), депрессией ($r = 0,22; p \leq 0,01$), робостью ($r = 0,17; p \leq 0,01$) свидетельствует о том, что чем сильнее выражены указанные факторы, тем больше водитель предрасположен к данному стилю вождения автомобиля. Полученные результаты частично подтверждают ранее проведенные исследования взаимосвязи стилей вождения автомобиля и психологических особенностей личности. Так, было установлено, что невротизм положительно коррелирует с диссоциативным и тревожным стилями вождения [9].

Водители, склонные придерживаться диссоциативного стиля вождения, предпочитают рискованное и неосторожное вождение, получая от этого удовольствие, тем самым они создают аварийные ситуации на дороге [20]. Было установлено, что чем выше показатели по шкале «поиск новых ощущений», тем больше водитель склонен к неосторожному вождению автомобиля, особенно это характерно для молодых мужчин. Также вне зависимости от пола были установлены положительные корреляции между агрессивностью, враждебностью и диссоциативным, тревожным стилями вождения автомобиля. Для молодых женщин были выявлены положительные корреляционные взаимосвязи между тревогой, невротизмом и диссоциативным стилем вождения автомобиля.

Водители с высокими показателями психотизма ($r = 0,25; p \leq 0,01$), депрессии ($r = 0,17; p \leq 0,01$), расторможенности ($r = 0,22; p \leq 0,01$), общей активности ($r = 0,24; p \leq 0,01$) склонны придерживаться опасного стиля вождения автомобиля, что подтверждается положительной корреляционной связью. Установлена положительная взаимосвязь психотизма ($r = 0,25; p \leq 0,01$), депрессии ($r = 0,13; p \leq 0,05$), расторможенности ($r = 0,18; p \leq 0,01$) и агрессивного стиля вождения автомобиля. Следовательно, чем выше показатели данных шкал, тем больше водитель предрасположен к использованию данного стиля вождения. Помимо того, водители с высокими показателями эстетической впечатлительности ($r = -0,16; p \leq 0,01$) и женственности ($r = -0,23; p \leq 0,01$ и $r = -0,13; p \leq 0,05$) менее расположены придерживаться опасного и агрессивного стилей вождения автомобиля.

Выявлены значимые положительные взаимосвязи факторов «невротизм» ($r = 0,17; p \leq 0,01$), «психотизм» ($r = 0,29; p \leq 0,01$), «депрессия» ($r = 0,24; p \leq 0,01$), «общая активность» ($r = 0,15; p \leq 0,05$), «робость» ($r = 0,13; p \leq 0,05$) и высокоскоростного стиля вождения автомобиля. Это говорит о том, что чем сильнее выражены перечисленные психологические характеристики у водителя, тем выше его склонность к управлению транспортом на высокой скорости, преднамеренному нарушению правил дорожного движения.

Водители, придерживающиеся опасного, агрессивного и высокоскоростного стилей вождения автомобиля, характеризуются желанием конкурировать с другими участниками дорожного движе-

ния и агрессивным вождением автомобиля, намеренным нарушением правил дорожного движения. Это подтверждается и согласуется с результатами других исследований, согласно которым опасный, агрессивный и высокоскоростной стили вождения автомобиля положительно коррелируют с агрессивностью, враждебностью, поиском новых ощущений, стремлением к контролю и отрицательно взаимосвязаны с доброжелательностью и добросовестностью [9; 20]. Водители с высокими показателями по критерию «частота опасных действий» также предрасположены к тому, чтобы придерживаться описанных стилей вождения автомобиля [21].

Было установлено, что чем выше показатели совестливости ($r = 0,14$; $p \leq 0,05$), тем больше водитель предрасположен к безаварийному стилю вождения автомобиля. Водители с высокими показателями общей активности ($r = 0,13$; $p \leq 0,05$) и общительности ($r = 0,16$; $p \leq 0,05$) более расположены к осторожному стилю вождения.

Выявлена отрицательная взаимосвязь невротизма ($r = -0,13$; $p \leq 0,05$) и терпеливого стиля вождения автомобиля. Полученные данные согласуются с ранее проведенными исследованиями: чем выше показатель невротизма, поиска новых ощущений, тревожности, тем меньше водитель склонен придерживаться терпеливого стиля вождения автомобиля [20]. Кроме того, было установлено, что осторожный и терпеливый стили вождения положительно коррелируют с добросовестностью и уступчивостью, стремлением к контролю над ситуацией и самооценкой водителя [21].

Установлены взаимосвязи между формами агрессии и показателями стилей вождения автомобиля. Так, водители с высокими показателями физической агрессии ($r = 0,17$; $p \leq 0,01$), гнева ($r = 0,14$; $p \leq 0,01$) и враждебности ($r = 0,14$; $p \leq 0,01$) склонны к диссоциативному стилю вождения автомобиля. Все формы агрессии – физическая ($r = 0,34$; $0,31$ и $0,21$; $p \leq 0,01$) и вербальная агрессии ($r = 0,16$; $0,17$ и $0,13$; $p \leq 0,01$), гнев ($r = 0,24$; $0,30$ и $0,24$; $p \leq 0,01$), враждебность ($r = 0,19$; $0,25$ и $0,18$; $p \leq 0,01$) – положительно коррелируют с опасным, агрессивным и высокоскоростным стилями вождения автомобиля, что свидетельствует о проявлении прямой агрессии со стороны водителей, которым характерны данные стили вождения, и их высокой склонности к нарушениям правил дорожного движения. Полученные данные определенным образом согласуются с результатами исследований, в которых было установлено, что физическая и вербальная агрессия, враждебность водителя к другим участникам дорожного движения проявляется в открытой угрозе, криках и жестах, световых и звуковых сигналах [13]. Данные формы агрессии возникают как сознательно, так и бессознательно.

В свою очередь, физическая ($r = -0,20$; $p \leq 0,01$) и вербальная формы агрессии ($r = -0,13$; $p \leq 0,05$),

гнев ($r = -0,18$; $p \leq 0,01$), враждебность ($r = -0,13$; $p \leq 0,05$) отрицательно коррелируют с терпеливым стилем вождения автомобиля, т. е. чем сильнее у водителя выражена агрессивность и чем больше он склонен к нарушению правил дорожного движения, тем меньше предрасположен придерживаться терпеливого стиля вождения.

Отрицательная корреляция между физической агрессией ($r = -0,11$; $p \leq 0,05$) и осторожным стилем вождения автомобиля и отсутствие других связей с формами агрессивности говорят о том, что водители, придерживающиеся данного стиля вождения автомобиля, характеризуются внимательностью и тщательным соблюдением правил дорожного движения. Относительно форм агрессии и безаварийного стиля вождения автомобиля не было установлено ни одной значимой корреляционной взаимосвязи. Следовательно, водители, склонные придерживаться данного стиля вождения, избегают любых форм проявления агрессии во время управления автомобилем.

Полученные результаты подтверждают ранее проведенные исследования агрессивного поведения водителей. Агрессивное вождение в настоящее время рассматривается как реакция на провокацию, которая создает аварийную ситуацию на дороге. Так, ряд зарубежных исследователей ассоциируют агрессивное вождение с рискованным поведением и эмоциональными состояниями, например гнева, которые мешают сосредоточивать внимание, воспринимать и обрабатывать информацию и нарушают координацию движений [16].

Как было установлено ранее, агрессивное поведение водителей на дороге способно принимать различные формы. Враждебность по отношению к другим участникам дорожного движения может различаться по степени тяжести: словесное или физическое насилие (бесконтактное, контакт с транспортным средством, контакт с человеком), использование транспортного средства в качестве оружия, а также применение других видов оружия [22].

Агрессивность следует рассматривать как готовность, предрасположенность человека к реализации агрессивной модели поведения [19, с. 8]. Следовательно, чем выше уровень агрессивности водителя, тем больше он склонен к агрессивным и враждебным действиям, снижающим безопасность дорожного движения.

Значимые различия между респондентами с высоким и низким уровнями агрессивности были выявлены по следующим стилям вождения: диссоциативный, тревожный, опасный, агрессивный, высокоскоростной, терпеливый. Водители с высоким уровнем агрессивности чаще придерживаются диссоциативного ($p \leq 0,05$), тревожного ($p \leq 0,05$), опасного ($p \leq 0,05$), агрессивного ($p \leq 0,05$) и высокоскоростного ($p \leq 0,05$) стилей вождения автомобиля, чем водители с низким уровнем агрессивности.

Полученные данные подтверждают результаты исследований О. Таубман-Бен-Ари о том, что водители с высоким уровнем агрессивности более склонны к вождению на высокой скорости и сознательному нарушению правил дорожного движения, чем водители с низким уровнем агрессивности [20]. Для водителей с высоким уровнем агрессивности свойственны импульсивное и эмоциональное вождение, поиск новых ощущений, стремление контролировать ситуацию на дороге.

Кроме того, водители с высоким уровнем агрессивности менее склонны к использованию терпеливого ($p \leq 0,05$) стиля вождения автомобиля, чем водители с низким уровнем агрессивности. Последним характерно избегание конфликтных и стрессовых ситуаций, они стремятся снизить аварийность

на дороге и быстро адаптируются к сложившейся ситуации [16].

Полученные данные отчасти согласуются с результатами других исследований. В частности, было установлено, что взаимосвязь раздражительности и стиля вождения автомобиля зависит от того, как водитель интерпретирует ситуацию [23]. Так, водитель с высоким уровнем агрессивности воспринимает возникшее ограничение в действиях (другой водитель перекрыл проезд, подрезал, резко затормозил) как раздражающий фактор, ответной реакцией на который может стать прямая активная агрессия. В свою очередь, водитель с низким уровнем агрессивности понимает рациональность действий других водителей и снижает раздраженность, что повышает безопасность движения.

Заключение

Таким образом, личностные характеристики водителя оказывают значительное влияние на выбор стиля вождения автомобиля. Изучение стиля во-

ждения автомобиля является важнейшим аспектом для совершенствования и реализации программы безопасного дорожного движения.

Библиографические ссылки

1. Dong W, Li J, Yao R. Characterizing driving styles with deep. *IEEE*. 2013;4:1040–1045.
2. Sucha M, Sramkova L, Risser R. The Manchester driver behaviour questionnaire: self-reports of aberrant behaviour among Czech drivers. *European transportation research review*. 2014;6(4):493–502. DOI: 10.1007/s12544-014-0147-z.
3. Ефремов БД, Оверин ЮВ. Метод инструментальной оценки квалификации водителей. *Технико-технологические проблемы сервиса*. 2012;2(3):51–55.
4. Петров ВЕ. Психологически значимые факторы, определяющие стиль управления транспортным средством. *Современные научные исследования и инновации* [Интернет]. 2016 [цитировано 7 июня 2018];1. Доступно по: <http://web.snauka.ru/issues/2016/01/62952>.
5. Климов ЕА. *Психология индивидуальных различий*. Москва: Издательство Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; 1982.
6. Полянова ТА. *Стратегии деятельности водителей автомобилей в связи с их индивидуальными особенностями* [диссертация]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 1989.
7. Козлов ЕВ. *Психофизиологическое обоснование необходимости совершенствования системы подготовки водителей* [диссертация]. Москва: Всероссийский центр медицины катастроф «Защита»; 2012.
8. Лобанова ЮИ. Стиль вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации. *Российский гуманитарный журнал*. 2015;1:76–84. DOI: 10.15643/libartrus-2015.1.10.
9. Taubman-Ben-Ari O, Mikulincer M, Gillath O. The multidimensional driving style inventory – scale construct and validation. *Accident analysis and prevention*. 2004;36:323–332. DOI: 10.1016/s0001-4575(03)00010-1.
10. Лобанова ЮИ. Вождение как деятельность, поведение и стилевая характеристика. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2014;4:97–107.
11. Sagberg F, Selpi, Piccinini GF, Erström J. A review of research on driving styles and road safety. *Human Factors*. 2015;57(7):1248–1257. DOI: 10.1177/0018720815591313.
12. Бонкало СВ, Петрова МИ. Индивидуально-типологические детерминанты стиля поведения профессиональных водителей на дорогах. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2013;2(113):162–166.
13. Brewer AM. Road rage: what, who, when, where and how? *Transport Reviews*. 2000;20(1):49–64. DOI: 10.1080/014416400295338.
14. Regan MA, Hallett C, Gordon CP. Driver distraction and driver inattention: definition, relationship and taxonomy. *Accident Analysis and Prevention*. 2011;43:1771–1781. DOI: 10.1016/j.aap.2011.04.0008.
15. Pourabdian S, Azmoon H. The relationship between trait anxiety and driving behavior with regard to self-reported Iranian accident involving drivers. *International Journal of Preventive Medicine*. 2013;4:1115–1121.
16. Edwards BD, Warren CR, Tubre TC. The validity of narcissism and driving anger in predicting aggressive driving in a sample of young drivers. *Human Performance*. 2013;26:191–210. DOI: 10.1080/08959285.2013.795961.
17. Реан АА. *Практическая психодиагностика личности*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета; 2001.
18. Фурманов ИА, Астрейко НС. Адаптация многофакторного опросника стиля вождения. *Философия и социальные науки*. 2016;2:88–93.
19. Фурманов ИА. *Агрессия и насилие: диагностика, профилактика, коррекция*. Санкт-Петербург: Речь; 2007.
20. Taubman-Ben-Ari O, Skvirsky V. The multidimensional driving style inventory a decade later: review of the literature and re-evaluation of the scale. *Accident Analysis and Prevention*. 2016;93:179–188. DOI: 10.1016/j.aap.2016.04.038.

21. Taubman-Ben-Ari O, Yehiel D. Driving styles and their associations with personality and motivation. *Accident Analysis and Prevention*. 2012;45:416–422. DOI: 10.1016/j.app.2011.08.007.
22. Fong G, Frost D, Stansfeld S. Road rage: a psychiatric phenomenon? *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2001;36:277–286.
23. Björklund GM. Driver irritation and aggressive behavior. *Accident Analysis and Prevention*. 2008;40:1069–1077. DOI: 10.1016/j.app.2007.10.1014.

References

1. Dong W, Li J, Yao R. Characterizing driving styles with deep. *IEEE*. 2013;4:1040–1045.
2. Sucha M, Sramkova L, Risser R. The Manchester driver behaviour questionnaire: self-reports of aberrant behaviour among Czech drivers. *European Transportation Research Review*. 2014;6:493–502. DOI: 10.1007/s12544-014-0147-z.
3. Efremov BD, Overin YuV. Method for instrumental estimation of the cardivers qualifications levels. *Technico-technologicheskie problemy servisa*. 2012;2(3):51–55. Russian.
4. Petrov VE. Psychologically relevant factors determining the management style of the vencie. *Modern scientific research and innovations* [Internet]. 2016 [cited 2018 June 7];1. Available from: <http://web.snauka.ru/issues/2016/01/62952>. Russian.
5. Klimov EA. *Psikhologiya individual'nykh razlichii* [Psychology of individual differences]. Moscow: Publishing House of Lomonosov State University; 1982. Russian.
6. Polyanova TA. *Strategii deyatel'nosti voditelei avtomobilei v svyazi s ikh individual'nymi osobennostyami* [Strategies of the activity of drivers of cars in connection with their individual characteristics] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1989. Russian.
7. Kozlov EV. *Psikhofiziologicheskoe obosnovanie neobkhodimosti sovershenstvovaniya sistemy podgotovki voditelei* [Psychophysiological substantiation of the need to improve the driver training system] [dissertation]. Moscow: All-Russian disaster medicine centre «Zashchita»; 2012. Russian.
8. Lobanova YI. Driving style: determining factors, characteristics, directions of optimization directions. *Liberal Arts in Russia*. 2015;1:76–84. Russian.
9. Taubman-Ben-Ari O, Mikulincer M, Gillath O. The multidimensional driving style inventory – scale construct and validation. *Accident analysis and prevention*. 2004;36:323–332. DOI: 10.1016/s0001-4575(03)00010-1.
10. Lobanova YuI. [Driving as an activity, behavior and style characteristic]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. 2014;4:97–107. Russian.
11. Sagberg F, Selpi, Piccinini GF, Erström J. A review of research on driving styles and road safety. *Human Factors*. 2015;57(7):1248–1257. DOI: 10.1177/0018720815591313.
12. Bonkalo SV, Petrova MI. Individually-typological determinants of behavior professional drivers on the roads. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2013;2(113):162–166. Russian.
13. Brewer AM. Road rage: what, who, when, where and how? *Transport Reviews*. 2000;20(1):49–64. DOI: 10.1080/014416400295338.
14. Regan MA, Hallett C, Gordon CP. Driver distraction and driver inattention: definition, relationship and taxonomy. *Accident analysis and prevention*. 2011;43:1771–1781. DOI: 10.1016/j.aap.2011.04.0008.
15. Pourabdian S, Azmoon H. The relationship between trait anxiety and driving behavior with regard to self-reported Iranian accident involving drivers. *International Journal of Preventive Medicine*. 2013;4:1115–1121.
16. Edwards BD, Warren CR, Tubre TC. The validity of narcissism and driving anger in predicting aggressive driving in a sample of young drivers. *Human Performance*. 2013;26:191–210. DOI: 10.1080/08959285.2013.795961.
17. Rean AA. *Prakticheskaya psikhodiagnostika lichnosti* [Practical psychodiagnosics of personality]. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University; 2001. Russian.
18. Fourmanov IA, Astreyko NS. The adaptation of the multidimensional driving style inventory. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2016;2:88–93. Russian.
19. Fourmanov IA. *Agressiya i nasilie: diagnostika, profilaktika, korrektsiya* [Aggression and violence: diagnosis, prevention, correction]. Saint Petersburg: Rech'; 2007 Russian.
20. Taubman-Ben-Ari O, Skvirsky V. The multidimensional driving style inventory a decade later: review of the literature and re-evaluation of the scale. *Accident Analysis and Prevention*. 2016;93:179–188. DOI: 10.1016/j.aap.2016.04.038.
21. Taubman-Ben-Ari O, Yehiel D. Driving styles and their associations with personality and motivation. *Accident Analysis and Prevention*. 2012;45:416–422. DOI: 10.1016/j.app.2011.08.007.
22. Fong G, Frost D, Stansfeld S. Road rage: a psychiatric phenomenon? *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2001;36:277–286.
23. Björklund GM. Driver irritation and aggressive behavior. *Accident Analysis and Prevention*. 2008;40:1069–1077. DOI: 10.1016/j.app.2007.10.1014.

УДК 159.923

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

И. Н. АНДРЕЕВА¹⁾

¹⁾Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Беларусь

Представлена авторская интегративная структурная модель эмоционального интеллекта, имеющая трехуровневое строение («интеллект индивида», «интеллект субъекта деятельности» и «интеллект личности»). Первый уровень характеризуется параметрами темперамента (эргичности, темпа, пластичности, эмоциональности), второй – параметрами инструментального (опытного, стратегического) и индивидуально-личностного (межличностного и внутриличностного) эмоционального интеллекта; третий – личностными факторами (общий интеллект, общительность, социальная смелость, эмоциональная устойчивость, адаптивность, принятие себя и других, эмоциональный комфорт, эмоциональная креативность). Представлены результаты эмпирической проверки модели.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; тип, вид и подтип эмоционального интеллекта; опытный и стратегический эмоциональный интеллект; межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект; эмоциональная компетентность.

THE INTEGRATIVE MODEL OF EMOTIONAL INTELLIGENCE

I. N. ANDREYEVA^a

^aPolotsk State University, 29 Blokhina Street, Novopolotsk 211440, Belarus

The article presents the author's integrative structural model of emotional intelligence, which has a three-level structure («individual's intellect», «intelligence of the subject of activity» and «personality intelligence»). The first level is characterized by the parameters of temperament (ergichnost, tempo, plasticity, emotionality); the second – the parameters of the instrumental (experimental, strategic) and individual-personal (interpersonal and intrapersonal) emotional intelligence;

Образец цитирования:

Андреева И.Н. Интегративная модель эмоционального интеллекта. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:125–133.

For citation:

Andreyeva I.N. The integrative model of emotional intelligence. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:125–133. Russian.

Автор:

Ирина Николаевна Андреева – доктор психологических наук, доцент; профессор кафедры технологии и методики преподавания.

Author:

Iryna N. Andreyeva, doctor of science (psychology), doцент; professor at the department of technology and teaching methods.
i.andreeva@tut.by

the third – personal factors (general intelligence, sociability, social courage, emotional stability, adaptability, acceptance of oneself and others, emotional comfort, emotional creativity). The results of empirical verification of the model are presented.

Key words: emotional intelligence; type, species and subtype of emotional intelligence; experienced and strategic emotional intelligence; interpersonal and intrapersonal emotional intelligence; emotional competence.

Известно, что высокий эмоциональный интеллект обеспечивает успешность психической деятельности по распознаванию и пониманию эмоций и управлению ими. Вследствие этого возрастает адаптивность и результативность деятельности индивида в системе «человек – человек», в частности, более эффективны становятся руководство организацией и деятельность ее сотрудников [1], кроме того, повышается личностная зрелость индивида [2]. Вместе с тем современные исследования эмоционального интеллекта осложняются рядом проблем, связанных с неопределенностью места и структуры эмоционального интеллекта среди иных психических феноменов, а также с возможностью его измерения и развития [3]. Анализируя влияние эмоционального интеллекта на продуктивность деятельности, исследователи упускают из внимания следующее: поскольку опросники и задачные тесты, по мнению Д. В. Ушакова, оценивают разные способности [4], высока вероятность того, что речь идет о результатах влияния на эффективность деятельности различных типов эмоционального интеллекта, которые складываются под влиянием разных внутренних и внешних условий. Дифференциация типов, видов и подтипов эмоционального интеллекта позволит разнообразить подходы к его развитию.

Необходимость решения указанных проблем привела нас к разработке *интегративной структурной модели эмоционального интеллекта*, в основе которой лежит синтез модели способностей, понимания эмоционального интеллекта как свойства личности в рамках смешанных моделей эмоционального интеллекта и представлений ряда отечественных и зарубежных психологов об интеллектуальных способностях.

Модель (фр. *modèle*, от лат. *modulus* – мера, аналог, образец) – это система, исследование которой служит средством для получения информации о другой системе [5], а также упрощенное представление о реальном устройстве и (или) о протекающих в нем процессах и явлениях. В научных исследованиях данным термином обозначается аналог какого-либо объекта, явления или системы, т. е. оригинала [6].

Приступая к описанию интегративной структурной модели эмоционального интеллекта, отметим, что интеграция – «процесс, или действие, имеющий своим результатом, целостность; объединение, соединение, восстановление единства» [7, с. 181]; сторона процесса развития, связанная с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов. Ин-

тегративный подход является распространенным в постнеклассической рациональности: «...когда есть две противоречащие теории – это шаг к созданию третьей, включающей их в себя как частные случаи» [8, с. 70]. Представленная в настоящей работе модель эмоционального интеллекта предполагает восстановление единства между следующими структурными компонентами эмоционального интеллекта как интегративного феномена:

- 1) интеллект и личностные свойства;
- 2) интеллект и компетентность;
- 3) инструментальный и рефлексивный интеллект.

В рамках интегративной структурной модели эмоции определяются нами в соответствии с методологическим подходом Дж. Д. Майера и П. Сэловея как упорядоченные адаптивные реакции, фокусирующие когнитивную активность и последующие действия [2]. Вслед за В. Д. Шадриковым интеллект в настоящей статье рассматривается как системное проявление познавательных способностей, для которых умственные способности выступают в качестве общего фактора (общей способности), влияющего на другие способности [9]. Исходя из сказанного выше можно утверждать, что *эмоциональный интеллект* является системным проявлением способностей к анализу, обработке и использованию эмоциональной информации, которая включает в себя значения отдельных эмоций, их сочетаний и последовательности, а также оценку отражаемых ими взаимосвязей.

Согласно В. Д. Шадрикову и Д. В. Ушакову, способности определяются как свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности [9; 10]. При такой интерпретации понятие «способности» можно рассмотреть и как природные возможности человека [9, с. 62], и как приобретенные умственные способности, и как компетенции, которые формируются и проявляются в деятельности. Соответственно, под *эмоционально-интеллектуальными способностями* (способностями эмоционального интеллекта) понимаются свойства когнитивно-аффективных процессов обработки эмоциональной информации, включающие в себя понимание (осмысление) эмоций и управление (осознанную регуляцию) ими. Данные способности проявляются в успешности освоения и реализации деятельности (прежде всего в системе «человек – человек») [11].

К основным способностям эмоционального интеллекта относятся:

- понимание (осмысление) эмоций – способность понимать комплексы эмоций, связи между ними, причины их возникновения, переходы от одной эмоции к другой, вербальную информацию об эмоциях. Как наиболее простая форма или как начальный этап понимания эмоций рассматривается *распознавание (различение, идентификация) эмоций* – взаимосвязанные способности к восприятию эмоций, их идентификации, различению подлинных эмоций и их имитации по лицевой и пантомимической экспрессии, а также по особенностям вокализации;

- управление эмоциями (осознанная регуляция эмоций) – способности к контролю над эмоциями, снижению интенсивности отрицательных эмоций, осознанию собственных эмоций, в том числе и неприятных, способность к решению эмоциональных проблем без подавления связанных с ними отрицательных эмоций [11].

В соответствии с представлениями о высших психических функциях Л. С. Выготского [9], а также с пониманием структуры интеллекта В. Д. Шадрикова в иерархической структуре эмоционального интеллекта выделено три компонента: интеллект индивида, субъекта деятельности, личности.

Эмоциональный интеллект индивида представляет собой природные возможности когнитивных процессов индивида, обеспечивающих обработку эмоциональной информации, он включает в себя врожденные предпосылки эмоциональных способностей. В соответствии с представлениями М. Зейднера, Г. Мэтьюза, Р. Д. Робертса, К. МакКанн, а также В. М. Русалова и С. И. Дудина [13; 14] в нашей модели предпосылки эмоциональных способностей рассматриваются как свойства темперамента. Под темпераментом мы вслед за В. М. Русаловым [15] понимаем психобиологическую категорию, охватывающую все богатство содержательных характеристик поведения человека, совокупность формально-динамических характеристик (эргичность, скорость, пластичность и эмоциональность). Существуют основания полагать, что свойства темперамента в значительной мере обуславливают как когнитивный аспект эмоционального интеллекта (в частности, скорость переработки информации), так и его эмоциональную составляющую (например, такие свойства, как эмоциональная восприимчивость, способность к эмоциональной маркировке, предпочтение эмоциогенных стимулов в процессе обработки информации) [2].

Основываясь на результатах предшествующих исследований [16–18], мы предположили, что эргичность, пластичность и темп являются биологическими предпосылками эмоционального интеллекта. Выраженная эмоциональность, напротив, способствует снижению показателей эмоционального ин-

теллекта: затрудняет понимание эмоций и препятствует управлению ими. Эмпирическая проверка модели показала, что в качестве врожденных компонентов способностей эмоционального интеллекта выступают темп, эргичность, пластичность и эмоциональность – на предметном и социальном уровнях ($p < 0,01$) [11].

В современной психологии умственные способности все чаще рассматриваются как форма развивающейся компетентности [19]. В соответствии с этим *эмоциональный интеллект субъекта деятельности* представляет собой синтез эмоциональных способностей и компетенций, необходимых для анализа эмоциональной информации, он формируется в результате научения профессиональной деятельности и непосредственно последующего ее ведения [11].

Основываясь на предположении о дихотомичности структуры, мы выделяем две составляющие эмоционального интеллекта субъекта деятельности (два надтипа):

- 1) инструментальный эмоциональный интеллект, который проявляется при решении практических задач и подлежит внешней объективной оценке;

- 2) индивидуально-личностный (рефлексивный) эмоциональный интеллект – результат рефлексии над собственным уровнем эмоционального интеллекта, а также его самооценки.

Инструментальный эмоциональный интеллект рассматривается как сочетание интеллектуальных способностей к пониманию эмоций, управлению ими и эмоциональной компетентности. Представляется логичным включить в его состав не только врожденные компоненты способностей к пониманию эмоций и управлению ими, но и прижизненно формирующиеся эмоциональные компетенции, т. е. способности применять знания и умения, использовать личностные качества для успешной деятельности в области анализа и использования эмоциональной информации. Подобный подход допускает возможность измерять эмоциональный интеллект, поскольку тестовые задания обычно обращаются не к способностям как таковым, а к умениям и знаниям [9], и в дальнейшем развивать его.

Согласно модели Дж. Д. Майера, П. Сэловея, Д. Карузо, составляющими инструментального эмоционального интеллекта являются два домена:

- 1) опытный эмоциональный интеллект, который включает в себя способности к распознаванию, выражению и использованию эмоциональной информации без обязательного ее понимания;

- 2) стратегический эмоциональный интеллект, содержащий понимание эмоций и управление ими без обязательного хорошего восприятия эмоций или полного их переживания [20].

В нашей модели эти независимые друг от друга компоненты эмоционального интеллекта рассматриваются как типы инструментального интеллекта.

Под типом понимается форма или вид чего-нибудь, обладающего определенными признаками, а также образец, которому соответствует группа предметов и явлений [21].

Индивидуально-личностный (рефлексивный) эмоциональный интеллект – личностное свойство, осознаваемая эмоциональная самоэффективность индивида в сфере эмоций, представления об уровне собственного эмоционального интеллекта, которые формируются в результате рефлексии. В выделении интеллекта в качестве личностного свойства видится определенное следование психологической традиции: Р. Кеттелл подобным образом охарактеризовал интеллект, включив его показатели в качестве фактора *B* (интеллектуальность) в состав опросника *16PF*.

В результате эмпирической проверки модели были выделены приведенные четыре типа эмоционального интеллекта. Было установлено, что они могут образовывать различные комбинации, предполагающие выделение подтипов эмоционального интеллекта (опытного межличностного, опытного внутриличностного, стратегического межличностного, стратегического внутриличностного). Также были выявлены психологические характеристики типов и подтипов эмоционального интеллекта [11].

Рефлексия, осуществляемая эмоциональным интеллектом, носит многоуровневый характер (от простого осознания чувств к их все большему обобщению). С увеличением уровня рефлексии возрастает роль интеллекта и уменьшается эмоциональность [4]. Самооценка интеллектуальных способностей рассматривается как результат самопознания, осуществляемого посредством рефлексии.

Рефлексия эмоционального интеллекта может быть преимущественно направлена вовне, т. е. на эмоции других людей, либо вовнутрь, т. е. на собственные эмоции. В связи с этим возможно выде-

лить два типа индивидуально-личностного (рефлексивного) эмоционального интеллекта:

1) межличностный эмоциональный интеллект – способности к пониманию чужих эмоций и управлению ими;

2) внутриличностный эмоциональный интеллект – способности к пониманию собственных эмоций и управлению ими.

Сочетания определенных уровней развития способностей и их рефлексии позволяют выделить виды эмоционального интеллекта (рис. 1).

Рефлексивные (совершенный, интегральный низкий) и нерефлексивные (инструментальный, инструментальный низкий) виды эмоционального интеллекта противопоставлены друг другу. У представителей рефлексивных видов объективная оценка эмоционального интеллекта сочетается с самооценкой, а у представителей нерефлексивных видов имеет место несоответствие самооценки (высокой у инструментального, низкой у инструментального низкого) объективной оценке эмоционального интеллекта.

Динамика эмоционального интеллекта в онтогенезе включает в себя «не только повышение его показателей, но и рост внутренней согласованности» [22, с. 19]. Результаты исследований дают основание утверждать, что у испытуемых с наиболее развитым («совершенным») эмоциональным интеллектом высокому уровню инструментального эмоционального интеллекта должны соответствовать высокие показатели индивидуально-личностного эмоционального интеллекта. Интегральный низкий эмоциональный интеллект может свидетельствовать о том, что индивид адекватно отражает в сознании низкий объективный уровень эмоционального интеллекта, однако не стремится к его дальнейшему развитию (или проявлению имеющихся в наличии эмоциональных способностей), поскольку оно либо

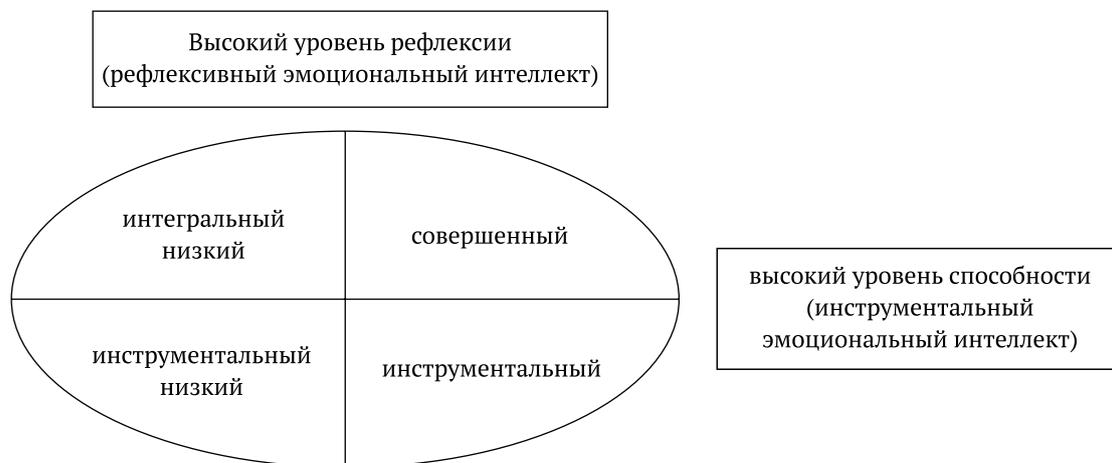

Рис. 1. Рефлексивные и нерефлексивные виды эмоционального интеллекта субъекта деятельности

Fig. 1. Reflective and non-reflective kinds emotional intelligence of the subject of activity

никак не связано с эффективностью деятельности, либо даже препятствует ей [23].

Предполагалось, что глубина осознания индивидом собственного уровня эмоционального интеллекта определяет выраженность определенных индивидуально-типологических и личностных свойств, связанных с адаптацией и переживанием эмоционального благополучия. В результате эмпирической проверки модели было установлено следующее:

1) при переходе от нерефлексивного (инструментального) вида к частично рефлексивному (смешанному) и далее к рефлексивному (совершенному) виду высокоразвитого эмоционального интеллекта наблюдается повышение эффективности, доминантности, притяжения других и снижение тревожности;

2) при переходе от нерефлексивного (инструментального низкого) вида к рефлексивным (интегральному низкому и смешанному низкому) видам низкоразвитого эмоционального интеллекта имеют место повышение эмоциональности (предметной и (или) социальной) и снижение радикализма и интернальности [11].

Это означает, что рефлексия индивида над собственным уровнем высокоразвитого эмоционального интеллекта определяет выраженность у индивида адаптивных индивидуально-типологических и личностных свойств, в то время как осознание собственного низкого уровня эмоционального интеллекта способствует выраженности индивидуально-типологических и личностных свойств, которые затрудняют адаптацию и препятствуют переживанию эмоционального благополучия.

Противопоставлены друг другу также совершенный и интегральный низкий виды эмоционального интеллекта: оба они являются рефлексивными, однако в первом случае адекватная самооценка эмоционального интеллекта соответствует его высокой, а во втором – низкой объективной оценке. Предполагалось, что наряду с общими характеристиками, обусловленными рефлексивностью (возможно, одной из них явится аутентичность – искренность эмоциональной экспрессии, способствующая саморазвитию индивида), указанные виды различаются и выраженностью адаптивных способностей.

Эмпирическая проверка модели показала, что сочетание психологических характеристик, выявленное у каждого из двух оппонирующих друг другу рефлексивных видов высоко- и низкоразвитого эмоционального интеллекта, позволяет совершенный вид первого из них охарактеризовать как эмоционально-активный, поскольку для него в целом характерна большая гибкость мышления и меньшая подверженность внешнему влиянию, а интегральный низкий вид второго из названных – как эмоционально-реактивный, поскольку для него

свойственна ригидность мышления в сочетании с зависимостью эмоциональной жизни от влияния извне. При этом оба рефлексивных вида эмоционального интеллекта характеризуются общей чертой – выраженной аутентичностью ($p < 0,01$) [11].

В соответствии с результатами исследований Ю. И. Мельника зрелый интеллектуальный потенциал характеризуется высокой степенью опосредованности личностными характеристиками, которые играют ведущую роль в проявлении потенциала. В психологическом плане зрелый интеллектуальный потенциал выступает как целостная структура, в которой энергетические, познавательные и личностные характеристики дополняют друг друга. Исходя из этого предполагалось, что высокоразвитый эмоциональный интеллект отличается высокой степенью опосредованности личностными характеристиками.

В данном случае термин «интеллект личности» достаточно условен, он подчеркивает прижизненность и социальность опосредования эмоционального интеллекта рядом коммуникативных, эмоциональных, интеллектуальных и регулятивных характеристик (в частности, общительностью, социальной смелостью, общим интеллектом, эмоциональной устойчивостью, эмоциональной креативностью, адаптивностью, принятием себя и других, эмоциональным комфортом, интернальностью, стремлением к доминированию), способствующих адаптации. Предполагалось также, что для личности с высоким уровнем эмоционального интеллекта характерны низкие показатели эскапизма и тревожности [2; 11].

Эмпирическая проверка модели показала, что на уровне интеллекта личности эмоциональный интеллект опосредован следующими личностными факторами: эмоциональной устойчивостью, подготовленностью, интегральными показателями социально-психологической адаптации (высокими показателями адаптации, самопритяжения, притяжения других, эмоциональной комфортности и интернальности, и низким эскапизма) [11]. Интегративную модель эмоционального интеллекта в обобщенном виде можно представить в виде рис. 2.

Основываясь на материалах предшествующих исследований, можно предположить, что опытный эмоциональный интеллект развивается в процессе получения и последующего анализа эмоционального опыта, который осуществляется во многом стихийно, на интуитивном уровне [10]. Стратегический эмоциональный интеллект, напротив, основан на осознанной практике индивида в области понимания и управления эмоциями, он формируется в результате научения и последующей профессиональной деятельности в системе «человек – человек». Межличностный эмоциональный интеллект развивается под влиянием подготовки индивида к деятельности в системе «человек – человек»,

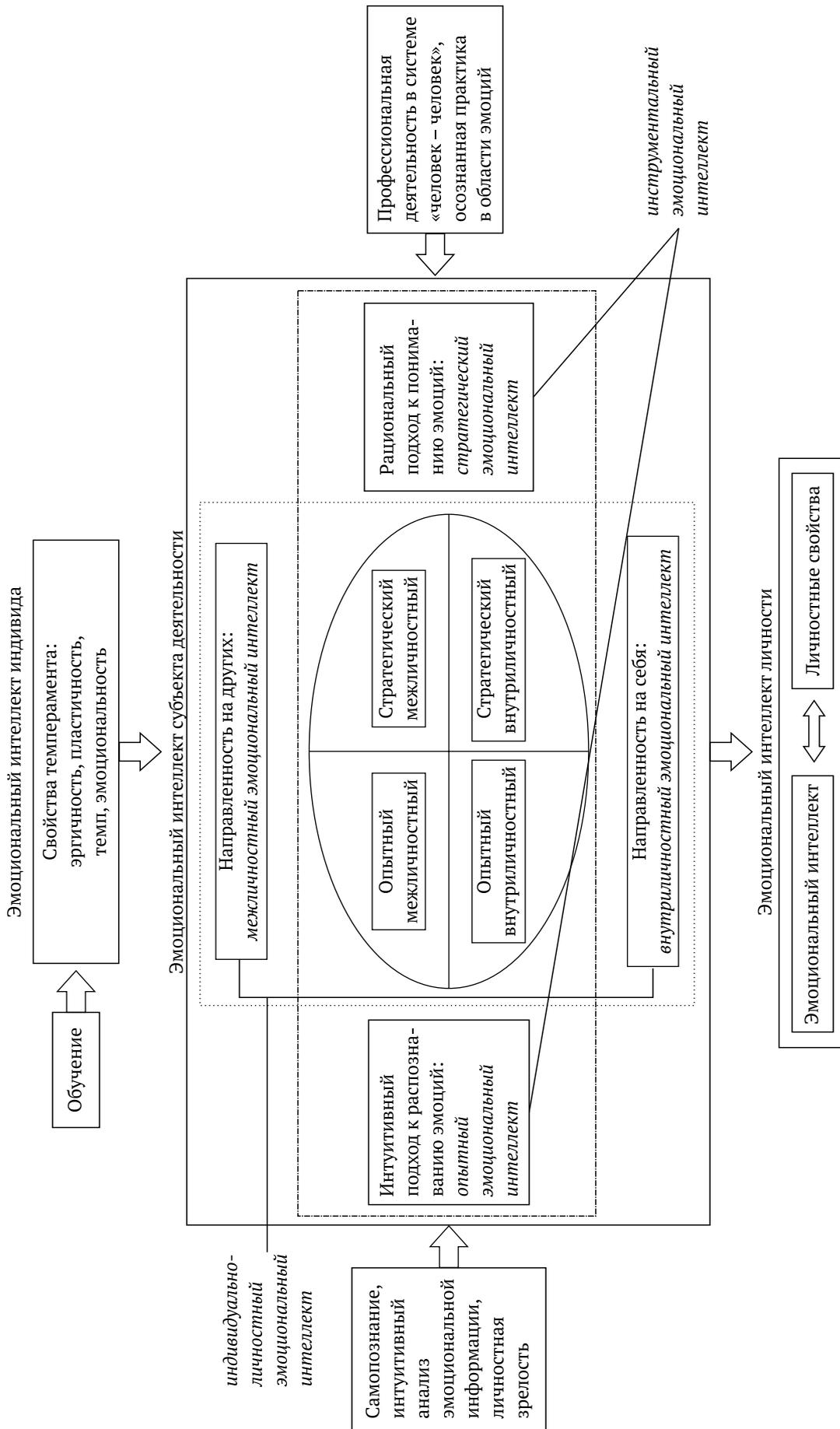

Рис. 2. Интегративная модель эмоционального интеллекта
Fig. 2. The integrative model of emotional intelligence

предполагающей общение и взаимодействие с другими людьми, в то время как внутриличностный эмоциональный интеллект формируется в первую очередь в процессе внутренней деятельности индивида, направленной на самопознание и самосовершенствование, возрастая по мере продвижения индивида к социальной и личностной зрелости.

Указанные выше предположения в основном подтвердились в результате эмпирической проверки модели: установлено, что структура эмоционального интеллекта на уровне субъекта деятельности включает в себя выраженный стратегический и (или) межличностный эмоциональный интеллект у психологов; низкий уровень стратегического, межличностного и опытного интеллекта (что рассматривается как проявление психологической защиты от интенсивных эмоций, возникающих в процессе педагогической деятельности) у педагогов; выраженный опытный интеллект у специалистов с высшим техническим образованием. В структуре эмоционального интеллекта специалиста с высшим образованием на уровне эмоционального интеллекта субъекта деятельности доминирует высоко развитый внутриличностный эмоциональный интеллект.

Таким образом, предложена и прошла эмпирическую проверку интегративная модель эмоционального интеллекта. Установлено, что иерархическая структура эмоционального интеллекта включает в себя интеллект индивида (эмоциональный интеллект как возможность), интеллект субъекта деятельности

(эмоциональный интеллект как когнитивно-личностное образование в составе инструментального и индивидуально-личностного, рефлексивного эмоционального интеллекта) и интеллект личности (эмоциональный интеллект, опосредованный адаптивными характеристиками личности).

На основе критерия объективности или субъективности оценки эмоционального интеллекта выделено четыре типа эмоционального интеллекта субъекта деятельности, два из которых являются инструментальными (опытный, стратегический), а два – индивидуально-личностными (межличностный, внутриличностный). Указанные типы могут образовывать различные комбинации, предполагающие выделение подтипов эмоционального интеллекта. Внутри интегрального эмоционального интеллекта также можно дифференцировать его виды, различающиеся уровнем рефлексии эмоциональных способностей. Типы эмоционального интеллекта складываются под влиянием разных внутренних и внешних условий.

Исходя из приведенной выше структуры, *интегральный эмоциональный интеллект* в целом определяется как когнитивно-личностное образование, как совокупность умственных способностей к пониманию эмоций и управлению ими, компетенций, связанных с обработкой и преобразованием эмоциональной информации, а также коммуникативных, эмоциональных, интеллектуальных и регулятивных личностных свойств, способствующих адаптации индивида.

Библиографические ссылки

1. Петровская АС. *Эмоциональный интеллект как детерминанта результативных параметров и процессуальных характеристик управленческой деятельности* [автореферат диссертации]. Ярославль: Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова; 2007. 27 с.
2. Андреева ИН. *Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии*. Новополоцк: Полоцкий государственный университет; 2011. 388 с.
3. Андреева ИН. О новой теории эмоционального интеллекта. *Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2010;3:48–51.
4. Ушаков ДВ. Социальный и эмоциональный интеллект: надежды, сомнения, перспективы. В: Люсин ДВ, Ушаков ДВ, редакторы. *Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии Российской академии наук; 2009. с. 11–30.
5. Неуймин ЯГ. *Модели в науке и технике: история, теория, практика*. Ленинград: Наука; 1984. 189 с.
6. Никандров ВВ. *Метод моделирования в психологии*. Санкт-Петербург: Речь; 2003. 55 с.
7. Губский ЕФ, Кораблева ГВ, Лутченко ВА, редакторы. *Философский энциклопедический словарь*. Москва: Инфра-М; 1997. 576 с.
8. Гусельцева МС. Постмодернистские перспективы развития психологии. В: Журавлев АЛ, Юревич АВ, редакторы. *Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива*. Москва: Институт психологии Российской академии наук; 2007. с. 45–73.
9. Шадриков ВД. *Ментальное развитие человека*. Москва: Аспект Пресс; 2007. 283 с.
10. Ушаков ДВ. *Интеллект: структурно-динамическая теория*. Москва: Институт психологии Российской академии наук; 2003. 262 с.
11. Андреева ИН. *Структура и типология эмоционального интеллекта* [автореферат диссертации]. Минск: Белорусский государственный университет; 2017. 46 с.
12. Mayer JD. Measuring emotional intelligence with the MSCEIT v. 2.0. *Emotion*. 2003;3(1):97–105. DOI: 10.1037/1528-3542.3.1.97.
13. Zeidner M. Development of emotional intelligence: towards a multi-level investment model. *Human Development*. 2003;46(2):69–96.

14. Русалов ВМ, Дудин СИ. Темперамент и интеллект: общие и специальные факторы развития. *Психологический журнал*. 1995;16(5):12–23.
15. Русалов ВМ. *Опросник структуры темперамента*. Москва: Издательство Института психологии Академии наук СССР; 1990. 60 с.
16. Черных ТВ, Бергфельд АЮ. Феноменология познания эмоций другого человека в связи с особенностями темперамента познающего (на примере исследования студентов-медиков). В: Береснёва НН, Внутских АЮ, Ветошкина ЮВ, Григорьева МИ, Игнатова ЕС. *Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии. Материалы XII Международной научно-практической конференции молодых ученых; 20–22 октября 2010 г.; Пермь, Россия* [Интернет]. Пермь: Пермский государственный университет, Люблинский университет; 2010 [процитировано 28 сентября 2016 г.]. Доступно по: <http://www.psu.ru/psu/files/4802/chernyh.doc>.
17. Айзенк ГЮ. Интеллект: новый взгляд. *Вопросы психологии*. 1995;1:111–129.
18. Александров ЮИ. Развитие как дифференциация. В: Чуприкова НИ, Кошелев АД. *Дифференционно-интеграционная теория развития*. Москва: Языки славянских культур; 2011. с. 49–69.
19. Юсупова ГВ. *Состав и измерение эмоциональной компетентности* [автореферат диссертации]. Казань: Институт педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования; 2006. 18 с.
20. Mayer JD, Salovey P, Caruso D. *Mayer – Salovey – Caruso emotional intelligence test (MSCEIT): user’s man*. Toronto: Multi-Health Systems; 2002. 110 p.
21. Ожегов СИ, Шведова НЮ. *Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений*. 3-е издание. Москва: Аз; 1996. 928 с.
22. Вахрушева ЛН. *Выраженность структурных и качественных характеристик эмоционального интеллекта на этапе юности и ранней зрелости* [автореферат диссертации]. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2011. 21 с.
23. Petrides KV, Furnham A. On the dimensional structure of emotional intelligence. *Personality a. Individual Differences*. 2000;29(2):313–320.
24. Мельник ЮИ. *Формы проявления интеллектуального потенциала человека*. В: Купцов ИИ. *Проблемы взаимосвязи эмоций, мышления и воли. Тезисы VI российской научной конференции; 9–11 июня 1994 г.; Рязань, Россия*. Рязань: Рязанский государственный педагогический университет имени С. А. Есенина; 1994. с. 78–79.

References

1. Petrovskaya AS. *Emotsional’nyi intellekt kak determinanta rezul’tativnykh parametrov i protsessual’nykh kharakteristik upravlencheskoi deyatel’nosti* [Emotional intelligence as a determinant of effective parameters and procedural characteristics of management activities] [dissertation abstract]. Yaroslavl’: P. G. Demidov Yaroslavl State University; 2007. 27 p. Russian.
2. Andreyeva IN. *Emotsional’nyi intellekt kak fenomen sovremennoi psikhologii* [Emotional intelligence as a phenomenon of modern psychology]. Novopolock: Polotsk State University; 2011. Russian.
3. Andreyeva IN. [About the new theory of emotional intelligence]. In: *Vesnik BDU. Seryja 3. Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 2010;3:48–51. Russian.
4. Ushakov DV. [Social and emotional intelligence: hopes, doubts, perspectives]. In: Lyusin DV, Ushakov DV, editors. *Sotsial’nyi i emotsional’nyi intellekt: ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: from process to measurement]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences; 2009.
5. Neumin YaG. *Modeli v nauke i tekhnike: istoriya, teoriya, praktika* [Models in science and technology: history, theory, practice]. Leningrad: Nauka; 1984. 189 p. Russian.
6. Nikandrov VV. *Metod modelirovaniya v psikhologii* [Method of modeling in psychology]. Saint Petersburg: Rech; 2003. 55 p.
7. Gubskii EF, Korableva GV, Lutchenko VA, editors. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar’* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Infra-M; 1997. 576 p. Russian.
8. Gusel’ceva MS. [Postmodernist prospects for the development of psychology] In: Zhuravlev AL, Yurevich AV, editors. *Teoriya i metodologiya psikhologii: postneklassicheskaya perspektiva* [Theory and methodology of psychology: a post-non-classical perspective]. Moscow: Institute Psychology of Russian Academy of Sciences; 2007. p. 45–73. Russian.
9. Shadrikov VD. *Mental’noe razvitie cheloveka* [Mental development of man]. Moscow: Aspekt Press; 2007. 283 p. Russian.
10. Ushakov DV. *Intellekt: strukturno-dinamicheskaya teoriya* [Intellect: a structural-dynamic theory]. Moscow: Institute Psychology of Russian Academy of Sciences; 2003. 262 p. Russian.
11. Andreyeva IN. *Struktura i tipologiya emotsional’nogo intellekta* [Structure and typology of emotional intelligence] [dissertation abstract]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 46 p. Russian.
12. Mayer JD, Caruso DR, Salovey P, Sitareniors G. Measuring emotional intelligence with the MSCEIT v. 2.0. *Emotion*. 2003;3(1):97–105. DOI: 10.1037/1528-3542.3.1.97.
13. Zeidner M, Robert RD, Matthews G, Maccann G. Development of emotional intelligence: towards a multi-level investment model. *Human Development*. 2003;46(2):69–96.
14. Rusalov VM, Dudin SI. [Temperament and intelligence: general and special factors of development]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1995;16(5):12–23. Russian.
15. Rusalov VM. *Oprosnik struktury temperamenta* [Questionnaire structure temperament]. Moscow: Publishing House of Institute of Psychology of USSR Academy of Sciences; 1990. 60 p.
16. Chernyh TV, Bergfel’d AYu. Phenomenology of cognition of the emotions of another person in connection with the characteristics of the temperament of the knower (on the example of the study of medical students). In: Beresneva NI, Vnutskikh AYU, Vetoshkhina YuV, Grigorieva MI, Ignatova ES, editors *Human in the world. The world in human. Actual issues of Philosophy, Sociology, Political Science and Psychology Proceedings of XIX International students, postgraduate students and young scientists conference; 2016 November 24–26; Perm, Russia* [Internet]. Perm: Perm State University of Ljubljana; 2010 [cited 2016 September 28]. Available from: <http://www.psu.ru/psu/files/4802/chernyh.doc>. Russian.

17. Aizenk GJu. [Intellect: a new look]. *Voprosy psikhologii*. 1995;1:111–129. Russian.
18. Aleksandrov JuI. [Development as differentiation]. In: Chuprikova NI, Koshelev AD. *Differentsionno-integratsionnaya teoriya razvitiya* [Differential-integration theory of development]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2011. p. 49–69. Russian.
19. Jusupova GV. *Sostav i izmerenie emotsional'noi kompetentnosti* [Composition and measurement of emotional competence] [dissertation abstract]. Kazan': Institute of Pedagogics and Psychology of Provocational Education of Russian Academy of Education; 2006. 18 p. Russian.
20. Mayer JD, Salovey P, Caruso D. *Mayer – Salovey – Caruso emotional intelligence test (MSCEIT): user's man*. Toronto: Multi-Health Systems; 2002. 110 p.
21. Ozhegov SI, Shvedova NYu. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 72 500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 72 500 words and 7500 phraseological expressions]. Moscow: Az; 1996. 928 p. Russian.
22. Vahrusheva, LN. *Vyrazhennost' strukturnykh i kachestvennykh kharakteristik emotsional'nogo intellekta na etape yunosti i rannei vzroslosti* [The severity of the structural and qualitative characteristics of emotional intelligence at the stage of adolescence and early adulthood] [dissertation abstract] Moscow: Russian State University for the Humanities; 2011. 21 p. Russian.
23. Petrides KV, Furnham A. On the dimensional structure of emotional intelligence. *Personality a. Individual Differences*. 2000;29(2):313–320.
24. Mel'nik JuI. [Forms of manifestation of human intellectual potential]. In: Kuptsov II. *Problemy vzaimosvyazi emotsii, myshleniya i voli. Tezisy VI rossiiskoi nauchnoi konferentsii; 9–11 iyunya 1994 g.; Ryazan', Rossiya*. [Problems of interconnection of emotions, thinking and will: Abstracts of the VI Russian Scientific Conference Ryazan; 1994 June 9–11; Ryazan', Russia]. Ryazan': Ryazan' State University named for S. Yesenin; 1994. p. 78–79. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.10.2018.
Received by editorial board 08.10.2018.

Методы

ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Methods

OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

УДК 159.9.072.59

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЛИЧНОСТНЫХ ОПРОСНИКОВ

Е. А. ТРУХАН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются такие причины снижения достоверности и прогностической ценности диагностической информации при использовании личностных опросников, как фальсификация ответов, установки на ответы, изменчивость ответов. Обобщены и систематизированы данные о проявлении различных видов установок испытуемых на ответы (на симуляцию и диссимуляцию, согласие и несогласие, средние и крайние, социально одобряемые и необычные, необщепринятые ответы).

Ключевые слова: психодиагностика; личностный опросник; достоверность; надежность; фальсификация ответов; установки на ответы; изменчивость ответов; социальная желательность.

Образец цитирования:

Трухан ЕА. Проблема достоверности результатов при использовании личностных опросников. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:134–140.

For citation:

Truhan EA. The problem of validity results when using personality inventories. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:134–140. Russian.

Автор:

Елена Антоновна Трухан – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Elena A. Truhan, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
elena.an.t@tut.by

THE PROBLEM OF VALIDITY RESULTS WHEN USING PERSONALITY INVENTORIES

E. A. TRUHAN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyzes the main reasons for reducing the reliability and predictive value of diagnostic information when using personality inventory, such as falsification of responses, response sets and variability of responses. Data on the manifestation of different types of response sets of the subjects (to simulation and dissimulation, to agreement and disagreement, to average and extreme responses, to socially desirable and unusual, unapproved responses) are generalized and systematized.

Key words: psychodiagnostics; personality inventory; validity; reliability; falsification of responses; response sets, variability of responses, social desirability.

Введение

Защищенность результатов обследования от фальсификаций и влияния установочного поведения испытуемых при использовании личностных опросников представляет собой особую проблему и организационную задачу для диагноста.

Искаженную информацию о себе могут предоставлять испытуемые, у которых отсутствуют необходимые для ответа знания или навыки, которых смущает содержание заданий или которые весьма негативно относятся к ситуации тестирования.

Среди факторов недостоверных и тенденциозных ответов на вопросы указывают потребность испытуемых в защите Я и социальном одобрении, их мнительность или подозрительность, чувствительность к ожиданиям диагноста, недостаточную мотивированность или нежелание прилагать значительные усилия для выполнения заданий методики [1–5].

Самое большое количество недостоверных данных фиксируется при случайных ответах испытуемых, тенденции показать себя с негативной или позитивной стороны, а также при тяжелой психопатологии [6]. Более изощренно исказить информацию о себе способны испытуемые, наиболее осведомленные о личностных свойствах благодаря самотестированию, в том числе в интернете [3].

Два вида желательности ответов испытуемых различают исследователи Е. Н. Осин и соавторы:

1) эгоистическая желательность – приукрашивание субъектных качеств («Я всегда абсолютно уверен во всех своих действиях»);

2) моралистическая желательность – приукрашивание моральных качеств («Я никогда не говорил неправду») [7].

Ситуационная желательность ответов испытуемых связана, согласно А. Г. Шмелеву, с моделью профиля идеального работника, каким испытуемые себе его представляют часто не вполне адекватно [3].

Совокупность тактических приемов и уловок, к которым прибегает испытуемый, пытающийся угадать правильный или выигрышный для него ответ, А. Г. Шмелев называет психологией, поскольку логика таких ответов испытуемых своеобразна, весьма иррациональна и тесно связана с различными эмоциональными установками [3]. Некоторые респонденты, стремясь выглядеть здоровыми, отвечают на вопросы ММРІ (Миннесотского многомерного личностного опросника) так, что в итоге их личностные особенности предстают более патологическими, чем в действительности [2].

Испытуемые избирают определенный план поведения при оценке своих качеств в соответствии с конкретной ситуацией, а не раскрывают свои качества, считают М. П. Крюков с соавторами (1985). И именно планы поведения, а не общепринятая оценка личности по величинам шкал, профилям должны служить материалом для диагноза.

Диагност должен постараться выявить эти моменты до обследования и убедить испытуемых быть внимательными и искренними. Так, выявление формального участия в диагностической процедуре или нежелания респондента вникать в суть заданий может стать веской причиной для пересмотра отношений между работником и организацией.

Однако периодически (особенно при групповом тестировании) испытуемые с подобным установочным поведением или формальным отношением все же выполняют диагностические задания.

Основная часть

Снижение достоверности и прогностической ценности диагностической информации при использовании личностных опросников происходит под влиянием целого ряда причин, основными среди которых являются:

- фальсификация ответов;
- установки на ответы;
- изменчивость ответов.

Фальсификация ответов (от лат. *falsus* – ложный и *facio* – делаю) – искажение, подмена,

предоставление респондентом в ходе обследования ложной информации о себе в целях получения субъективной выгоды.

Просмотрев заполненные бланки ответов, иногда можно заметить большое количество пропусков, смещение ответов вправо или влево и т. п. Испытуемый может ответить небрежно, оставив много вопросов без ответа, использовать шпаргалки (обычно при выполнении тестов способностей и достижений), делать отметки в бланке ответов случайным образом, не читая вопросов, или использовать идиосинкратическую модель ответов (например, повторять в каждом блоке из четырех пунктов последовательность ответов: «верно», «верно», «неверно», «неверно»).

Так как ответы даются испытуемым безотносительно к содержанию заданий, полученные данные обследования должны быть признаны недостоверными и непригодными для дальнейшей обработки.

Фальсификация ответов обычно умышленна. Неосознанная фальсификация данных является проявлением серьезной психопатологии.

К фальсификации диагностических данных испытуемые прибегают в случаях вынужденного участия в обследовании, когда по тем или иным причинам невозможны прямые отказы от участия (как правило, в ситуации экспертизы). Такое поведение бывает вызвано стремлением испытуемого избежать нежелательных последствий или ответственности, недоверием конкретному диагносту или психодиагностике в целом, большим объемом заданий в методике.

Именно очевидная валидность заданий, разработанных, как правило, в рамках содержательного подхода, увеличивает их подверженность фальсификации, отмечала А. Анастаси [1].

Обнаружить фальсифицированные данные позволяют ряд приемов. Так, значительное уменьшение времени выполнения опросника означает, что испытуемый не читал и не обдумывал каждый вопрос [5]. Выявить стратегию случайного ответа помогают особые показатели консистентности протокола на основе заданий, дублирующих друг друга либо текстуально, либо по смыслу [3].

Установки на ответ (англ. *response sets*) – стремление (как сознательное, так и неосознаваемое) респондента выбирать определенную категорию или только один вариант ответа.

Влияние определенных установок испытуемого на ответы в личностных опросниках бывает более завуалированным и часто неосознаваемым. Однако их действие также приводит к искажению диагностических данных и снижает точность и достоверность результатов обследования.

Установки на ответы Л. Кронбах определял как стилевую предрасположенность, стимулируемую формой ответов на задания личностного опросника

[8]. Первоначально такие установки рассматривались как источники нерелевантной дисперсии, подлежащей устранению из тестовых показателей. Позднее их стали считать индикаторами устойчивых личностных характеристик, также требующих изучения и измерения [1].

Степень и характер проявления установочного поведения испытуемого зависят от его индивидуально-личностных особенностей, специфики заданий опросника, мотивации на обследование и ситуации, в которой проводится диагностика. Так, провоцируют проявление любых установок на ответы, по мнению Дж. Гилфорда, те задания, которые неопределенны, неоднозначны и неконкретны [9].

К настоящему времени выявлены и изучены следующие виды установок испытуемого на ответы.

1. **Установка на социально одобряемые ответы** – стремление респондента выбирать социально положительные и желательные ответы.

Стремясь показать себя максимально нормативной и морально-образцовой личностью, испытуемый под влиянием данной установки отвечает не как есть, а как это будет правильно или желательно.

Тенденцию (преимущественно неосознаваемую) выдвигать на первый план свои хорошие стороны, выглядеть в глазах окружающих лучше, чем в действительности, первый исследователь фактора социальной желательности А. Эдвардс называл «эффект фасада» [10]. По его мнению, данное стремление свидетельствует о том, что индивид недостаточно хорошо себя знает либо не готов мириться с собственными недостатками.

Другие исследователи полагают, что социально положительные ответы вызваны общей потребностью индивида в самозащите, социальном согласии, социальном одобрении, а также стремлением избежать критики [1]. К таким ответам склонны испытуемые с неоригинальным мышлением и негибким отношением к решению проблем, с низкой устойчивостью к стрессу и давлению, которые чрезмерно ценят себя, а в качестве психологической защиты используют вытеснение и отрицание [5]. Кроме того, установочное поведение на социально желательные ответы, согласно разным исследованиям, чаще проявляется у мужчин.

Напротив, более образованные, умные и способные люди из высоких социальных слоев, достаточно сильные и уверенные в себе, меньше склонны к проявлению данной установки, поскольку стремятся признавать свои недостатки и неудачи [5].

Специальная шкала социальной желательности, разработанная в 1960 г. Д. Кроуном и Д. Марлоу [4] и адаптированная в 1974 г. на русскоязычной выборке Ю. Л. Ханиным, состоит из утверждений с явно социально одобряемыми и неодобряемыми образцами поведения, с каждым из которых испытуемый должен выразить согласие или несогла-

сие. Итоговый показатель характеризует степень зависимости индивида от благоприятных оценок других людей, его ранимость и чувствительность к средовым и межличностным воздействиям.

Наличие в опроснике задания, провоцирующего социально одобряемые реакции, часто можно распознать по смещению распределения ответов в направлении «да» или «нет» (оно не соответствует нормальному) [11].

2. *Установка на симуляцию* – стремление испытуемого выбирать негативные для описания самого себя ответы.

Неосознанное проявление такой тенденции указывает на выраженную мнительность, внушаемость и ипохондричность обследуемого. Данную установку также связывают с потребностью респондента во внимании, симпатии или помощи в решении собственных проблем.

Человек, считающий, что он нуждается в психотерапии, обращала внимание А. Анастаси, при заполнении личностных опросников будет стремиться выглядеть менее приспособленным, чем это есть на самом деле, имеющим личностные проблемы и комплексы [1]. Ссылаясь на клинические исследования больных разными формами невроза, она отмечала, что для лиц, озабоченных своими проблемами и прибегающих к интеллекту как к средству защиты, характерно более точное воспроизведение в опроснике эмоциональных затруднений, нежели у импульсивных и беспечных индивидов, которые стремятся избегать неприятных мыслей и эмоций и первой защитной реакцией которых является отрицание.

Сознательный и преднамеренный выбор испытуемым «плохих» ответов направлен на фальсификацию результата обследования для достижения субъективно выгодных целей (избегание ответственности за проступки, нежелательных ситуаций или видов деятельности, например, службы в армии).

3. *Установка на диссимуляцию* – стремление респондента выглядеть абсолютно здоровым и благополучным по результатам диагностики.

Улучшение результата обследования, отрицание испытуемым симптомов, привычек, реакций, которые, по его мнению, могут быть восприняты как признаки болезни или какого-либо личностного недостатка, объясняются действием защитных механизмов, в частности, механизма вытеснения. Такой испытуемый может быть сверхзащищенным и пытаться создать нереалистично благополучный образ самого себя. Степень выраженности данной установки учитывается при коррекции результатов нескольких основных шкал ММРІ.

4. *Установка на согласие* – стремление обследуемого выбирать только позитивный из вариантов ответов, т. е. «верно» или «да».

Данную установку считают одной из наиболее существенных по влиянию на ответы испытуемых.

Проявляется она обычно у конформных людей, а также у тех, кто относится подозрительно к обследованию и возможным или воображаемым последствиям, связанным с его результатами.

Исследования Дж. Гилфорда показали, что тенденция испытуемого соглашаться с утверждениями или отвечать на вопросы «да», независимо от их содержания, проявляется чаще всего в тех случаях, когда утверждения (вопросы) сформулированы неоднозначно и неопределенно [9].

Если испытуемый отвечал на все утверждения «верно» в ММРІ, то характерной особенностью профиля будет крайне высокая оценка по шкале *F*, шкалы *L* и *K* будут значительно ниже 50 *T*-баллов, а также наклон профиля будет положительным (психотическим) [5].

5. *Установка на несогласие* – стремление респондента выбирать только негативный ответ, т. е. «неверно» или «нет».

Существует мнение о том, что каждый испытуемый имеет свое место в континууме на шкале, на одном полюсе которой находится последовательный «соглашатель», а на другом – последовательный «отрицатель» [1]. Иными словами, все индивиды различаются своими предпочтениями при выборе ответов «да» и «нет» («верно» и «неверно»).

Проявляется установка на несогласие у испытуемых, отрицательно относящихся к обследованию, а также при низкой очевидной валидности методики и использовании большого объема заданий. Ответ «нет» респонденты-отрицатели считают для себя в таких случаях более безопасным.

В профиле ММРІ у испытуемых, ответивших на все пункты «неверно», наблюдается одновременное и примерно одинаковое повышение по шкалам *L*, *F* и *K*, а также невротический наклон профиля [5].

Одним из эффективных способов минимизации влияния установок на согласие и несогласие считаются сбалансированные шкалы с примерно равным количеством заданий, предполагающих ключевые ответы «да» («верно») и «нет» («неверно»).

6. *Установка на неопределенные или средние ответы* – стремление испытуемого выбирать варианты ответа, занимающие промежуточную или неопределенную позицию.

Респонденты считают среднюю или неопределенную категорию ответов, отражающую нерешительность или неуверенность в ответе («нечто среднее», «не уверен», «не знаю», «затрудняюсь ответить» и т. п.), безопасным компромиссом или способом сохранить тайну личности. Превышение критического значения неопределенных или средних ответов может указывать на недостаточную мотивированность испытуемого на обследование, плохое понимание содержания формулировок заданий опросника из-за низкого уровня общей осведомленности.

Предпочтение обследуемым таких вариантов ответов приводит к снижению валидности заданий

и искусственному завышению надежности опросника, поскольку большинство методов анализа вопросов основывается на крайних значениях показателей. Соответственно, эффективным способом устранения данной установки является использование дихотомических заданий.

Задания, подчеркивает П. Клайн, могут быть сформулированы так, что выбор средней категории не будет притягательным для испытуемых [11]. Эта категория ответов привлекательна тогда, когда оба крайних значения в равной степени оказываются безразличными для испытуемых, к примеру: «Что бы Вы предпочли: осмотреть консервный завод; пойти в местный музей; не знаю». От заданий, для которых во время апробации опросника более 50 % испытуемых потребовалась средняя категория ответов, лучше вообще отказаться.

7. *Установка на крайние ответы* – стремление испытуемого выбирать ответы, расположенные по краям многоэлементной рейтинговой шкалы.

Наиболее часто данная установка проявляется в случаях наличия большого числа категорий ответов (8 и более) [2]. Иногда выбор только крайних вариантов ответов может указывать на сниженные интеллектуальные способности респондента, для которого анализ нюансов отношения к тому или иному высказыванию представляет слишком сложную умственную задачу.

Выбирать крайние ответы предпочитают испытуемые-максималисты, которые все оценивают только полярными категориями и для которых не существует оттенков и полутонов.

На этапе анализа заданий и валидизации переменных опросника необходимо устранить те вопросы (утверждения), которые особенно побуждают испытуемых проявлять данную установку [11].

8. *Установка на необычные, необщепринятые ответы* – стремление испытуемого выбирать нестандартные, эксцентричные ответы.

Чаще эта установка проявляется при использовании не личностных опросников (варианты ответов в которых заданы инструкцией), а других видов психодиагностических методик (например, проективных тестов). Тем не менее исследователь этой установки И. Берг доказал ее независимость от содержания методики. В подтверждение этого он продемонстрировал действие «фактора отклонения» на невербальном материале, в котором требовалось выбрать одну из геометрических фигур. Степень проявления «установки отклонения» связывают с разными типами личностей: один личностный тип предпочитает выбирать обычные ответы, а другой (например, истероидный или нарциссический) – необычные [12].

Изменчивость ответов, получаемых при первичном и повторном применении опросника, и, следовательно, его неудовлетворительная ретестовая надежность – также существенная причина неточ-

ности и недостоверности психодиагностических измерений. По разным данным, от 11 до 35 % испытуемых меняют свои ответы при ретестировании [2]. При повторном обследовании могут не только выявиться отличия в эмоциональном или функциональном состоянии, но и в некоторых случаях кардинально измениться весь профиль личности [13].

Общий разброс результатов обследования является следствием влияния:

1) изменчивости, присущей измеряемому свойству;

2) факторов нестабильности измерительной процедуры.

Любое неучтенное изменение ситуации обследования или флуктуация диагностируемой личностной черты усиливает влияние одних и ослабляет воздействие других факторов на результат диагностики.

Поскольку измерения проводятся с незначительным временным интервалом, непостоянство результатов обследований невозможно объяснить естественными и закономерными изменениями личности. В то же время результат обследования подвержен влиянию большого количества посторонних и варьирующих факторов измерительной процедуры (освещенность, температура и другие особенности помещения, отвлекающие шумы, пол и возраст диагноста, интонация, с которой произносится вводная инструкция и др.). Невоспроизводимость диагностических результатов, как отмечает А. Анастаси, связана и с непредвиденными расхождениями в установках на ответы испытуемых [1].

Надежность, как психометрическое свойство опросника, характеризует именно точность и стабильность результатов обследования, устойчивость измерений к действию факторов-помех. Чем ближе результаты последующих обследований к предыдущим, тем выше точность измерения, стабильность процедуры и, соответственно, надежность методики.

К изменчивости ответов при повторном обследовании, по мнению Л. Голдберга, приводят неясность и трудность вопросов [14].

Каждый человек, согласно теоретической модели Голдберга, имеет свое место на континууме определенной личностной черты, а распределение черты в популяции считается нормальным. Изменчивость ответа на вопрос означает невыполнение одного из следующих условий:

1) испытуемый представляет континуум черты (признает существование различной интенсивности, степени выраженности черты у разных людей);

2) испытуемый понимает «границу вопроса» (точку на континууме черты, справа от которой располагается ответ «да», слева – «нет»);

3) испытуемый понимает, какое место он занимает на континууме (в какой степени он обладает определенной личностной чертой);

4) испытуемый отвечает «да», когда определяет свое место на континууме черты справа от границы вопроса, и «нет» – слева от границы вопроса.

Неясность вопроса в модели Голдберга определяется через широту полосы неясности (амбдекс). Разные испытуемые могут выбирать различные места на континууме черты в качестве границы вопроса. Выбранные точки образуют «полосу нерешительности» как неспособность дать однозначный ответ. Чем шире полоса, тем более неясен вопрос. Показатель неясности характеризует связь между процентом ответов «да» в двух исследованиях и процентом изменений ответов.

Трудность вопроса понимается как сложность оценки себя по отношению к измеряемой личностной черте. Чем ближе к собственному месту на континууме черты испытуемый определяет границу вопроса, тем труднее для него ответить на этот вопрос. В принципе, неясность и трудность вопроса эмпирически неразличимы: при повторном обследовании одной и той же выборки регистрируются только два независимых параметра: процент ответов «да» и процент изменения ответов с «да» на «нет» (или наоборот).

В целом, согласно модели Голдберга, стабильность ответов связана с выбором испытуемым на континууме черты места, далекого от определенной им границы вопроса, и с определением границы вопроса на краях континуума черты. Изменчивость же ответов связана с неясностью и трудностью вопроса, а также с нерешительностью испытуемого (с отсутствием четкого, однозначного мнения по определению границы вопроса, и, соответственно, с неясностью его содержания для испытуемого).

Факторы, вызывающие изменение ответа при повторном обследовании, были проанализированы

на примере вопросов 16PF Кеттелла М. Новаковской [15]. Поскольку в ее исследовании устойчивость ответов испытуемых оказалась связанной с их отрицательным опытом и негативной эмоциональной реакцией на содержание вопросов, постоянство ответов она рассматривает как функцию защитных механизмов. Так, вероятность постоянства ответов испытуемых оказалась выше в следующих случаях:

- совпадение ответа испытуемого с оценками и мнениями его социального окружения;
- безразличие испытуемого к тому, что затрагивается вопросом;
- более неприятное для испытуемого содержание вопросов;
- восприятие ответа на вопрос как угрожающего;
- более сильная связь содержания вопроса с собственными проблемами испытуемого;
- сильное беспокойство, вызываемое вопросом у испытуемого.

Изменчивость ответов была зафиксирована при негативной интеллектуальной оценке испытуемыми как вопросов, так и даваемых на них ответов. В частности, было установлено, что изменчивость ответов возрастает, когда испытуемому трудно правдиво ответить на вопрос, когда вопрос менее понятен для испытуемого. Следовательно, постоянство или изменчивость ответа определяется преимущественно интеллектуальной оценкой как вопроса, так и ответа в тех случаях, когда защитные механизмы не функционируют.

Выявленные зависимости учитывают, считает М. Новаковская, частные случаи моделей Голдберга (о неясности как факторе, приводящем к изменчивости ответов) и Эдвардса (о социальном одобрении как факторе, способствующем стабильности ответов).

Заключение

Перечисленные проблемы использования личностных опросников показывают важность понимания как авторами-разработчиками, так и пользователями специфических особенностей данного вида психодиагностического инструментария, его достоинств и недостатков. Возникает, согласно А. Г. Шмелеву, своеобразная рефлексивная игра: испытуемый стремится угадать способ мышления автора методики, а автор – угадать способ мышления и стили ответов испытуемого [3].

В итоге показатели личностных опросников отражают, по словам А. Анастаси, комбинацию самообмана, попыток обмануть других и реалистического изображения себя, вес каждого из этих компонентов варьируется в зависимости от того, кто и при каких обстоятельствах диагностируется [1]. Это означает, что психологам необходима определенная степень внимательности и критичности в отношении диагностической информации об испытуемых, получаемой с помощью личностных опросников.

Библиографические ссылки

1. Анастаси А, Урбина С. *Психологическое тестирование*. Санкт-Петербург: Питер; 2003. 687 с.
2. Бурлачук ЛФ. *Психодиагностика*. Санкт-Петербург: Питер; 2003. 351 с.
3. Шмелев АГ. *Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом*. Москва: Маска; 2013. 688 с.
4. Crowne DP, Marlowe D. A new scale of social desirability independent of psychopathology. *Journal of Consulting Psychology*. 1960;24(4):349–354.

5. Рукавишников АА, Рукавишникова НГ, Соколова МБ. *Пособие по применению ММПИ*. Ярославль: Научно-практический центр «Психодиагностика»; 2001. 116 с.
6. Морозова-Ларина ОИ. Шкалы достоверности в современной психодиагностике. *Философия и социальные науки*. 2015;4:84–88.
7. Осин ЕН, Рассказова ЕИ, Неяскина ЮЮ, Дорфман ЛЯ, Александрова ЛА. Операционализация пятифакторной модели личностных черт на российской выборке. *Психологическая диагностика*. 2015;3:80–104.
8. Cronbach LJ. Response sets and test validity. *Educational and Psychological Measurement*. 1946;6:475–494. DOI: 10.1177/001316444600600405.
9. Guilford JP. *Personality*. New York: McGraw-Hill; 1959. 562 p.
10. Edwards AL. *The social desirability variable in personality assessment and research*. New York: Dryden Press; 1957. 91 p.
11. Клайн П. *Справочное руководство по конструированию тестов. Введение в психометрическое проектирование*. Киев: ПАН; 1994. 288 с.
12. Berg IA. The deviation hypothesis: a broad statement of its assumptions and postulates. *Response Set in Personality Assessment*. Chicago: Aldine; 1967. p. 167–190.
13. Кортнева ЮВ. *Диагностика актуальной проблемы*. Москва: Институт общегуманитарных исследований; 2004. 240 с.
14. Goldberg LR. Model of item ambiguity in personality assessment. *Educational and Psychological Measurement*. 1963;23:467–500.
15. Nowakowska M. *Psychologia ilościowa z elementami naukometrii*. Warszawa: PWN; 1975. 426 s.

References

1. Anastasi A, Urbina S. *Psikhologicheskoye testirovaniye* [Psychological testing]. Saint Petersburg: Peter; 2003. Russian.
2. Burlachuk LF. *Psikhodiagnostika* [Psychodiagnostics]. Saint Petersburg: Peter; 2003. Russian.
3. Shmelev AG. *Prakticheskaya testologiya. Testirovaniye v obrazovanii, prikladnoy psikhologii i upravlenii personalom* [Practical testing. testing in education, applied psychology and personnel management]. Moscow: Maska; 2013. Russian.
4. Crowne DP, Marlowe D. A new scale of social desirability independent of psychopathology. *Journal of Consulting Psychology*. 1960;24(4):349–354.
5. Rukavishnikov AA, Rukavishnikova NG, Sokolova MB. *Posobiye po primeneniyu MMPI* [MMPI Application Guide]. Yaroslavl: Research and Practical center «Psychodiagnostics»; 2001. Russian.
6. Morozova-Larina OI. Reliability scales in modern psychodiagnostics. *Filosofiya i sotsial'nyye nauki*. 2015;4:84–88. Russian.
7. Osin EN, Rasskazova EI, Neyaskina YuYu, Dorfman LYa, Aleksandrova LA. Operacionalization of fivefactor model of personality lines on the Russian selection. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 2015;3:80–104. Russian.
8. Cronbach LJ. Response sets and test validity. *Educational and Psychological Measurement*. 1946;6:475–494. DOI: 10.1177/001316444600600405.
9. Guilford JP. *Personality*. New York: McGraw-Hill; 1959.
10. Edwards AL. *The social desirability variable in personality assessment and research*. New York: Dryden Press; 1957.
11. Kline P. *Spravochnoye rukovodstvo po konstruirovaniyu testov. Vvedeniye v psikhometricheskoye proyektirovaniye* [A handbook of test construction. Introduction to psychometric design]. Kiev: PAN; 1994. Russian.
12. Berg IA. The deviation hypothesis: a broad statement of its assumptions and postulates. *Response Set in Personality Assessment*. Chicago: Aldine; 1967. p. 167–190.
13. Kortneva YuV. *Diagnostika aktual'noy problemy* [Diagnostics of the actual problem]. Moscow: Institute of Humanitarian Studies; 2004. Russian.
14. Goldberg LR. Model of item ambiguity in personality assessment. *Educational and Psychological Measurement*. 1963; 23:467–500.
15. Nowakowska M. *Psychologia ilościowa z elementami naukometrii*. Warsaw: PWN; 1975. Polish.

Статья поступила в редколлегию 16.10.2018.
Received by editorial board 16.10.2018.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЭССЕ

PSYCHOLOGICAL ESSAY

УДК 159.9.072.43:316:61:316.35

АВТОНОМНЫЙ МЕХАНИЗМ СИМУЛЬТАННОГО СИНТЕЗА В ПРОЦЕССАХ РЕШЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ ЗАДАЧ

В. А. ПОЛИКАРПОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Экспериментальное психологическое исследование мышления осуществляется посредством анализа процесса решения испытуемыми мыслительных задач. Все экспериментальные мыслительные задачи можно разделить на репродуктивные и творческие. К репродуктивным относятся такие задачи, способ решения которых имеется в опыте испытуемого. Решение репродуктивных задач осуществляется посредством специфического механизма мышления – автономного механизма симультанного синтеза. Этот механизм автоматически реагирует на способ организации материала задачи в ее проблемной части и актуализирует соответствующий способ организации решения решенных ранее задач, сходных по способу организации проблемной части с решаемой.

Ключевые слова: мышление; решение задач; автономный механизм симультанного синтеза; алгоритм; инсайт.

AUTONOMOUS MECHANISM OF SIMULTANEOUS SYNTHESIS IN THE PROCESSES OF REPRODUCTIVE PROBLEMS SOLVING

V. A. POLIKARPOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

An experimental psychological study of thinking is carried out through an analysis of the process of solving the problems of the thinking of the subjects. All experimental mental tasks can be divided into reproductive and creative. Reproductive concerns such problems, a method for solving which is available in the subject's experience. The solution of reproductive

---

Образец цитирования:

Поликарпов ВА. Автономный механизм симультанного синтеза в процессах решения репродуктивных задач. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:141–146.

For citation:

Polikarpov VA. Autonomous mechanism of simultaneous synthesis in the processes of reproductive problems solving. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;1:141–146. Russian.

Автор:

Владимир Алексеевич Поликарпов – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Vladimir A. Polikarpov, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of psychology and social sciences.
polikarpoff2@yandex.ru

problems is realized through a specific mechanism of thinking – an autonomous mechanism of simultaneous synthesis. This mechanism automatically reacts to the way the organization of the task material in its problematic part and actualizes the appropriate way of organization of the solution, previously solved tasks, similar in the manner of organizing the problem part with the problem.

Key words: thinking; problem solving; autonomous mechanism of simultaneous synthesis; algorithm; insight.

Введение

Психологию мышления, изучающую творческие процессы в их конкретных проявлениях, интересует прежде всего не сам результат, полученный в итоге решения той или иной проблемы (задачи), а способ или способы, которыми этот результат был достигнут. Именно эти способы и есть то новое, чем обогащается само мышление в результате успешного завершения творческого акта. Их возникновение является причиной развития мышления каждого отдельного индивида и его социально-исторической культуры в целом. А. В. Брушлинский отмечает: «Конечная стадия, или конечное состояние, мыслительного процесса решения задачи не есть лишь логически предметная характеристика познаваемого объекта. Эта стадия включает в себя прежде всего те психические новообразования (новые способы анализа, синтеза и обобщения), которые возникают и развиваются по ходу решения задачи в процессе все более углубленного познания объекта» [1, с. 108].

При таком подходе к мышлению обнаруживается тот факт, что новые способы решения не даны изначально в готовом виде, а возникают и формируются в ходе самого мыслительного процесса. Всякая задача потому и является задачей для данного индивида, что ему изначально не известны способы ее решения, т. е. он должен в процессе мышления самостоятельно их найти. В самом деле, результат, промежуточный или конечный, всегда представлен сознанию. Скрыты могут быть только способы, которыми он достигается.

Прежде чем приступить к поискам ответов на вопросы, каким образом в ходе решения задачи формируются новые способы решения и что представляет собой неосознаваемый компонент этих процессов, попытаемся определить, что есть эти способы, как они существуют и как реализуются в конкретном процессе решения задачи.

«Мышление всегда является творческим» [2, с. 356]. Оно является таковым потому, что всегда направлено на поиски неизвестного и завершается нахождением нового результата, характеризующе-

гося, по отношению к уже имеющимся у субъекта знаниям, новизной. Мышление возникает там, где перед субъектом встает проблема, но неизвестны способы ее решения. В этом смысле репродуктивное мышление – бессмыслица.

Однако есть ситуации, когда новое знание получается целиком, уже известными субъекту средствами. В данном случае проблема состоит в выборе средств и, в более сложных задачах, в изобретении последовательности их применения. В известной степени так работает сегодняшняя прикладная математика.

Тем не менее подобные ситуации также характеризуются проблемностью и вызывают мыслительную деятельность, так как изначально неизвестно, какими средствами решать возникшие проблемы. Назовем такие ситуации (уже – задачи) репродуктивными. Чаще всего они не обогащают мышление новыми приемами, а лишь заставляют его воспроизводить старые, уже известные, повторяя их вновь и вновь. В большинстве своем из наиболее простых репродуктивных задач состоят учебные задачи, рассчитанные на закрепление учащимися новых способов решения (в отличие от тех случаев, когда задача дается с той целью, чтобы ученик сам нашел новый способ решения, т. е. проблемное обучение).

Поставив перед собой цель найти способ существования и реализации способов решения, мы вполне можем воспользоваться наблюдением за решениями репродуктивных задач. Для организации эксперимента, позволяющего сделать это, следует подобрать задачи, которые были бы для испытуемых более, чем учебными (просто тренировочными), но в должной степени знакомыми и поэтому доступными решению. В соответствии с этим в нашем эксперименте математическая задача предлагалась людям, некогда знавшим школьный курс математики достаточно хорошо, но теперь забывшим его. Исследование проводилось среди студентов первого курса одного из гуманитарных факультетов БГУ, поступивших в университет сразу после окончания школы.

Эксперимент

Испытуемым предлагалось следующее условие: доказать, что x в уравнении $x^4 - 7x^3 - 4x^2 - 5x + 4 = 0$ не имеет отрицательных корней.

Задача имеет простое решение. Вся сложность заключается в выборе способа. Данное уравнение не надо решать. Его необходимо преобразовать

так, чтобы ответ сразу стал очевиден. Для этого нужно знать:

1) формулы сокращенного умножения, в частности $(a - b)^2 = a^2 - 2ab + b^2$.

Таким образом, в уравнении $x^4 - 7x^3 - 4x^2 - 5x + 4 = 0$ необходимо увидеть или, как говорят математики, выделить полный квадрат. Путем соответствующих преобразований получаем $(x^2 - 2)^2 - 7x^3 - 5x = 0$;

2) члены уравнения можно переносить на другую сторону с противоположным знаком.

Следовательно, переносим выражение $(-7x^3 - 5x)$ вправо и получаем $(x^2 - 2)^2 = 7x^3 + 5x$;

3) любое число, возведенное в степень с частным показателем, всегда положительное.

Значит, в левой части уравнения положительное число: $(x^2 - 2)^2 > 0$. Если в правой части оно окажется отрицательным, $(7x^3 + 5x) < 0$, то равенство будет нарушено. Следовательно, x не может иметь отрицательных значений. (Если $x < 0$, то $x^3 < 0$, $7x^3 < 0$ и поскольку $7x^3 > 5x$ всегда, то $(7x^3 + 5x) < 0$.) Таким образом, решение сводится к простому преобразованию уравнения и получению вывода на основании правила о возведении в степень положительных и отрицательных чисел.

В эксперименте участвовали 28 человек. Задачу предлагалось решать думая вслух. Самостоятельно решение нашел только один испытуемый. Это случилось очень быстро: на 12-й минуте после начала эксперимента.

(Протокол.) Испытуемый С. К. (Некоторое время думает молча.)

Эксперт: О чем вы думаете? Мы договорились, что вы будете думать вслух.

Испытуемый: Подождите (короткая пауза). Я знаю, как решить эту задачу. Уравнение нужно представить в виде такого равенства, чтобы стало ясно, что в случае, если x – отрицательное число, оно не выполняется. (Но он не преступает к преобразованиям, а просто смотрит на уравнение.)

Эксперт: Чего же вы ждете? Ведь вы сказали, что знаете, как решить задачу.

Испытуемый: Я знаю, что делать, но не знаю, как преобразовать уравнение в такое равенство.

Эксперт: А как вы догадались о том, что нужно делать?

Испытуемый: Я просто помню, что все задачи с подобным условием так решаются. Теперь я думаю, как преобразовать это уравнение. Сейчас я хочу, я думаю как-нибудь сгруппировать члены уравнения, чтобы что-нибудь вынести.

Эксперт: Зачем?

Испытуемый: Может, что-нибудь получится. Мне кажется, что, пока все члены уравнения в левой части, они должны как-то разбиться на две группы. Я мысленно группирую их. (При этом он проводит ручкой над уравнением, словно пере-

считывая члены уравнения или ставя скобки.) Правильно! Правильно. Это полный квадрат. (Переписывает уравнение.)

$$(x^4 - 4x^2 + 4) - 7x^3 - 5x = 0;$$

$$(x^2 - 2)^2 - 7x^3 - 5x = 0;$$

$$(x^2 - 2)^2 = 7x^3 + 5x;$$

$$(x^2 - 2)^2 = x(7x^2 + 5).$$

Если x меньше единицы, то произведение $x(7x^2 + 5)$ тоже меньше единицы. Но это невозможно, так как нарушается равенство. Я бы раньше решил, если бы не надо было думать вслух.

Остальные 7 человек не решили задачу самостоятельно.

Имеется задача, которая в чистом виде содержит в себе решение предыдущей. Условие следующее: доказать, что x в уравнении $x^2 - 2x + 1 - x^5 = 0$ не имеет отрицательных корней.

Ее решение не ставит проблемы выбора средств. Достаточно знать указанные при описании предыдущей задачи три правила алгебры, чтобы решить ее:

$$x^2 - 2x + 1 = (x - 1)^2;$$

$$(x - 1)^2 - x^5 = 0;$$

$$(x - 1)^2 = x^5.$$

В левой части всегда положительное значение, следовательно, в правой части уравнения x не может быть отрицательным.

Данная задача предлагалась испытуемым в качестве подсказки, после того как они признавали предыдущую задачу для себя нерешаемой. Вспомогательная задача была решена всеми. После возвращения к основной задаче семеро испытуемых решили ее.

Каждый протокол требует отдельного анализа. Выберем по одному из тех, что принадлежат решившим и не решившим задачу.

(Протокол.) Испытуемая Л. Д. быстро решила вспомогательную задачу. До этого она, по ее выражению, наугад группировала и переставляла члены уравнения. Это подробно записано на ее листке с решением.

(После решения вспомогательной задачи.)

Эксперт: Теперь попробуйте решить снова вашу задачу.

Испытуемый: Ну, давайте. Так, ну, правильно, они похожи, можно решить.

(Вот, чем кончается у нее предыдущее решение:

$$(x^4 - 7x^3 - 5x) - (4x^2 + 4) = 0;$$

$$x(x^3 - 7x^2 - 5) - 4(x^2 + 1) = 0).$$

Тут можно выделить полный квадрат. А вот и x в нечетной степени: $7x^3$. Все. (Решает.)

Эксперт: Почему вы решили, что они похожи?

Испытуемый: Так, ну, во-первых, условие общее. Потом, когда Вы предложили решить снова старое уравнение, я подумала, что второе, как это иногда делают в школе, Вы дали, чтобы помочь

решить первое. Но это было предположение. Когда я увидела, что условия похожи, я поняла, что это так. И потом, там и там можно было выделить полный квадрат.

(Протокол.) Вот на чем остановилась испытуемая А. Б., решая основную задачу:

$$x^4 - 7x^3 - 4x^2 - 5x = -4;$$

$$x(x^3 - 7x^2 - 4x - 5) = -4.$$

Создалось впечатление, что x может быть отрицательным. После решения вспомогательной задачи и перехода к основной она все равно не может воспользоваться подсказкой.

Эксперт: Посмотрите, может быть, задача, которую Вы только что решили, и эта похожи между собой.

Испытуемый: Да, у них условие общее, но решение различное. Тут же нет полного квадрата. Хотя, может, есть кое-что другое (общее).

(Признает задачу для себя нерешаемой.)

Рассмотрим первый протокол. Условно разобьем весь процесс решения на отдельные этапы. Основанием для такой разбивки мы выбрали поэтапное применение единичных способов решения, завершающееся единичными выводами. Это сделано в целях упрощения анализа протоколов и само по себе не означает описания свойств мыслительного процесса. В выделенных этапах реализация способов решения предстает в чистом виде.

(Этап № 1.) Испытуемый С. К. сразу объявляет, что знает план решения. Он предполагает (несмотря на его сиюминутную уверенность, все-таки предполагает, так как не ясно еще, как именно реализовать план), что уравнение нужно представить в виде равенства невыполнимого в случае существования отрицательных значений x .

В соответствии с указанным прогнозом он ждет, что окажется возможным как-то преобразовать уравнение в такое равенство: «Теперь я думаю, как преобразовать это уравнение». Данное обстоятельство является попыткой сразу реализовать план, что испытуемому не удастся. Однако способ, который был предложен, еще не скомпрометировал себя, так как не были использованы все пути его реализации. С. К. продолжает действовать в том же направлении. (Этап № 2.) Он предполагает, что данное уравнение можно как-то преобразовать, и тогда окажется возможным превратить его в ожидаемое равенство: «Сейчас я думаю как-нибудь сгруппировать члены уравнения, чтобы что-нибудь вынести».

Вместе с идеей сгруппировать члены появляется дополнение к общему прогнозу. Он как бы уточняется: уравнение нужно представить в виде неравенства, для этого в его левой части должны появиться две группы членов: «Мне кажется, что, пока все члены уравнения в левой части, они должны как-то разбиться на две группы». Дальнейшие

действия – реализация этого дополнения. Испытуемый мысленно группирует члены и вдруг (Этап № 3.) замечает полный квадрат. Сразу прогноз: здесь можно вычленивать полный квадрат, и его применение может оказаться полезным, и сразу его реализация. После применения формулы уравнение предстает в новом виде: $(x^2 - 2)^2 - 7x^3 - 5x = 0$. Теперь оно соответствует требованиям общего плана (в левой части члены разбиты на две группы, и возможно перенести одну из них на другую сторону уравнения) и позволяет применить его. Часть $(-7x^3 - 5x)$ переносится. Ожидая в равенстве $(x^2 - 2)^2 = 7x^3 + 5x$ такое свойство, как «в случае, когда $x < 0$, равенство не выполняется», испытуемый находит это свойство: в левой части обязательно положительное число, так как там четная степень, значит, в правой x должен быть только положительным. Испытуемому недостаточно того, что x в правой части стоит в нечетной степени и угрожает нарушить равенство, (Этап № 4.) испытуемый выносит x за скобки: $x(7x^2 + 5)$. Теперь четко видно, что, хотя x в правой части может быть отрицательным, он не может иметь этого знака, так как в правой части все выражение положительное. План счастливо реализован.

В данном протоколе мы выделили четыре этапа решения: появление плана, решение преобразовать уравнение, использование формулы полного квадрата, вынесение в правой части уравнения x за скобки.

Итак, в первом приближении видно, что решение задачи начинается прогнозом. Этот прогноз содержит в себе способ решения, который предполагается применить для получения результата. Хотя сам он перед индивидом предстает как результат. Точнее, прогноз формулируется как результат (языком результата), а не как, скажем, план, содержащий последовательность действий, требуемых для решения задачи, но касается он прежде всего именно действий. Главная (и единственная) его функция – это организовать выбор тех действий, которые необходимы для нахождения результата. С. К.: «Уравнение нужно представить в виде такого равенства, чтобы стало ясно, что в случае, если x отрицательное число, оно не выполняется».

До тех пор пока окончательно не скомпрометирует себя или вдруг не будет заменен новым, прогноз неизменно влияет на весь ход решения. В этом качестве он выступает для индивида как ожидание. Отыскиваются и применяются те действия, которые могут способствовать реализации плана.

На втором этапе, после неудачной попытки сразу реализовать план, испытуемый снова делает прогноз: нужно преобразовать уравнение – сгруппировать члены и что-нибудь вынести. И он снова действует, ожидая, что откроется такая возможность: наугад группирует члены уравнения в надежде найти способ как-то сгруппировать их. Так повторяется на каждом этапе.

Как видим, основным «ведущим» началом мыслительного процесса является прогнозирование. Ведь если бы сначала вовсе отсутствовало хотя бы в минимальной степени предвосхищение искомого, то процесс мышления у данного индивида вообще не начался бы, поскольку он не может осуществляться наугад, без определенной направленности. В связи с этим большую актуальность приобретают вопросы: «Как возникает прогноз?»; «Как именно он существует?»; «Как именно он реализуется в процессе мышления?». Для нас поиск ответов на эти вопросы особенно интересен, так как проблема прогнозирования оказалась связанной с проблемой выбора, существования и реализации способов решения.

Напомним еще раз, что в данном случае речь идет о решении репродуктивных задач.

Во всех случаях прогнозирования, зафиксированных в протоколах, можно выделить нечто общее. Прогнозирование оказывается следствием *узнавания* в исходном материале задачи задач, решенных ранее, имевших схожий исходный материал. После чего способ решения прежде решенных задач становится ожидаемым способом решения новой задачи. Анализ первого протокола показал, что на первом этапе испытуемый сам говорит об этом: «Я просто помню, что все задачи с подобным условием так решаются». На втором этапе, встав перед невозможностью сразу реализовать план, он применяет традиционный в алгебре прием: пытается как-то преобразовать уравнение, группируя его члены. Невозможность реализовать план тоже выступает как условие, требующее определенных действий. На третьем этапе, двигаясь по этому пути, испытуемый замечает, узнает в некоторых членах уравнения исходное состояние формулы полного квадрата. Для людей, имевших дело в основном только с учебными задачами, наличие в их исходном материале таких компонентов, которые позволяют применить какую-то формулу сокращенного умножения или, например, в геометрии теорему Пифагора, всегда означает правильное приближение к результату.

Использование этого приема действительно приводит к решению задачи. На самом заключительном этапе, когда, по мнению С. К., недостает последнего звена, оно находится точно так же. Избранная логика решения требует, чтобы в правой части уравнения x был неопределен, т. е. допускал бы как положительные, так и отрицательные значения. Поскольку имеющееся выражение, по мнению испытуемого, не удовлетворяет этому требованию, он принимает решение как-то преобразовать его в надежде на то, что это изменит положение. Избранное средство вновь оказывается удачным. На этом этапе, как и на втором, решение преобразовать выражение принимается, потому что так обычно делается в алгебре в случаях, когда какое-то выражение не удовлетворяет требованиям плана.

Таким образом, прогнозирование в решении репродуктивных задач – это узнавание способа решения решенных ранее задач, сходных по своей исходной ситуации с решаемой. Механизм такого узнавания – это механизм отыскания и применения способа решения.

Итак, мы поставили вопрос: «Что представляет собой способ решения, как они существуют и как реализуются в процессе мышления?»

Уже имеющиеся в опыте индивида способы решения существуют как конкретные факты решения решенных ранее задач. Они применяются тогда, когда ситуация, сложившаяся в результате анализа решаемой задачи, оказывается формально схожей с исходной ситуацией ранее решенных задач, решение которых может стать решением данной задачи. Отыскание нужного принципа решения всегда характеризуется неожиданностью. Сам субъект в такие моменты оказывается пассивным наблюдателем. Срабатывает какой-то «автомат» мышления, действующий помимо воли и сознания.

Мы разделили мышление на феноменализацию – доступное восприятию воплощение мыслей в ходе решения – и на то, что происходит за ней [3, с. 88]. То, что происходит за ней, относится к действию этого «автомата». Ситуация, напоминающая исходную ситуацию той или иной решенной ранее задачи, складывается в феноменализаторе. Далее работает «автомат». Нечто узнает в сложившейся ситуации знакомые условия, имевшие место ранее в решении подобных задач, и выбрасывает в феноменализатор план (способ) решения.

Что это значит? Мы говорили о том, что то или иное воплощение мысли в феноменализаторе всегда выступает как значение, смысл и как просто образ. Как смысл оно существует для субъекта, для его *Я*. Как образ оно существует для того *нечто*, которое действует за феноменализатором. Образ, актуальное для *нечто* воплощение мысли, имеет какие-то самостоятельные характеристики – его структура. Это форма мысли. «Автомат» мышления имеет дело именно со структурой образа. Установив формальное (структурное) подобие очередного воплощения мысли в феноменализаторе (сложившаяся в ходе анализа ситуация) исходной ситуации ранее решенной задачи, он выбрасывает в феноменализатор на возникшее воплощение мысли *форму* решения этой ранее решенной задачи. Пред сознанием сразу предстает предполагаемое решение задачи в виде плана, воплощенного средствами образного феноменализатора или сразу в виде словесного вывода.

Как это происходит? В данном случае, как и всегда, мышление предстает перед нами как аналитико-синтетическая деятельность. Когда в процессе анализа внимание концентрируется на каком-то свойстве анализируемого объекта, это свойство оказывается свойством вообще и оживляет длинный

ряд ассоциаций (назовем это пока ассоциациями) с теми объектами, которые имеют то же свойство. В описанных выше экспериментах: «Итак, во-первых, условие общее. Потом, когда Вы предложили решить снова старое уравнение, я подумала, что второе, как это иногда делают в школе, Вы дали, чтобы помочь решить первое <...>. И потом там и там можно выделить полный квадрат». Выбранное таким способом решение (вспомогательная задача) оказывается в феноменализаторе. Для нас это происходит мгновенно. Имеющаяся до этого момента выбора-переноса информация решаемой

задачи существует в виде разрозненных, не связанных в логическую последовательность элементов. После наделения ранее решенной задачи формой она становится логически связанным целым, т. е. решением. Этого факта мы не найдем в отчетах испытуемых, «думающих вслух». Он происходит накануне отчета.

Описанный «автомат» мышления мы назвали автономным механизмом симультанного синтеза.

Вышеописанный процесс подходит под определение инсайта. Мы нашли его в решении репродуктивной задачи.

Библиографический список

1. Брушлинский АВ. *Мышление и прогнозирование*. Москва: Наука; 1979.
2. Брушлинский АВ. Творческий процесс как предмет исследования. В: Брушлинский АВ. *Избранные психологические труды*. Москва: Институт психологии Российской академии наук; 2006. с. 356 – 372.
3. Поликарпов ВА. *Квазиграфические объекты в процессах познания и понимания*. Минск: Белорусский государственный университет; 2012.

References

1. Brushlinsky AV. *Myshlenie i prognozirovanie* [Thinking and forecasting]. Moscow: Nauka; 1979.
2. Brushlinsky AV. [Creative process as a subject of research]. In: Brushlinskii AV. *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Psychology Institute of Russian Academy of Sciences; 2006. p. 356–372.
3. Polikarpov VA. *Kvazigraficheskie ob'ekty v protsessakh poznaniya i ponimaniya* [Quasigraphic objects in the processes of knowledge and understanding]. Minsk: Belarusian State University; 2012.

Статья поступила в редколлегию 30.08.2018.
Received by editorial board 30.08.2018.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

THE CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ КАРЛА МАРКСА: СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КАПИТАЛИЗМ»

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «SCIENTIFIC HERITAGE OF KARL MARX: MODERN CIVILIZATION AND CAPITALISM»

В Социологическом институте Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук в Санкт-Петербурге 5–6 октября 2018 г. состоялась Международная научная конференция «Научное наследие Карла Маркса: современная цивилизация и капитализм». Конференция была посвящена 200-летию со дня рождения К. Маркса и вызвала большой интерес как российских, так и зарубежных ученых из стран дальнего (Финляндия, Эстония, Великобритания, США, Германия, Чехия, Китай) и ближнего (Беларусь, Украина, Армения) зарубежья России. Большинство участников представляли различные научные и учебные заведения страны: от центральных (Санкт-Петербургский государственный университет, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Высшая школа экономики, Институт социологии Российской академии наук) до федеральных (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Новосибирский государственный университет) и региональных (Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорочкина, Вологодский государственный университет, Волгоградский государственный университет, Краснодарский государственный университет, Кубанский государственный университет, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачёва и др.). Для участия в конференции зарегистрировались около 200 человек, однако число присутствующих было меньше.

Из Беларуси в программу были включены девять докладов, три из них – от авторов из БГУ: «Маркс о сущности человека» (А. А. Легчилин), «Критика глобального капитализма и *ressentiment* – революции в современном марксизме» (И. Н. Сидоренко), «Российская модернизация – капиталистический проект цивилизационного развития» (Л. Г. Титаренко). Представитель факультета философии и социальных наук БГУ руководил секцией и являлся членом программного комитета конференции. Н. С. Ильюшенко, Л. А. Лойко, А. И. Лойко, Т. Е. Новицкая, Ю. Ф. Никитина, И. Е. Прись представляли другие научные и учебные заведения Беларуси.

В программе конференции, кроме пленарного заседания, были заявлены 11 секций, каждая из которых провела несколько заседаний. Обилие и разнообразие секций позволили рассмотреть множество важных тем. В большинстве секций непосредственно обсуждалось творческое наследие К. Маркса и современное значение его трудов. Первая секция обсуждала мировое значение наследия К. Маркса: судьбу марксизма; вторая – философское и социологическое наследие К. Маркса; четвертая – концептуализацию и современную рецепцию понятийного аппарата К. Маркса; восьмая – новейшие методы и эмпирические исследования в свете интеллектуального наследия К. Маркса; одиннадцатая – образ К. Маркса в культуре и повседневности. Несколько секций были посвящены актуальным научным темам, которые марксизм XIX в. не

рассматривал. Третья секция посвящалась трендам экономического, политического и культурного развития; пятая – критическим подходам к изучению городского пространства; седьмая – цифровой цивилизации: виртуализации и современным социальным коммуникациям; девятая – постсоветской повседневности индустриальных районов в России: идентичности, практикам и неравенству. Особое место на конференции заняли несколько феминистских секций, в работе которых активно принимали участие представители Европейского университета в Санкт-Петербурге, зарубежные и российские исследовательницы, которые активно дискутировали о проблемах женского труда, прекарной женской занятости, гендерного отчуждения и эксплуатации и т. п. Наконец, отдельная секция обсуждала Китай как особую разновидность современной цивилизации.

Большой интерес участников вызвало уже первое пленарное заседание. Оно началось глубоко содержательным и длительным приветственным словом директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук М. К. Горшкова, который приехал из Москвы накануне и вручил серебряные медали им. Питирима Сорокина (главную награду в обществе российских социологов) нескольким сотрудникам Социологического института Российской академии наук. М. К. Горшков подчеркнул, что с переходом постсоветских стран к рыночным отношениям возрастает значимость методологии К. Маркса, поскольку современный рынок пытается захватить помимо экономической и другие сферы жизнедеятельности, в частности, совершает экспансию в науку и образование. Методология К. Маркса, рассматривающая рынок как ресурс, а не цель развития общества, помогает исследователям разобраться в протекающих процессах. В конце приветствия М. К. Горшков призвал участников конференции к творческому, а не формальному прочтению трудов К. Маркса и к отказу от устаревших догм, но не от методологического подхода, предложенного классиком. Декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета Н. Г. Скворцов и директор Социологического института Российской академии наук В. В. Козловский также обратились к участникам с приветствием.

Пленарные доклады охватывали разные стороны наследия К. Маркса. М. Я. Кивинен, бывший директор Александровского института при Хельсинкском университете, представил обстоятельный анализ взглядов К. Маркса на классы и государство. По его мнению, классовый подход в современной социологии не только не устарел, но стал даже более актуальным, поскольку классовое деление сегодня не столь очевидно, как раньше, особенно в России. М. Я. Кивинен подчеркнул, что у К. Марк-

са нет специальных работ о классах, он неоднократно касался этой темы в разные периоды творчества и постоянно развивал собственные идеи. В Россию знания марксизма пришли через В. Г. Плеханова, который невольно искажил некоторые моменты, так же, как это сделал на Западе К. Каутский – редактор четвертого тома «Капитала», вышедшего в начале XX в. на немецком языке. К. Кивинен высказал пожелание: российские коллеги должны попытаться объяснять современную Россию прежде всего через классовый анализ.

Профессор Высшей школы экономики А. Ю. Чепуренко выступил с докладом «Наследие Маркса в XXI веке». Докладчик начал с того, что в современной России «смена векторов» в интерпретации наследия К. Маркса была осуществлена без учета и переосмысления содержания его работ. Новые публикации рукописей К. Маркса, часть которых вообще ранее не была известна читателю, помогают увидеть другого К. Маркса. Только сейчас заинтересованные в истине исследователи могут более подробно ознакомиться с тем, что в действительности было написано К. Марксом и убедиться, например, в том, что К. Маркс никогда не отличался жестким экономическим детерминизмом. По мнению А. Ю. Чепуренко, главный труд К. Маркса «Капитал» остался малоизученным и неверно интерпретированным. К каждому новому изданию первого тома «Капитала» К. Маркс писал предисловия, где уточнял собственную точку зрения и рассматривал теорию о капитале как гипотезу, требующую проверки, а не как догмат (А. Ю. Чепуренко упрекает Ф. Энгельса, который, по его мнению, вульгаризировал диалектику К. Маркса в «Капитале» для упрощения ее понимания читателями).

Директор Социологического института Российской академии наук В. В. Козловский выступил с докладом «Богатство, собственность, неравенство: историческая логика реконструкции». Докладчик, проследив, как развивались указанные идеи в трудах К. Маркса, и указав на значительную долю утопизма, отметил, что сегодня капитализм изменил свою природу. Марксистские идеи развиваются в концепции коммуникативного капитализма, где коммуникация понимается как новый способ господства. Говоря о России, докладчик подчеркнул, что несправедливое распределение общественного богатства может привести к новым социальным взрывам.

На пленарном заседании второго дня конференции также было сделано три доклада: «Диалектика Маркса и науки об обществе» (А. В. Магун, Европейский университет в Санкт-Петербурге), «Социальная онтология и макросоциология марксизма: поучительные дефекты» (Н. С. Розов, Новосибирский государственный университет), «Марксистская идея деградации морали в капиталистическом

обществе» (М. Ф. Черныш, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук). Самым дискуссионным оказался последний из названных доклад, где рассматривался моральный посыл марксизма, которого не замечали многие критики К. Маркса. В основе «расколдовывания капитала», проделанного К. Марксом, лежит и моральный аспект. Пока жив предмет исследований К. Маркса – капитализм, который сегодня изменился, но переживает очередной моральный кризис, – будет существовать и критика его марксизмом.

Рассказать об интенсивной, зачастую сопровождающейся горячими спорами, работе всех секций невозможно. Назовем несколько докладов, отражающих определенную новизну интерпретации марксизма либо творческое использование учения в приложении к современности: «Модерн как “цивилизация отчуждения”»: Маркс, Зиммель и другие» (Д. Г. Подвойский, Москва), «Российский гос-

капитализм как общество зрелищ» (В. И. Ильин, Санкт-Петербург), «“Постправда” как показатель лживости современного общества и аналитический потенциал марксизма» (А. В. Яковенко, Луганск), «Когнитивный капитализм: марксистская транскрипция “общества знания”» (О. Н. Ноговицин, Санкт-Петербург), «Остался бы Маркс марксистом сегодня?» (В. Г. Торосян, Краснодар), «Маркс, капитализм, кухня и женская миграция: “caredrain” и коммодификация эмоций» (Н. Шахназарян, Ереван), «Китаизация марксизма: новая идея социализма с китайской спецификой» (Цзинь Цзюнькай, Китай). В целом конференция отличалась насыщенностью программы, заинтересованностью участников и стала площадкой для дискуссий по многим вопросам марксистского научного наследия, что отражало плодотворность созданной в пространстве конференции творческой интеллектуальной атмосферы.

*Л. Г. Титаренко*¹

---

¹*Лариса Григорьевна Титаренко* – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Larisa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Аблеев С. Р., Золкин А. Л., Марченя П. П.</i> Геополитические угрозы и суверенная Россия: столкновение цивилизаций нарастает?.....	4
<i>Курбачёва О. В.</i> Концептуально-теоретический анализ понятия «этнос»: от объективной реальности до воображаемой конструкции	10
<i>Сухопаров В. П.</i> Философско-методологический анализ проблемы обязательности реализации источников права	18

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Смалякоў Д. А.</i> Філасофскія аспекты інтэрнацыяналізацыі адукацыі на беларускіх землях XVI–XVIII стст.	26
<i>Сайганова В. С.</i> Поле науки и критерии научности социального знания П. Бурдьё	34
<i>Жук Е. И.</i> Ханс-Георг Гадамер о природе языка: проект феноменологической герменевтики ...	39
<i>Буракевич И. Э.</i> Идеи конструктивизма в классической и неклассической философии.....	48
<i>Ратникова И. М.</i> Эволюция философской программы критической теории франкфуртской школы	55

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

<i>Шаров К. С.</i> Философия романтической оперы, женский вопрос и образование европейских наций в XIX в.	64
--	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Руденко О. А.</i> Социологический подход к анализу электорального поведения: теоретико-методологическая специфика	74
<i>Терещенко М. С.</i> К вопросу о классификации медиаисследований	81
<i>Кириллова А. В.</i> Методологические аспекты изучения коммуникационных стратегий религиозных организаций	86

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Фурманов И. А., Лепешко К. В.</i> Методика оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности.....	91
<i>Солодухо А. С., Лозовский А. В.</i> Провокативность в интернет-коммуникации: проблема определения понятия	104
<i>Рогатень О. Ю.</i> Процесс виктимизации как социально-психологическое явление	110
<i>Астрейко Н. С.</i> Личностные факторы стиля вождения автомобиля	117

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Андреева И. Н.</i> Интегративная модель эмоционального интеллекта	125
--	-----

МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Трухан Е. А.</i> Проблема достоверности результатов при использовании личностных опросников.....	134
---	-----

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЭССЕ

<i>Поликарпов В. А.</i> Автономный механизм симультанного синтеза в процессах решения репродуктивных задач	141
--	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Титаренко Л. Г.</i> Международная научная конференция «Научное наследие Карла Маркса: современная цивилизация и капитализм»	147
--	-----

CONTENTS

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Ableev S. R., Zolkin A. L., Marchenya P. P.</i> Geopolitical threats and sovereign Russia: is the clash of civilizations growing?.....	4
<i>Kurbacheva O. V.</i> Conceptual and theoretical analysis of the concept of ethnos: from objective reality to the imaginary construction.....	10
<i>Sukhparau V. P.</i> Philosophical and methodological analysis of the problem of compulsory sources of law recognition.....	18

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Smaliakou D. A.</i> The philosophical aspects of education internationalization on Belarusian territories in XVI–XVIII centuries.....	26
<i>Saiganova V. S.</i> Field of science and scientific criteria of social knowledge P. Bourdieu.....	34
<i>Zhuk K. I.</i> Hans-Georg Gadamer on nature of language: a project of phenomenological hermeneutics.....	39
<i>Burakevich I. E.</i> Ideas of constructivism in classical and non-classical philosophy.....	48
<i>Ratnikova I. M.</i> The evolution of the philosophical program of the Frankfurt School's Critical Theory.....	55

PHILOSOPHY OF ART

<i>Sharov K. S.</i> Philosophy of romantic opera, women problem and European nation formation in the XIX century.....	64
---	----

SOCIOLOGICAL RESEARCHES

<i>Rudenko O. A.</i> Sociological approach to the analysis of electoral behavior: theoretical and methodological specification.....	74
<i>Tereschenko M. S.</i> On the issue of classification of media research.....	81
<i>Kirylova A. V.</i> Methodological aspects of studying communication strategies of religious organizations.....	86

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Fourmanov I. A., Lepeshko K. V.</i> The questionnaire assessments provoking situation of social-comparison jealousy.....	91
<i>Saladukha A. S., Lazouski A. V.</i> Provocativeness in internet communication: the problem of concept defining.....	104
<i>Rohatsen O. Y.</i> Process of victimization as a socio-psychological phenomenon.....	110
<i>Astreyko N. S.</i> Personal factors of the driving style.....	117

PERSONALITY PSYCHOLOGY

<i>Andreyeva I. N.</i> The integrative model of emotional intelligence.....	125
---	-----

METHODS OF PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Truhan E. A.</i> The problem of validity results when using personality inventories.....	134
---	-----

PSYCHOLOGICAL ESSAY

<i>Polikarpov V. A.</i> Autonomous mechanism of simultaneous synthesis in the processes of reproductive problems solving.....	141
---	-----

THE CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

<i>Titarenko L. G.</i> International scientific conference «Scientific heritage of Karl Marx: modern civilization and capitalism».....	147
--	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 1. 2019**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *О. А. Бабашова*
Технический редактор *Ю. А. Тарайковская*
Корректор *К. Б. Скакун*

Подписано в печать 23.01.2019.

Тираж 100 экз. Заказ 26.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2019

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 1. 2019**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *O. A. Babashova*
Technical editor *Y. A. Taraikouskaya*
Proofreader *K. B. Skakun*

Signed print 23.01.2019.

Edition 100 copies. Order number 26.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'variiskaya Str., Minsk 220004.

© BSU, 2019